

Министерство культуры Сахалинской области
Государственное бюджетное учреждение культуры
«Литературно-художественный музей книги
А. П. Чехова “Остров Сахалин”»

XV–XVI ЧЕХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных статей

Составители:
А. А. Жук и Т. А. Сушкевич

Южно-Сахалинск
Издательство СахГУ
2013

УДК 821.0(063)

ББК 83.331

Т67

Составители:

*Жук А. А., директор ГБУК МКЧ «Остров Сахалин»;
Сушкевич Т. А., заместитель директора по научной работе
ГБУК МКЧ «Остров Сахалин».*

Т67

XV–XVI Чеховские чтения: сборник научных статей / сост.:
А. А. Жук, Т. А. Сушкевич. – Южно-Сахалинск : изд-во СахГУ,
2013. – 152 с.

ISBN 978-5-88811-454-4

Издание сборника осуществлено за счет средств субсидии на выполнение государственного задания ГБУК МКЧ «Остров Сахалин».

В сборник включены доклады участников XV–XVI Чеховских чтений, проводимых ежегодно в день рождения Антона Чехова в государственном бюджетном учреждении культуры «Литературно-художественный музей книги А. П. Чехова “Остров Сахалин”».

Сборник предназначен для сотрудников учреждений науки, культуры и образования, а также для всех, кто интересуется вопросами сохранения и популяризации чеховского наследия в мировом социокультурном пространстве и частности на Сахалине.

Ответственность за подбор материалов и данных, представленных для публикации, несут авторы.

УДК 821.0(063)

ББК 83.331

ISBN 978-5-88811-454-4

© ГБУК «Литературно-художественный
музей книги А. П. Чехова
“Остров Сахалин”», 2013
© Издательство СахГУ, 2013

СОДЕРЖАНИЕ

2012

<i>Степаненко А. А.</i>	
«Сахалинские календари» как первое печатное издание Сахалина конца XIX века	5
<i>Кудрявцев И. Г.</i>	
Каторжный Сахалин в начале 900-х годов	11
<i>Щеглов В. В.</i>	
Пиво в истории каторжного и посткаторжного Сахалина	20
<i>Борисова В. Г.</i>	
Анри Труайя о сахалинском путешествии А. П. Чехова	27
<i>Фирсова Е. П.</i>	
Немецкая цитра из собрания Сахалинского областного краеведческого музея: рождение легенды	31
<i>Кокорина И. А.</i>	
Образ и вещь: детская мода и гимназическая форма конца XIX века	36

2013

<i>Чудинова В. И.</i>	
А. П. Чехов и К. М. Станюкович	43
<i>Шумилова Т. Е.</i>	
Авантюрно-детективные черты в романе А. П. Чехова «Драма на охоте»	54
<i>Дорофеева Л. В.</i>	
Чеховские традиции в современной молодежной прозе Сахалина	58
<i>Шайхудинова Ю. Р.</i>	
Рассказы А. П. Чехова для детей	64
<i>Рублева Л. И.</i>	
Журналистская деятельность А. П. Чехова периода поездки на Сахалин	69
<i>Иконникова Е. А.</i>	
Русские писатели о Ландсберге: от Достоевского до Дорошевича	80
<i>Степаненко А. А.</i>	
«Дама с собачкой» А. П. Чехова: художественная интерпретация сюжета в прозе XXI века	90
<i>Гринько Л. Н.</i>	
Мотив проклятия в романах А. П. Чехова «Остров Сахалин» и Симады Масахико «Любовь на Итурупе»	96

<i>Лисицына Е. Н.</i>	
Деятельность Г. И. Зотова на Сахалине.	
История тюремной рыбалки.....	101
<i>Павлова Т. К.</i>	
Национальная и региональная литература: основные компоненты (на примере книги А. П. Чехова «Остров Сахалин»).....	112
<i>Борисова В. Г.</i>	
Мария Леонтьевна Семанова о сахалинском периоде жизни и творчества А. П. Чехова.....	118
<i>Ким Т. Г.</i>	
Опыт первых социологических исследований условий и уровня жизни коренных малочисленных народов севера Сахалина на примере нивхов.....	125
<i>Габриков Я. Е., Карнов В. А.</i>	
Связь поколений. История посещения японскими гражданами могил своих предков на островах Малой Курильской гряды в сентябре 1964 года (по рассекреченным документам Государственного исторического архива Сахалинской области)....	132
<i>Кайгородова А. А.</i>	
Иллюстрации О. Ю. Яхнина к рассказам А. П. Чехова	140
<i>Быков О. П.</i>	
Мой Дед, А. П. Чехов и я (посвящается моему Деду Сидорину Василию Никандровичу).....	148
<i>Сведения об авторах</i>	150

«САХАЛИНСКИЕ КАЛЕНДАРИ» КАК ПЕРВОЕ ПЕЧАТНОЕ ИЗДАНИЕ САХАЛИНА КОНЦА XIX ВЕКА

В период каторги Сахалин заметно отставал в культурном отношении от Хабаровска, Владивостока или Благовещенска. Эти города были очагами культуры и просвещения Дальнего Востока конца XIX века. Первая дальневосточная газета «**Восточное Поморье**» увидела свет в Николаевске-на-Амуре в 1865 году. Ссылная колония наложила неизбежный отпечаток на все стороны жизни острова, поэтому периодическая печать появилась здесь лишь в 90-е годы.

В конце XIX века на Сахалине зарождается культурная жизнь. В книге «Остров Сахалин» (1895) А. П. Чехов пишет об интеллигенции: «Теперь все-таки уже возможны такие развлечения, как любительские спектакли, пикники, вечеринки... И духовные интересы удовлетворяются с большою легкостью. Выписываются журналы, газеты и книги, каждый день получают телеграммы северного агентства; во многих домах есть рояли»¹. В декабре 1896 года в посту Александровском был открыт музей. Кроме него здесь была общественная библиотека, насчитывающая более 2,5 тысячи книг. Библиотеки были и в других центрах – посту Корсаковском и селении Рыковском (ныне с. Кировское).

По данным историков, в 1895 году на острове выписывалось 112 наименований газет и журналов², что говорит о потребности жителей Сахалина в регулярном чтении.

Необходимость выпуска периодического издания созрела в кругах местной интеллигенции. В «Острове Сахалине» мы находим упоминание о рукописном журнале «**Бутончик**», благодаря которому «здешние поэты находят себе читателей и слушателей». Он издавался «одно время в Александровске» и «прекратился на № 7»³.

В 1895 году в посту Александровском начинает выходить «**Сахалинский календарь**». Он выпускался по распоряжению военного губернатора острова, поэтому имел гриф «*Печатано по распоряжению Господина Сахалинского губернатора*». Никаких выходных данных, кроме

¹ Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1984. – Т. 14–15. – С. 322.

² Высоков, М. С. История Сахалина и Курильских островов с древнейших времен до начала XXI столетия : учеб. пособие / М. С. Высоков, А. А. Василевский и др. – Южно-Сахалинск, 2008. – С. 368.

³ Чехов, А. П. Указ. соч. – С. 322–323.

сведений о том, что «печатано на Сахалине», и года издания «Сахалинские календари» не имели.

Книгу выпускали в типографии при полицейском управлении Александровского округа (с 1897 г. – при канцелярии военного губернатора), о котором М. В. Гридяева пишет: «Это было полиграфическое заведение, носившее ведомственный характер, не отвечавшее ни научным, ни культурно-просветительским задачам. Типография не являлась частным предприятием, а состояла в ведении местного военно-административного руководства – управления ссыльнокаторжными Приморской области в посту Дуэ (позднее, с перемещением центрального управления из Дуэ в пост Александровский, ставший новым центром административного управления каторгой – полицейского управления и канцелярии сахалинского губернатора). В ней печатались в основном правительственные циркуляры, счетные книги, бланки различных документов и т. п.»⁴. В этой типографии А. П. Чехову в 1890 году были изготовлены бланки карточек для проведения переписи населения.

«Сахалинские календари» заложили традицию – распространять об острове точные сведения. Задачей составителей было сформировать правильное представление в русском обществе о прошлом и настоящем Сахалина. В издании 1898 года Василий Яковлевич Сцепенский во вступительной статье отмечает, что «старожилы острова», которые трудятся над созданием сборника, давно «бросили бы его, если бы в самое последнее время не появлялись в печати сведения о Сахалине, напоминающие рассказы древних финикийян о путешествиях в страны, откуда они добывали свои богатства. Один, например, из известных наших писателей, кроме многих других неточностей, уверял <...> несколько лет тому назад, что на острове бывает не более 9-ти ясных дней в году <...> Один из гг. корреспондентов упоминал недавно (кроме всего прочего) о основных борах на острове, – сосна на Сахалине не растет. Одним словом, Сахалин для метрополии – *terra incognita*, пиши что хочешь...»⁵.

На страницах рукописи можно найти целый ряд упоминаний о том, что не все сведения, публикуемые о Сахалине, отвечают правде. Так, в очерке «Река Лютога и ее долина» автор приводит пример корреспонденции, напечатанной «лет шесть тому назад» в газете «Владивосток». Он обращает внимание на то, что в журналистском материале отзывы о реке Лютоге «имели характер общих указаний и не были в достаточной степени обоснованы»⁶.

⁴ Гридяева, М. В. Издано на Сахалине / М. В. Гридяева // Вестник сахалинского музея. Ежегодник сахалинского областного краеведческого музея. – № 7. – Южно-Сахалинск : Сахалин. обл. тип., 2000. – С. 170.

⁵ Сахалинский календарь. – 1898. – С. 6–7. (Здесь и далее цитаты из этого издания даются в соответствии с современными нормами русского языка.)

⁶ Сахалинский календарь. – 1898. – С. 5.

Автор «Краткого исторического очерка открытий и описаний острова Сахалина и первых на нем русских поселений» пишет: *«Несмотря на массу самых разносторонних сведений о Сахалине <...> общество до сих пор имеет о нашем острове самое смутное представление <...> За исключением 2–3 отдельных брошюр авторов, специалистов по различным отделам науки, все остальные источники представляют разнохарактерные статейки, помещенные в газетах и других периодических изданиях за последнюю четверть века. Таким образом, желающему познакомиться с Сахалином и его прошлым приходится или рыться в кучах старых газет, или с большим трудом доставать и преодолевать научные книги»*⁷.

Далекий остров Сахалин был источником вдохновения для авторов, публикующихся на материке. Многочисленные труды были посвящены его экономическому, культурному развитию. В 50–80-е гг. XIX в. были изданы работы участников научных экспедиций, путешественников и других исследователей острова. Серьезной причиной поездок на Сахалин журналистов, официальных лиц и представителей стала книга А. П. Чехова «Остров Сахалин». Практически вся обширная литература о Сахалине издавалась в главнейших центрах книжного дела – Петербурге и Москве. Неадекватное изображение действительности, неверные сведения о Сахалине, нередко появлявшиеся в печати, послужили толчком к возникновению на каторжном острове «Сахалинского календаря»: *«Так, чтобы была возможность у интересующихся Сахалином отбрасывать плевелы, вышеупомянутая горсть старослужащих на острове и трудится, посвящая на это свои досуги, над изданием Сахалинского календаря, имея целью распространять об острове верные сведения»*⁸.

В Словаре Ожегова календарь – это «таблица или книжка с перечнем всех дней в году (с различными справочными сведениями)». Однако содержание и наполнение издания конца XIX в. значительно шире указанного определения.

«Сахалинские календари» представляли собой книгу около 200–300 страниц в твердом переплете. Рукописи оформлялись достаточно скромно, без иллюстраций и содержали в себе разного рода тексты, цифры и таблицы.

Все выпуски состояли из двух отделов. **В первом отделе** (официальной части календаря) находились указатель религиозных и государственных праздников, собрание цифровых данных и других сведений о ссыльном населении острова, состоянии сельского хозяйства, рыбного и лесного промыслов, добыче морской капусты, школах, детских приютах, богадельнях, библиотеке, местном музее, законодательные акты,

⁷ Краткий исторический очерк открытий и описаний острова Сахалина и первых на нем русских поселений // Сахалинский календарь. – 1897. – С. 179.

⁸ Сахалинский календарь. – 1898. – С. 7.

информация о «правительственных, общественных и образовательных учреждениях», поименные списки служащих всех ведомств, перечни наиболее важных событий за год. Эти данные дают представление обо всех сторонах жизни Сахалинской каторги.

Второй неофициальный отдел «Сахалинского календаря» – это «материалы к изучению острова». Авторами многих публикаций были люди, сосланные на каторгу за политические преступления. Среди них особо выделялись Л. Я. Штернберг, опубликовавший «Путешествие на крайний север острова Сахалина» (1896), Б. И. Еллинский, написавший «Краткий исторический очерк открытий и описаний острова Сахалина и первых на нем поселений» (1897). «Статья Б. И. Еллинского свидетельствовала: Сахалин – земля исконно Российская, отчая. И мы, современники, – прямые наследники русских людей, заложивших основы экономической и культурной жизни на этой земле», – отмечает В. Подпечников⁹. Кроме того, в 1897 году была опубликована статья народовольца А. И. Александрина «Из поездки по рекам Большая Тымь и Набиль в августе 1896 года».

Таким образом, в создании «Сахалинского календаря» участвовали государственные преступники – политические ссыльные, которые, несмотря на тяжелые условия жизни на каторге, считали необходимым издавать эту книгу. Они внесли существенный вклад в становление печати на Сахалине.

Среди авторов кроме государственных преступников были и другие лица. Доктор Н. В. Кириллов является автором ряда публикаций: «Айно» (1898), «О климате Южного Сахалина» (1899), «О маршрутах по Корсаковскому округу» (1899).

Врач-психиатр Александровского психиатрического отделения лазарета Л. А. Ландау опубликовал ряд статей о людях, страдающих психическими заболеваниями, о безобразном состоянии здравоохранения острова: «К вопросу о призрении душевнобольных на о. Сахалине» (1898), «Очерк призрения душевнобольных на острове Сахалине» (1899).

Любопытны очерки инспектора сельского хозяйства о. Сахалина А. фон Фрикена: «Сахалинская гречиха» (1895), «Леса острова Сахалина» (1897), «Гречиха Вейриха» (1897), «Река Лютога и ее долина» (1898).

Труд авторов и редактора «Сахалинских календарей» был безвозмездным. Доходы от изданий шли на содержание детских приютов. Таким образом, немногочисленная, но достаточно профессиональная группа местной интеллигенции, включая специалистов различного

⁹ Подпечников, Владимир. Вначале были календари (О начале книгопечатания на Сахалине) / Владимир Подпечников // Сахалин. Литературно-художественный сборник. – Южно-Сахалинск : Дальневост. книж. изд-во, Сахалин. отд-ние, 1984. – С. 190.

профиля, наряду с повседневной работой занималась научно-исследовательской деятельностью. Благодаря этим людям зародились основы издательской деятельности, появились на свет первые публикации.

Многие очерки были написаны мастерски, язык и стиль таких публикаций изобиловали удивительными сравнениями, поражали красотой метафор, наличием иронии. В «Сахалинском календаре» за 1895 год был опубликован очерк анонимного автора «Жизнь новых селений Александровского округа (Из путевых впечатлений)». Ниже мы приводим отрывок, в котором описывается встреча поселенцев с медведем: *«Здесь медведь недавно наткнулся на целую артель поселенцев из селения Тис-Кизы. Неожиданное появление хозяина тайги вызвало страшный переполох среди мирно отдыхавшей артели. Сам князь звериного царства, очевидно, был в большом затруднении, причислить ли появившихся ему поселенцев к своим подданным, или же благоразумно убраться подальше от непрошенных гостей, и несколько раз подымался на задние лапы, присматриваясь и недоумевая. Испуганные поселенцы дружно рывкнули “караул” и пустились бежать, кто куда мог. Медведь, не предвидевший такого исхода, ошеломленный и одуроченный (?), последовал их примеру и в постыдном бегстве наткнулся сначала на одного поселенца, потом на другого, и, наконец, придя в отчаяние и ужас, заревел благим матом. В ответ раздался вторичный, но менее отчаянный вопль “караул” и ориентировавшийся Мишка благополучно направился в противоположную от голосов сторону»¹⁰.*

Отличает очерки красота пейзажных описаний: *«Вид с самой высшей точки этого перевала на пройденный путь очень красив: все кругом заполнено более мелкими вершинками холмов и пригорков и почти тут же у ног расстилается гладкая, голубая поверхность Татарского пролива, на которой там и сям черными пятнами разбросаны кунгасы, занятые ловлею селедки, еще дальше чуть виднеются лодки айнецев, промысляющих треску, а ближе многочисленные фонтаны китов, являющихся вслед за селедкой поедать выметанную ею икру. Все это с высоты перевала кажется так близко и иллюзия так велика, что порою, любуясь этою картиной, кажется, что даже различаешь тяжелые вздохи китов, этих исполинов моря, производимые ими во время выбрасывания фонтанов»¹¹.* Поразительные описания сахалинской природы отсылают нас к художественным отступлениям книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», в которой повествование о каторжной жизни, тюрьме, наказании обрамляется поразительными пейзажами, изображением открытого моря, волн. В материалах «Сахалинских календарей» фактографическая

¹⁰ Жизнь новых селений Александровского округа (Из путевых впечатлений) // Сахалинский календарь. – 1895. – С. 76–77.

¹¹ А. фон Фрикен. Река Лютюга и ее долина / А. фон Фрикен // Сахалинский календарь. – 1898. – С. 7.

достоверность удивительным образом «уживается» с лирическими фрагментами. В этом их отличительная особенность.

Публикация «Сахалинских календарей» стала первой вехой в истории периодической печати Сахалинской области. Всего в 1895–1899 годы вышло четыре выпуска: 1895, 1897, 1898, 1899. Пятый выпуск за 1901 год на 32 листах так и остался лежать не опубликованным в хранилищах Российского государственного исторического архива Дальнего Востока. Издание «Сахалинских календарей» стало знаковым для общественной и культурной жизни острова и положило начало книгопечатанию.

КАТОРЖНЫЙ САХАЛИН В НАЧАЛЕ 900-х ГОДОВ

С начала 900-х годов, в преддверии, а затем и в ходе Русско-японской войны одна за другой стали появляться работы, посвященные Сахалину. Это труды И. П. Миролюбова (Ювачева), В. М. Дорошевича, Д. А. Дриля, Н. С. Лобаса, Н. Я. Новомбергского и других. Среди подобной литературы самой большой по объему и самой подробной по содержанию является работа А. А. Панова «Сахалин как колония» (М., 1905).

Александр Алексеевич Панов в 1881–1882 годах служил на Сахалине в течение 14 месяцев. Свои впечатления о Сахалине тех лет он изложил в статье «Ссылка и остров Сахалин», опубликованной в журнале «Русский вестник» за 1889 год (№ 7). Сахалинской теме посвящены его статья «Можно ли отдать Сахалин?» в журнале «Рассвет» за 1905 год (№ 87), публицистическая брошюра «Что такое Сахалин и нужен ли он нам?» (СПб., 1905).

Его книга «Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина» является итогом его сахалинских трудов, а также обзорной по отношению к исследованиям о Сахалине этого периода. Как указывает Н. Аmano в статье «Дискурс А. А. Панова о Сахалине в 1905 году», эта книга была переведена на японский язык в 1942 году и по сей день используется в Японии как основной источник по дореволюционной истории Сахалина¹.

Работа А. А. Панова «Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина», изданная в Москве в 1905 году, носит аналитический характер: в ней около 300 ссылок, где цитируются труды 45 исследователей Сахалина (с конца 60-х годов), в том числе материалы, опубликованные в «Сахалинских календарях», а также около 30 документальных источников по истории каторжного Сахалина (приказы, распоряжения, рапорты, донесения, отчеты, обзоры – с 1870 по 1901 год). В своей книге, которая давно вошла в научный оборот, но до сих пор сама еще не стала объектом научного исследования, автор ставит задачу показать, что «может дать Сахалин как колония, как шла его колонизация, в чем лежат причины ее неуспеха и при каких условиях можно было, по его мнению, поставить дело колонизации на правиль-

¹ Аmano, Н. Дискурс А. А. Панова о Сахалине в 1905 г. / Н. Аmano // Материалы международного симпозиума «История Сахалина (Карафутто) глазами сахалинских и японских исследователей». – Саппоро, 16–17 февраля 2006 г. // Россия и островной мир Тихого океана. – Южно-Сахалинск. – Вып. 1. – С. 45.

ную и прочную основу»². В очерках освещается широкий круг экономических и социальных проблем колонизации Сахалина. Рассмотрим состояние экономики каторжного Сахалина к 1901 году.

В первой главе своего исследования автор анализирует становление промышленности на Сахалине, в первую очередь каменноугольной, являющейся на острове старейшей. Здесь подробно изложена история открытия каменного угля на Сахалине, рассказывается о первых этапах промышленной добычи угля командой лейтенанта Рудаковского с 1856 года, а с 1862 года – исключительно трудом ссыльных, причем хищнически и без всякого плана, так как в числе лиц, руководивших Дуйскими копями, не было людей, хорошо знакомых с горным делом. Автор рассказывает об исследованиях Сахалина в горнопромышленном отношении, произведенных горными инженерами И. Носовым, А. Кеппеном и другими, их оценке производительности Дуйских, а также других месторождений, указывает, ссылаясь на мнение горного инженера А. Марголиуса, что «на Сахалине имеется много данных для создания каменноугольной промышленности» (с. 17). Освещается здесь и такой специальный вопрос, как качество сахалинского каменного угля, образцы которого в конце 50-х годов неоднократно исследовались в лабораториях Горного департамента, а также в ходе практических опытов при употреблении его на наших военных судах. «Оказалось, – пишет А. А. Панов, – что по составу и качествам своим уголь Дуйских месторождений может сравниться только с лучшими сортами английского или шотландского угля и годен не только для топки паровых котлов, но может заменить древесный уголь при всякого рода металлургических операциях» (с. 18). Отрицательно в этой главе оценивается деятельность правительства, которое мечтало о широком сбыте сахалинского угля, предполагая снабжать им не только наши военные суда, но и порты Великого океана, но ничего не предпринимало не только для того, чтобы завоевать иностранные рынки, но даже и для обеспечения собственных судов чуть ли не даровым топливом (выработка дуйского угля обходилась в две копейки за пуд, плохой японский – 30 копеек за пуд, английский – более рубля за пуд). Для эксплуатации сахалинских копей в 1856 году было послано 25 человек, в 1859 году это количество было увеличено до 40–50 человек, в 1861-м к этой команде было причислено 80 человек каторжных. «С таким числом рабочих, – иронизирует автор, – конечно, невозможно мечтать о мировом рынке для сахалинского угля» (с. 21). Лишь в 1869 году, когда вопрос об учреждении на Сахалине

² Панов, А. А. Сахалин как колония. Очерки колонизации и современного положения Сахалина / А. А. Панов. – М., 1905. – С. 6. (Далее сноски на это издание даются в тексте. О пребывании автора на острове и других его работах, посвященных Сахалину, см.: Кудрявцев, И. Г. О книге А. А. Панова «Сахалин как колония» / И. Г. Кудрявцев // Х Чеховские чтения. – Южно-Сахалинск, 2007.)

каторжных работ был решен, на остров было сослано 800 человек, 600 из которых предназначались для разработки залежей каменного угля в посту Дуэ и его окрестностях.

Губительно сказывалось на развитии угольной промышленности отсутствие перевозочных средств, которые были необходимы, чтобы устроить угольные склады в Де-Кастри, в одном из японских или китайских портов, так как весьма значительным препятствием к распространению сахалинского угля была неустроенность Дуйского рейда, где нет какой-либо сносной пристани и никаких перевозных средств, кроме двух-трех барж. Татарский пролив отличается своим беспокойным характером, его каменистое дно не удерживает якоря даже при незначительном ветре, а потому чуть только ветер начинает свежеть, погрузка прекращается, а при более значительном ветре и само судно уходит к материковому берегу, где имеется прекрасная гавань в заливе Де-Кастри. В 1868 году агент крупной американской компании, желавшей завести постоянные отношения с Сахалином, получил разрешение взять в Дуэ 12.000 тонн угля, но загрузив за 8 дней только 260 тонн, ушел в Шанхай, отказавшись от мысли снабжать Америку сахалинским углем (с. 25). Порт в Александровске до революции так и не был построен: Государственная дума 5 марта 1909 года отказала в ассигновании кредита на изыскание порта³.

Единственная попытка как-то решить эту проблему была сделана в 1857 году, когда генерал-губернатор Восточной Сибири издал приказ заготовить как можно больше угля и устроить в Де-Кастри и Николаевске склады для его запасов на случай войны. На основании этого приказа была заложена в Николаевске шхуна «Первая» вместимостью в 250 тонн, которая должна была перевозить каменный уголь из поста Дуэ, но шхуна проплавала несколько лет, перевозя военные грузы, и наконец разбилась у берегов Японии, не перевезя ни одного пуда угля (с. 21). В 1863 году генерал-губернатор Восточной Сибири повторил свой приказ, вследствие которого в Де-Кастри и Николаевске были устроены небольшие склады сахалинского угля. Иностранные суда, заходившие иногда в эти порты, высоко оценили качество сахалинского угля. Американцы в течение ряда лет пытались получить право вывозить его в Америку, причем готовы были платить до 10 долларов за тонну (25 копеек за пуд), надеясь на сбыт его в Сан-Франциско по 18 долларов за тонну. Давно назревшей потребностью, кроме строительства порта в Александровском посту, было и устройство угольного склада в Хакодате (Япония). Вопрос об этом поднимался Министерством иностранных дел еще в 1858 году, в 1866 году наш консул в Японии настаивал на этом, об этом же ходатайствовали в 1872 году главный командир пор-

³ Сенченко, И. А. *История Сахалина и Курильских островов. К проблеме русско-японских отношений в XVII–XX веках* / И. А. Сенченко. – М., 2005. – С. 204.

тов Восточного океана и в том же году генерал-адъютант К. Н. Посьет, представление которого отличалось особенной обстоятельностью. «Он указывает, – отмечает А. А. Панов, – что при тех высоких ценах, какие приходится платить русским судам за иностранный, не всегда хорошего качества уголь, экономия на разнице цен сахалинского и иностранного угля в течение нескольких лет с избытком может окупить не только устройство склада в Хакодате, но и оборудование Дуйского порта и обустройство перевозочными средствами». Но особенно ценными считает исследователь указания Посьета на то, что сахалинский уголь удешевит фрахт на привозимые в Приамурье товары, что приведет к оживлению Приамурского края, к притоку населения в край, «страждущий преимущественно недостатком рабочих рук». «Но все эти ходатайства и представления, – сообщает А. А. Панов, – не имели никакого успеха» (с. 23).

Деятельность акционерного общества «Сахалин» (1875–1901) оценивается исследователем резко «отрицательной величиной». В 1875 году, когда производительность Дуйских копей едва достигала 95,5 тысячи пудов (А. Кеппен в своей работе «Сахалин и его каменноугольные месторождения и развивающаяся на нем каменноугольная промышленность» определял производительность Дуйских копей в 2,5 млн. пудов), Министерство внутренних дел заключило с Я. Бутковским, учредителем «Сахалина», контракт, по которому Дуйские копи отдавались ему в аренду на 24 года, причем правительство обязалось поставлять в рудники в лице каторжных рабочую силу за поденную двадцатикопеечную плату с неустойкой в размере одного рубля в день за каждого невыставленного рабочего.

Бутковский же, обязавшись вести разработку по всем правилам горного искусства и под руководством состоящего на государственной службе горного инженера, довольствовался приглашением штейгера (горного мастера), работы из-за отсутствия наблюдения со стороны администрации за технической стороной дела велись хищнически и столь же примитивно, как велись вначале казной. К тому же общество «Сахалин», используя недоразумения, возникшие при исчислении поденной платы и неустойки казны, прекратило платежи попудных денег, в результате чего за ним накопилась значительная недоимка, составившая в 1884 году 31453 рубля. Эту недоимку разрешили обществу уплатить каменным углем. Но и после 1884 года общество не находило нужным соблюдать условия контракта, и за ним вновь накопилась недоимка, размер которой в 1897 году составил свыше 104 тысяч рублей. Казна трагила исключительно в интересах общества «Сахалин» огромные суммы (до 65 тысяч рублей в год), а результат действий общества – незначительность добычи (чуть более 400 тысяч пудов в год), обесценивание сахалинского угля в связи с его добычей кустарным способом и неправильной транспортировкой. «Расчеты правительства на широкую постановку дела, которая могла бы дать заработок значительному числу

ссылных (до 2-х тысяч, как предполагал Бутковский), также не оправдались, с этим вместе не оправдались ни надежды на горнопромышленную колонизацию острова, ни на выгодность для казны эксплуатации копей при помощи каторжных», – заключает автор (с. 31). Терпение правительства, которое оказывало покровительство обществу «Сахалин», давая ему громадные льготы, несмотря на постоянное нарушение договорных обязательств, перезаключая с ним контракты, истощилось. В 1901 году Дуйские рудники были сданы в аренду товариществу «Маковский и К», возникшему в 1892 году. Сначала это общество арендовало у правительства Сартунайский рудник, но через четыре года перенесло свою деятельность на Мгачинский рудник, а в 1901 году арендовало и Дуйские копи. Деятельность этого товарищества, на взгляд Панова, оказалась более успешной, чем «Сахалина», так как с переводом работ на Мгачинский рудник был устроен в заливе Де-Кастри склад угля, с 1902 года был приглашен горный инженер, добыча угля в рудниках товарищества в 1900 и 1901 годах превышала 2 млн. пудов. Однако исследователь убежден, что «обеспечить правильную постановку работ возможно только при условии, когда наблюдение за ними будет возложено на правительственного агента, так как администрация пока бессильна охранить копи от хищнической их разработки» (с. 36).

В 90-е годы в связи с вырубкой лесов вокруг Александровского поста администрация острова приступила к разработке угля средствами тюрьмы. В 1889 году был заложен Александровский рудник; в 1892 году тюрьмой был открыт новый рудник к юго-востоку от поста Дуэ; в 1895-м в долине реки Ноями, в 18 верстах к северу от поста Александровского, был заложен рудник, названный Владимирским. Производительность рудников, разрабатываемых тюремным ведомством, постоянно растет: в 1898 году добыто 600 тысяч пудов, в 1901 году – 1095 тысяч пудов угля, половина из которого продается на суда, остальная часть используется тюремным ведомством (с. 40).

Давая обзор рыбной промышленности Сахалина, автор называет Сахалин «житницей японцев», где, кроме тука, изготавливаемого из селедки и вывозимого ими для удобрения полей, японцы ежегодно вылавливают громадное количество красной рыбы. Почти вся рыбная промышленность находится в руках японцев. Так, в 1901 году в Корсаковском округе на 6035 японцев приходилось лишь 170 русских рабочих. В 1889 году на Сахалине насчитывалось 224 рыболовных участка, из них русских промыслов формально было 81, но большинство только числились русскими, в действительности также принадлежали японцам. В связи с тем, что нет точного учета заготавливаемой японцами рыбы, исследователь приводит сравнительные данные. Так, Н. С. Мицуль в своей книге «Очерк о. Сахалина в сельскохозяйственном отношении» дает подробные данные о состоянии этой промышленности в 1871–1872 годах, когда число японских рабочих достигало 600 человек, а количество до-

бытого тука – более 147 тысяч пудов. В 1900 году количество японцев увеличилось в десять раз, и, вероятно, во столько же раз увеличилась добыча тука, а это значит, что одной только селедки вылавливают японцы свыше трех млн. пудов (с. 44).

«Японцы уже давно, еще в конце прошлого столетия, по достоинству оценили рыбные богатства края и с тех пор не переставали развивать здесь этот промысел; он считался ими настолько выгодным, что, передавая остров в наше полное владение, они включили в один из параграфов трактата 1875 года условие, по которому права на этот промысел сохранялись за ними еще на 10 лет. В 1885 году уже истек срок этой льготы, но, как известно, японское правительство усиленно хлопотало о продлении ее...», – писал А. А. Панов в своей статье «Ссылка и остров Сахалин» еще в 1889 году⁴. А тот факт, что многие русские промышленники Сахалина также перерабатывают селедку на тук для удобрения японских полей, исследователь объясняет «не недостатком предприимчивости, а слабым развитием судоходства и дороговизной фрахта, который не может выдержать столь дешевый продукт, как селедка» (с. 45). Кроме того, на Сахалине нет специалиста по засолке рыбы; попытки пригласить такого специалиста из России не дали результатов, а послать за границу на обучение показалось казне дорого, так что на Сахалин по-прежнему поставляется соленая рыба из Николаевска, несмотря на собственное рыбное богатство (с. 174).

Что же касается лесной промышленности Сахалина, то она находилась в то время в зачаточном состоянии, хотя около двух третей острова Сахалина было занято лесами, состоящими из хвойных пород – лиственницы и ели, представляющих прекрасный строительный материал. Эксплуатация сахалинского леса с коммерческой целью началась в 1896 году, когда известные рыбопромышленники Семенов и Демби, взяв подряд на поставку шпал в Китай для строившейся там железной дороги, заготовили на Сахалине свыше 120 тысяч шпал (с. 45). В начале 1898 года администрация Корсаковского округа организовала лесорубные артели для экспорта леса во Владивосток, Порт-Артур, Дальний и Японию, однако они вскоре распались, так как за работу поселенцам не платили, несмотря на то, что была выдана ссуда в 10 тысяч рублей из сахалинского экономического фонда, которая так и не была возвращена (с. 179).

В главе четвертой рассматривается колонизация Сахалина в сельскохозяйственном отношении. Приводя цифровые данные из «Обзора о. Сахалина» за 1900–1901 годы, исследователь отмечает, что к 1 января 1902 года население Сахалина состояло из 36,595 человека, из них 14,565 человека заняты сельским хозяйством. В 1901 году на острове числилось 4295 хозяйств, из них почти 53 % не имели хлеба для осеменения полей и получали

⁴ А. С. Ссылка и остров Сахалин / А. С. // Русский вестник. – 1889. – № 7. – С. 71. (А. С. – псевдоним А. А. Панова. Раскрыт М. Л. Семановой.)

его из казны. В 1901 году оказалось, что это сельскохозяйственное население могло прокормиться собственным хлебом только 5 месяцев и 12 дней. Если учесть еще и картофель, то своим урожаем сельское население могло прокормиться только 117 дней, причем на прочие нужды средств не было. Подводя итоги, автор указывает, что средний ежегодный заработок на одного человека составлял от 6 до 13 рублей. «Такие заработки не могут обеспечить никакого, даже самого нищенского существования, и, несомненно, голодный мор был бы хроническим явлением на Сахалине, если бы казна не приходила на помощь выдачею хлеба в натуре и кормового довольствия деньгами», – отмечает А. А. Панов (с. 78). На казенное довольствие на один год зачисляются те из поселенцев, которые причисляются к селениям для устройства домообзаводства и ведения сельского хозяйства, а в случае неурожая – на 2 года. Кроме того, поселенцам выдаются ссуды на материалы, инструменты, земледельческие орудия, а также ссуды на приобретение скота. В 1901 году задолженность населения казне составила почти 242 тысячи рублей, то есть по 56 рублей на каждое хозяйство, а это значит, что значительная часть населения обречена на вечную задолженность казне (с. 82).

Неразумные действия администрации, ссылавшей на Сахалин арестантов без учета того, можно ли разместить всех ссылаемых преступников, сложный климат Сахалина, требующий осмотрительного выбора мест для устройства поселений, отсутствие инструментов, с помощью которых поселенцы могли бы построить себе жилье и раскорчевать девственную тайгу, недоброкачественные семена, выдаваемые для посева, отсутствие дорог к вновь организуемым селениям, отсутствие навыков к ведению сельского хозяйства у значительной части поселенцев – вот те причины, по которым не удалась сельскохозяйственная колонизация Сахалина.

Анализируя отчеты Главного тюремного управления, исследователь показывает, как росла колонизационная лихорадка на Сахалине. В 1882 году на всем Сахалине было только 13 поселений. С этого времени в связи с окончательным решением вопроса о сельскохозяйственной колонизации Сахалина начинается поспешное образование новых поселений, и в 1898 году их насчитывается уже 136, причем с 1893 по 1897 год было основано 63 поселения (с. 126). Поселенцы выселялись в тайгу на участок, выбранный каким-либо надзирателем, без осмотра его специалистом, с почти голыми руками. Так были основаны селение Палево в Тымовском округе среди болот и тундры, селения Таулан, Далдаган, Чернолисье, Борисовка. По Охотскому побережью несколько селений разбито на таких местах, где по условиям почвы и климатическим никакой хлеб родиться не может, таковы селения Дудино, Береговое и другие. Некоторые селения устроены, неизвестно по каким соображениям, на морском берегу в таких местностях, где нет никакого сообщения с центральной частью острова, они по 8 месяцев в году совершенно отрезаны от мира. Сообщение с ними только на паровых катерах два раза в год (с. 132).

Но и там, где земледелие возможно, трудность раскорчевки участ-

ка, предназначенного для пашни и огорода, ведет к тому, что размер земельных участков (даже если нормой считать не три десятины на семью, а две) не обеспечивал свыше 80 % хозяйств. Вместе с тем, хотя и медленно, увеличивается площадь раскорчеванной из-под леса земли. Так, в 1895 году пахотной и приусадебной земли считалось на всем острове около 6 тысяч десятин, в 1900 году – более 7 тысяч, следовательно, площадь культурных земель увеличилась более чем на 20 % (с. 160–161).

Отмечается автором также тенденция, общая для всех округов Сахалина, к укрупнению хозяйств: в Тымовском округе число хозяйств, имеющих от одной до двух десятин и выше, увеличилось в 5,5 раза, свыше трех – в 8 раз (с. 158). «Эти данные показывают, что в земледельческом населении Сахалина... совершается процесс мобилизации земли в руках более сильных хозяев, дающий возможность существовать исключительно от земли» (с. 160). Хотя последние три года (1899–1901) считаются благоприятными для скотоводства в смысле увеличения скота, распределяется он между хозяйствами крайне неравномерно, и если есть хозяйства, имеющие по 20–30 голов, то 42,5 % хозяйств скота вообще не имеют (с. 155). То же самое касается и наличия рабочего скота в хозяйствах Сахалина. Если в 1898 году некоторые хозяйства имели по несколько голов рабочего скота, то из 5838 хозяйств этого года 57 % такого скота вообще не имели и, следовательно, обрабатывали землю мотыгой и не имели возможности ее удобрять (с. 148). «Не тому надо удивляться, что сельское хозяйство дает на Сахалине незначительные результаты, а тому, как оно может еще существовать при наличности стольких неблагоприятных условий, и не леность сахалинца, а то, поистине изумительное, упорство, с которым он борется с этими условиями, вот что заслуживает величайшего удивления», – заключает исследователь (с. 152).

Считая, что вопрос о развитии сельского хозяйства имеет громадное значение для всей колонизационной политики на Сахалине, А. А. Панов решительно отвергает отрицательное отношение администрации острова и Главного тюремного управления к возможности сколько-нибудь успешного ведения здесь сельского хозяйства, которое возобладало после 1897 года, то есть после того времени, когда бывший начальник Главного тюремного управления А. П. Саломон подверг беспощадной критике систему колонизации Сахалина. В связи с тем, что до сих пор не было произведено исследований о положении сельского хозяйства на Сахалине, автор, опираясь на те данные, которые дает администрация в своих отчетах, то есть на показания опытного характера, приходит к выводу, что «ни климатические, ни почвенные условия этого острова не представляют непреодолимых препятствий для занятия земледелием, что главным препятствием для развития этого промысла является, наоборот, недостаток культурных приемов как при расчистке новых земель из-под леса, так и в обработке почвы, а вместе с тем и отсутствие сколько-нибудь проезжих дорог. Устранение всех этих препятствий лежит

во власти человека, и, следовательно, производительность сахалинских почв может быть значительно увеличена, что и подтверждается примером тюремного хозяйства Тымовского округа» (с. 157).

Критически относится А. А. Панов и к спорам о сельскохозяйственной емкости острова, то есть о том числе хозяйств, которое может пропитывать себя земледелием. Так, если анонимный автор статьи «К вопросу о будущности и устройстве Сахалина» («Тюремный вестник», 1901, № 6) полагает, что свободных земель остается на Сахалине не более как на тысячу хозяйств, то бывший начальник тюремного управления А. П. Саломон расширяет это число от 2700 до 4000 хозяйств, а инспектор сельского хозяйства на Сахалине ограничивает его до 3500. Отвергая эти домыслы, исследователь указывает, что «годных для культуры земель никто не измерял, и все приведенные расчеты сделаны на глазок и, следовательно, весьма гадательны». Допуская, что удобных земель на острове действительно осталось мало, он утверждает, что «в этот расчет не вошли земли, которые при помощи мелиоративных работ, каковы: осушка болот, пережигание и глубокое перепахивание торфяников, улучшение физических свойств почвы из-под хвойных лесов внесением в них обильного удобрения и прочее, могли бы сделаться культурными... Правда, такие работы не под силу отдельным хозяевам, но у сахалинской администрации есть много средств для этого...» (с. 163). Вместе с тем исследователь вовсе не считает, что земледельческий промысел может сделаться преобладающим на острове, на его взгляд, он будет иметь, по сравнению с горным, рыбным и другими возможными на Сахалине промыслами, лишь третьестепенное значение, но это вовсе не значит, что им следует пренебрегать. Во-первых, из числа ссыльно-каторжных свыше 64 % принадлежат к крестьянскому сословию, всем этим людям нужно дать подходящее занятие. Во-вторых, земледельческий промысел важен из-за островного положения Сахалина, так как могут случиться обстоятельства, при которых подвоз продовольствия с материка окажется невозможным. В-третьих, чем шире будет развито на острове сельское хозяйство, чем меньше будет потребности в дорогом привозном хлебе и скоте, тем дешевле обойдется производство в других промыслах. Заканчивая анализ экономики Сахалина, исследователь аргументированно доказывает: «Идеал, к которому должно стремиться в этом отношении Сахалину, есть, по возможности, полная независимость в средствах пропитания. Только при этом условии он будет в состоянии наиболее полно утилизировать свои богатства» (с. 171).

«После войны, – пишет А. А. Панов, – все здесь должно измениться... Колонизация Сахалина, благодаря его неисчерпаемым и разнообразным богатствам, с одной стороны, и вследствие его географического положения, создающего из него огромной величины форт для всего Приамурья, с другой – есть дело громадной государственной важности, перед которым совершенно меркнет его значение как места ссылки» (с. 228).

ПИВО В ИСТОРИИ КАТОРЖНОГО И ПОСТКАТОРЖНОГО САХАЛИНА

Казалось бы, несерьезная тема для такого серьезного мероприятия, как «Чеховские чтения»... Однако при ее исследовании, по-видимому, необходимо принять во внимание тезис о том, что состояние пивоварения является ярким индикатором успехов/неудач в освоении наших островов. Замечено, что во все времена пиво – продукт мирной, стабильной и сытой жизни. Его производят и пьют много в те периоды, когда общество процветает или, по крайней мере, находится на подъеме. И, напротив, в годы смут, социальных катаклизмов и войн общественный интерес к пиву падает, а отрасль одной из первых оказывается в глубоком кризисе. Возможность выпить пива или отсутствие таковой показывала людям, приехавшим работать и жить на Сахалин, насколько успешно налаживается повседневная жизнь, как далеко зашли социальные преобразования. В этой связи изучение данного вопроса способствует более полному осмыслению локальной истории на уровне понимания контекстов основных исторических событий, имевших место на наших островах.

Помимо этого, интерес к теме усиливается осознанием важности социальной функции пива как одного из индикаторов уровня благосостояния общества. В этой связи небезынтересно на сахалинском материале подтвердить или опровергнуть данное утверждение.

Сахалинское пивоварение как отрасль экономики появляется гораздо позднее, чем в ближних дальневосточных регионах. Опоздание связано со спецификой колонизации Сахалина во второй половине XIX века. В 1869 г. Сахалин был официально объявлен местом каторги и ссылки. Однако каторга – скорее средство, но не цель. Средство поставки людских ресурсов для крестьянской колонизации острова, что вполне соответствовало колонизационной доктрине Российской империи: «Сначала меч, затем – плуг», но принявшей уродливый вид военно-каторжной колонизации. Потому-то ссыльнокаторжные по отбытии определенного срока наделялись землей и переводились на поселение, без права покидать остров в течение 20 лет.

Каторжная специфика острова оказывала влияние на все стороны жизни и в первую очередь на характер формирования населения, его численность и социальный состав. На первых порах из-за отсутствия удобных транспортных сообщений численность русского ссыльного и свободного населения росла медленно. Первых ссыльнокаторжных направляли на Сахалин долгим путем через всю Сибирь. В 1879 г. началась регулярная отправка осужденных (сплав) на каторгу пароходами

из Одессы. Всего за период с 1880 по 1900 г. было перевезено 24730 тыс. ссыльных. Вследствие упрощения транспортных условий, а впоследствии и за счет естественного прироста численность населения стала быстро возрастать, достигнув к 1905 г. 47 тыс. человек¹.

Стремясь создать более-менее благоприятные условия для перевоспитания осужденных и сформировать здоровую нравственную атмосферу среди колонистов, администрация острова довольно строго относилась к спиртным напиткам, пытаясь (впрочем, безуспешно) бороться с неукротимым стремлением большинства сахалинцев к пьянству. Власти неоднократно издавали строгие указы и распоряжения о запрещении частного алкогольного бизнеса, продаже водки ссыльнокаторжным и ссыльнопоселенцам и самогоноварения. В частности, в приказе начальника острова Сахалин В. О. Кононовича от 5 февраля 1890 г. № 64 говорилось: «Основываясь на предложении Приамурского генерал-губернатора от 27 мая 1888 г. № 355 и последовавшим между министрами внутренних дел и финансов соглашении по поводу продажи спирта и крепких напитков из лавки колонизационного фонда, я, с одобрения главного начальника края, считаю необходимым опубликовать следующие правила в видах возможного ограничения злоупотреблений по ввозу сих напитков на Сахалин и тайной торговли ими.

1) Никто из частных лиц на острове не может заниматься торговлей спиртом, водками, виноградными винами, **портером, пивом, елем** (выделено нами. – Авт.) и вообще никакими крепкими напитками русского или иностранного приготовления;

2) ввоз сих напитков для потребностей населения, служащих, воинских частей и казны разрешается только Колонизационному фонду на его собственные средства и не иначе, как по формальным удостоверениям начальника острова, на основании которых Акцизное управление будет выдавать провозные свидетельства;

3) всякие иные способы ввоза [помимо указанных]... а равно приобретение неоплаченного акцизом спирта с судов воспрещается и должно преследоваться...»².

Как видно из приказа, торговля спиртными напитками являлась государственной монополией и обуславливалась всевозможными формальностями. Монопольное право продажи спиртных напитков имели только лавки и магазины Колонизационного фонда, который в 1896 г. был переименован в Сахалинский экономический фонд. Основными поставщиками фонда были фирмы «Кунст и Альбертс» и «Яков Чурин и К°».

¹ Экономика Сахалина : учебное пособие для вузов / Бок Зи Коу, М. С. Высоков. – Южно-Сахалинск, 2003. – С. 29.

² Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 135. – Л. 10.

Право свободно и в любом количестве приобретать спиртные напитки в лавках Колонизационного фонда имели лишь лица «вольного состояния», главным образом, чиновники. Поселенцам же разрешалось покупать спиртное перед праздниками по запискам чиновного люда. Но, как известно, запретный плод всегда сладок и поселенцы всеми правдами и неправдами старались добыть водку или спирт. На спрос всегда находится предложение, и Сахалин очень скоро стал местом, где контрабанда спиртными напитками стала самым прибыльным бизнесом. Очевидцы, посетившие Сахалин в конце XIX века, в один голос утверждали о поголовном пьянстве среди поселенцев, о спирте как синониме денег в расчетах между жителями острова. Водка была едва ли не единственным доступным источником удовольствий на острове для лиц, вышедших на поселение и проживавших в отдаленных поселках. Оторванный от привычной среды, в атмосфере духовного убожества, поселенец искал утешения в водке. А. П. Чехов, посетивший Сахалин в 1890 г., писал по этому поводу: «Ссылный развлекается тайно, воровским образом. Чтобы добыть стакан водки, который при обыкновенных условиях обходится только в пятак, он должен тайно обратиться к контрабандисту и отдать ему, если нет денег, свой хлеб или что-нибудь из одежды. ...Кулаки из ссылных в тайной торговле спиртом и водкой, наживая состояния; это значит, что рядом со ссылкой, имеющим 30–50 тысяч, надо искать сотни людей, которые систематически растрачивают свою одежду и пищу»³. Ему вторил Влас Дорошевич – автор знаменитых очерков «Сахалин, каторга», побывавший на острове в 1897 г.: «Денежная единица Корсаковского округа – бутылка спирта...»⁴.

По всей видимости, одной из главных причин спиртоводочного безумия на острове в тот период следует считать наряду с прочими отсутствие на острове серьезной альтернативы крепким алкогольным напиткам, в частности, пива. Среди ссылнокаторжных пиво воспринималось как атрибут прошлой, может быть, даже счастливой, по их представлениям, жизни. В своем очерке «Плебей» Влас Дорошевич описывает мечту одного из сахалинцев следующим образом: «Когда он хочет рассказать о себе что-нибудь необыкновенно-величественное из своей прошлой жизни, он говорит:

– И спросил я себе, братцы вы мои, пива полдюжины!»⁵.

В указанное время пиво на острове не производилось, а доставлялось небольшими партиями морским транспортом как груз Колонизационного фонда. Явно малое количество завозимого пива, государственная монополия на его продажу ограниченному кругу лиц побуждали жаж-

³ Чехов, А. П. *Остров Сахалин* / А. П. Чехов. – Южно-Сахалинск, 1995. – С. 448–449.

⁴ Дорошевич, В. *Сахалин. Каторга*. – Кн. 1 : *Укрощенный хам* / В. Дорошевич. – М. : Издатель Захаров, 2001. – С. 114.

⁵ Дорошевич, В. *Указ. соч.* – Кн. III : *Сахалинское «Монте-Карло»*. – С. 116.

дущих искать более крепких напитков, пусть даже и незаконным способом. Можно также утверждать, что большинством ссыльных пиво рассматривалось как баловство и интереса не вызывало. Вероятно, в некоторых семьях крестьян-ссыльнопоселенцев пиво изготовлялось кустарным способом, однако документальных тому подтверждений до сих пор не найдено.

Потребителями завозного пенного напитка была так называемая «чистая публика» – представители администрации, офицерский состав, купечество и другие категории свободного населения. Наиболее доступным для сахалинцев было пиво из Владивостока, где его производство началось в 70-е гг. XIX в. По данным владивостокского краеведа Нелли Мизь, в 1882 г. на заводе купца 2-й гильдии Готлиба Штейнбаха было «произведено 55 варок и получено пива 9000 ведер. По розливу получилось 153000 бутылок. Пиво вываривали из ячменя, который покупался в Ханкайской и Суйфунской округах... Хмель доставлялся из Баварии»⁶. В 1899 г. в Приморской области четыре завода, принадлежавших частным лицам, успешно варили европейские сорта пива. Кроме того, семь небольших кустарных предприятий, выпускавших так называемое «манзовское» пиво из риса, принадлежали китайцам. Это пиво предназначалось в основном для китайцев и корейцев, но его охотно покупали и русские жители. Стоимость пива была сравнительно невелика. Ведро русского пива местного производства стоило 4 рубля и 25 копеек – бутылка, а ведро «манзовского» – 3 рубля⁷. В 90-е гг. пиво стали производить в Хабаровске. В 1892 г. здесь производили пиво два завода, принадлежавшие германскому подданному Люббену и датскому подданному Ноюксу. В Амурской области в конце XIX века производили пиво пять заводов⁸. Местные купцы отправляли на остров небольшие партии пива, главным образом, в Александровский пост – на баржах по Амуру и Татарскому проливу.

Пиво из центральных областей России завозить было нецелесообразно: при транспортировке оно портилось. Владивостокские коммерсанты довольно быстро приобрели печальный опыт почти кругосветного завоза пива. В акте от 15 ноября 1888 г., составленном владивостокскими купцами Иваном Кустером, Кузьмой Школьниковым, Ажелем Вальденом по заявлению Иоганна Лангелитье, который получил 300 ящи-

⁶ Мизь, Н. Пиво во Владивостоке пили и любили всегда / Н. Мизь // Владивосток – интернет-версия газеты. – Режим доступа : http://www.vladnews.ru/magazin.php?id=9&idnews=13346¤t_magazin=1042

⁷ Устюгова, О. Я. Торговля спиртными напитками на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в. / О. Я. Устюгова // Седьмая дальневосточная конференция молодых историков. Сборник материалов / отв. ред.: М. Б. Сердюк, И. О. Осипова. – Владивосток : изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 102.

⁸ Там же. – С. 101.

ков пива Санкт-Петербургского завода «Новая Бавария», доставленного французским пароходом «Парис», было установлено, что 878 бутылок были разбиты при полной сохранности ящиков, что составило более 60 % от всей партии. Акт свидетельствовал: «Самая большая часть из бутылок с вышибленным дном, почему можно полагать, что пиво не было довольно выброшено и выдержано и при переходе из Санкт-Петербурга во Владивосток через тропики разорвало бутылки. Это подтверждается и тем, что попадают бутылки с кислым, испорченным пивом, и большой вопрос – может ли эта партия сохраниться на долгое время»⁹. Как видно, во Владивостоке привозное пиво не могло конкурировать с местным, тем более что по качеству местное не уступало столичным образцам, а часто и превосходило их.

Подводя предварительный итог сказанному, следует констатировать, что в период каторжной колонизации пивоварение на Сахалине, в отличие от других регионов Дальнего Востока, никакого развития не получило. Каторжная атмосфера острова не способствовала развитию пивоварения, поэтому местный потребитель мог приобретать только заводное пиво.

После окончания Русско-японской войны (1904–1905 гг.) и поражения России характер освоения Сахалина коренным образом изменился. По итогам мирного договора, заключенного между Россией и Японией в американском городе Портсмут 5 сентября 1905 г., часть Сахалина (к югу от 50-й параллели) отошла к Японии. На захваченной земле было образовано губернаторство Карафуто, и в скором времени сюда стали прибывать первые японские переселенцы, выдавливая с юга русских подданных. Царское правительство, в свою очередь, не имело возможности вернуться к прежним методам освоения оставшейся в его распоряжении северной части острова и в 1906 г. было вынуждено отменить каторгу.

Вследствие этих событий русское население Сахалина в 1905–1908 гг. сократилось в 8,5 раза – с 47 до 5,5 тыс. человек, оставшихся в северной части острова, а 28 из 65 населенных пунктов, имеющих на Северном Сахалине, обезлюдели. Десятки сел потеряли большую часть жителей. После отмены каторги остров покинули не только осужденные, но также представители тюремной администрации и члены их семей. На острове остались старожилы-крестьяне – сравнительно небольшая по численности группа, заселявшая в основном Тымовскую долину, и жители поста Александровский на западном побережье. Север и северо-восток острова фактически остались без российских подданных.

⁹ Устюгова, О. Я. *Торговля спиртными напитками на юге Дальнего Востока России во второй половине XIX в.* / О. Я. Устюгова // *Седьмая дальневосточная конференция молодых историков: сборник материалов / отв. ред.: М. Б. Сердюк, И. О. Осипова. – Владивосток: изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – С. 102.*

Взгляды правительства на будущее острова, тем не менее, были достаточно перспективными. Сахалин имел чрезвычайно важное стратегическое значение, запирая выход из Амура. Контроль хотя бы над северной частью острова не позволял потенциальным захватчикам использовать эту важнейшую транспортную артерию для проникновения вглубь российской территории. В этой связи перед правительством встала задача – заселить остров российскими подданными свободного состояния.

В 1908 г. Сахалин стал местом, свободным для вольного заселения, а в 1909 г. указом правительства была образована Сахалинская область. В переселенческой политике царского правительства остров занимал определенное место в силу своего особого пограничного положения. Не имея больше возможности продолжать освоение путем применения труда ссыльнокаторжных, правительство рассчитывало на переезд свободных граждан. Чтобы убедить их сделать выбор в пользу переезда на Сахалин, который ассоциировался в общественном мнении как место страданий, необходимо было представить остров в более привлекательном виде. Переселенцы получали ряд существенных льгот, на острове был сохранен режим беспошлинного и безакцизного ввоза и вывоза товаров. В свою очередь, приамурский генерал-губернатор, стремясь создать условия для переселения в общем морально устойчивого крестьянского населения, обратил внимание на упорядочение торговли спиртными напитками. В обязательном постановлении от 11 марта 1908 г. отмечалось: «...я, согласно ходатайства об этом военного губернатора о. Сахалин, постановляю в отношении указанного острова: воспретить всем торгующим крепкими напитками, равно содержателям трактиров, ресторанов, буфетов и других заведений, где производится продажа распивочно, отпуск спиртных напитков и пива нижним чинам. Виновные (содержатели, приказчики или сидельцы) в нарушении сего будут подвергаться взысканиям в административном порядке, не превышающем заключения в тюрьме на 3 месяца или денежного взыскания до 3000 рублей...»¹⁰.

Помимо введения запретительных мер, властями предпринимались и попытки поощрения производства и продажи пива в цивилизованных условиях. Как следствие, в конце 1909 г. в посту Александровском – центре Сахалинской области открылся первый в его истории небольшой пивоваренный завод. В 1911 г. в штате завода числились два пивовара¹¹, зарегистрированные в списках местных ремесленников¹². К сожалению, скудная база сохранившихся архивных документов, касающихся дореволюционного периода сахалинской истории, не позволяет

¹⁰ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 449. – Л. 101.

¹¹ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 1. – Д. 2371. – Л. 95.

¹² Там же. – Л. 109–110.

нам с уверенностью говорить ни о сортах производимого пива, ни о его количестве.

Сырьем для пивоварения служил ячмень, выращенный на месте. В некоторых районах Тымовской долины имелись участки с подходящим микроклиматом, что позволяло считать ячмень довольно перспективной сельскохозяйственной культурой, невзирая на капризы сахалинского климата. В 1910 г. под посевы ячменя было занято 173 десятины пахотной земли¹³, в 1913 г. – 230 из 5231 десятины всех посевных площадей¹⁴. Урожайность ячменя была достаточно высокой, за исключением тех лет, когда вмешивалась природа. В 1910 г., например, из-за обильных дождей урожайность составила всего сам – 4¹⁵. Реализация готовой продукции происходила в четырех пивных лавках, три из которых находились в Александровске, а одна – в Тымовском округе. При этом кабаков, успешно торговавших более крепкими напитками, насчитывалось 30. Если учесть, что на острове проживало в это время всего 6,4 тыс. человек (без учета коренных народностей)¹⁶, то, подсчитав соотношение тех и других торговых точек и численности населения, можно сделать заключение, что сахалинцы пальму первенства в своих предпочтениях отдавали отнюдь не пиву. Сказывалось каторжное прошлое большинства населения. Не выдержав конкуренции с водкой, владельцы пивоваренного завода сокращали производство и увольняли персонал. В 1912 г. пивоварением на острове занимался лишь один пивовар¹⁷. Пивные лавки, после недолгого существования, закрывались, и в 1913 г. осталась только одна – в Тымовском округе¹⁸.

Подводя итог сказанному, следует заключить, что плачевное состояние пивоварения в данный период свидетельствовало о том, что Сахалин по-прежнему оставался фронтиром – неосвоенной территорией, а его население – маргинальным, неукорененным.

¹³ *Сибирский торгово-промышленный календарь. 1911. – Санкт-Петербург, 1911. – С. 4.*

¹⁴ *Социалистическое строительство на Сахалине (1925–1945 гг.): сборник документов и материалов. – Южно-Сахалинск, 1967. – С. 114.*

¹⁵ *Сибирский торгово-промышленный календарь. 1911. – Санкт-Петербург, 1911. – С. 4.*

¹⁶ *Там же. – С. 9.*

¹⁷ *РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 5. – Д. 663. – Л. 243 об.*

¹⁸ *Обзор Сахалинской области за 1913 год. – П. Александровский, 1914. – Л. II–III.*

АНРИ ТРУАЙЯ О САХАЛИНСКОМ ПУТЕШЕСТВИИ А. П. ЧЕХОВА

В 2004 и 2007 годах в московском издательстве «Эксмо» выходила на русском языке книга Анри Труайя «Антон Чехов». От издательства автору дана блестящая характеристика: мировая знаменитость, лауреат многочисленных премий. Труды А. Труайя высоко оценены отечественными и зарубежными критиками. Он родился в Москве 1 ноября 1911 года, умер 2 марта 2007 года в Париже. Настоящее имя – Левон Асланович Торосян (в обрусевшем варианте – Лев Асланович Тарасов). В 1917 году после революции семья уехала из России сначала в Кисловодск, потом в Константинополь и далее во Францию. В Париже он получил высшее юридическое образование, изменил свое имя и фамилию. Родители долго привыкали к его новому имени. Дебютом был роман «Обман» в 1935 году. В 1938 году вышел «Паук». За него он был удостоен Гонкуровской премии. За 95 лет своей жизни Труайя написал множество исторических и художественных произведений, исследуя наследия России и Франции. Он – автор любовно выписанных им портретов исторических деятелей – от Ивана Грозного до Николая II и портретов классиков русской литературы: Н. Гоголя, Л. Толстого, Ф. Достоевского, А. Пушкина, М. Цветаевой и других. Последними романами были «Борис Пастернак», «Борис Годунов». Перевод биографического романа «Антон Чехов» с французского на русский осуществила А. Василькова. О биографии Чехова, как всем известно, писали многие российские авторы. А тут иностранец хотя и русского происхождения прикасается к реликвии русской культуры, человеку, дорожному всякому россиянину. «Антон Чехов» на французском языке вышел в 1984 году и довольно долго оставался популярным среди французских читателей. Ранее имя Чехова во Франции было знакомо только по театральным афишам. Книга А. Труайя дала необходимые представления о жизни писателя, времени и пространстве, в котором протекала его жизнь. Писалась она по материалам, которые были доступны автору. Это русские и советские издания, дошедшие до Франции. Естественно, что ему были неизвестны работы М. В. Теплинского. Уже в 1957 году в соавторстве с Б. Н. Бурятым он издал свою монографию «А. П. Чехов на Сахалине».

Антон Чехов в романе А. Труайя предстает перед читателями книги с девятилетнего возраста учеником Таганрогской гимназии и до смерти в Баденвейлере в 1904 году. Своеобразным фундаментом для написания послужили письма, которые Антон Павлович писал родителям, А. Суворину, писателям, знакомым. Удачно сопоставленные, они порой занимают целые страницы в книге. Иногда хочется сказать, что это роман в

письмах. Изложение путешествия на Сахалин, «...где Чехов увидел все мерзости рабства» (с. 224), разместилось на десяти страницах в главе VIII «От Сахалина до Парижа». А. Труайя пишет, что зародилась мысль у Антона о поездке на остров в конце 1889 года при чтении конспектов брата Миши, студента юридического факультета. Труайя пытается объяснить причину поездки: «Бежать в глубь Сибири – на край ее. Забыть гримасничанье завистливых литераторов, чтобы посмотреть в лицо настоящему страданию, тому, которое терзает каторжников на острове Сахалине, что в Тихом океане» (с. 171). Некоторые друзья, как пишет Труайя, считали, что Чехов бежит на край света, чтоб забыть неудачу, которую он потерпел в любви. Объект любви – Лидия Авилова, 26-летняя замужняя женщина (с. 172). Труайя полностью приводит известное всем письмо Чехова – ответ А. Суворину. «Недовольный тем, как он живет и пишет, Чехов испытывал потребность порвать с рутинной повседневности и спастись, сбежав от других, восстановиться при помощи сильного потрясения» (с. 173). Над причиной поездки писателя размышляли и сахалинские исследователи. М. Теплинский определил не личные, а общественные причины поездки на остров: возбудить интерес в обществе к Сахалину, то есть напомнить, что Сахалин нужен и интересен России своими природными богатствами и стратегическим положением, хотел создать общественное мнение против невежества царизма, который превратил остров в место невыносимых страданий (М. Теплинский, 1957, с. 10–11). Говоря о встрече Чехова с Галкиным-Враским накануне отъезда, Труайя погрешил с фактом, написав, что именно Галкин-Враской послал секретное предписание на Сахалин не допускать встреч Чехова с политическими заключенными. Это действие, как мы знаем, осуществил начальник острова В. Кононович по приезду писателя на Сахалин. Подробно описан путь А. П. Чехова по Сибири. Базой для этого послужили для Труайя письма Чехова и очерки «Из Сибири». Верно рассказав про предстоящую переписку, предприняв Чеховым, Труайя пишет, что Чехов посещал подряд все тюрьмы, все барачные поселения, все избы острова, не упуская из вида ни рудников, ни шахт, беседуя с безграмотными скотами (как иначе назвать людей, почти потерявших человеческий облик?), смотревших на него с полным непониманием (с. 201). Мы, сахалинцы, знаем, что в шахты и рудники Чехов не лазил, иногда переписывать население ему помогали сахалинские знакомые Д. Булгаревич и иеромонах Ираклий, а иногда он пользовался подворными и метрическими книгами. Чехов никогда не называл в книге «безграмотными скотами» осужденных. Вызывает сомнение фраза А. Труайя: «Преступникам был запрещен вход в церковь» (с. 202). Труайя включает на те же десять страниц ужасную картину наказания 100 ударами плетью каторжанина Прохорова в Дуэ. Описание дано из XXI главы книги «Остров Сахалин». Лишь на половине листа А. Труайя оповестил о месяце жизни Чехова на Южном Сахалине

(с. 208). Заканчивает описание пребывания Антона Чехова на Сахалине А. Труайя цитатой из письма Чехова от 6 октября 1890 г.: «Я соскучился. И Сахалин мне надоел. Ведь вот уже три месяца, как я не вижу никого, кроме каторжных, или тех, которые умеют говорить только о каторге, плетях и каторжных. Унылая жизнь» (с. 208). Напомню, что Чехов уехал с Сахалина в ночь на 14 октября, в начале декабря вернулся в Москву. Как пишет Труайя, Чехову хотелось немедленно отчитаться перед всем миром о результатах своего пребывания на Сахалине. Тем не менее после возвращения из путешествия по Европе работа над очерками продолжилась. В 1893 году «Остров Сахалин» начал печататься в «Русской мысли». От себя Труайя добавляет: «Чехов был счастлив, что разделался наконец со столь неблагоприятным трудом» (с. 275).

По мнению Труайя, читатели набросились на книгу, а оказались разочарованы. «Они ожидали от Чехова головокружительного, исполненного драматизма и горячности повествования, напоминающего “Записки из мертвого дома Достоевского”, а получили беспристрастный и сдержанный отчет о пребывании писателя в среде каторжан» (с. 276). «“Остров Сахалин” оставил читающую публику безразличной» (с. 276). Всю последующую жизнь Чехова Труайя излагает более чем на 300 страницах, но о сахалинском путешествии писателя и о его книге очерков он больше не упоминает. Мы же знаем, что последующее творчество «все просахалинено». Доктор литературоведческих наук Марк Вениаминович Теплинский в монографии «А. П. Чехов на Сахалине» (Южно-Сахалинск, 1990) пишет совершенно иное: «Многие газеты Москвы и Петербурга помещали заметки о путешествии Чехова и о выходе его книги. По общей оценке “Остров Сахалин” очень интересен, имеет большое общественное значение» (с. 82). М. Теплинский в монографии приводит, исследуя последующее творчество Чехова, несколько произведений, написанных на сахалинском материале, а также указывает на эпизоды в повестях и рассказах, которые могли появиться только после поездки писателя на каторжный остров. Настолько известны письма Чехова, опубликованные в книге Труайя, что создается впечатление, будто переводчик просто взял их из русского издания чеховских писем и поместил в книгу француза. Известный литературовед Ирина Гитович, отмечая достоинства книги А. Труайя, увидела в ней живость изложения, трепетность, с которой писатель относился к Чехову, цельность переживания его судьбы. Она нашла в тексте немало лексических погрешностей. Например, в примечаниях к русскому изданию даются пояснения, которые россиянину всегда известны. Например, сообщается, что Миша и Маша – сокращенные имена от Михаила и Марии, а ремесленные классы, где Чехов сшил себе брюки, переводчик называет кройкой и шитьем. К названным ошибкам стоит добавить неверную надпись под коллективной фотографией родственников и знакомых писателя. Она сделана перед отъездом Чехова на Сахалин, когда семья Антона жила в

Москве на Садово-Кудринской, а не в Мелихове. Мелихово Чехов приобрел после поездки на остров. Таким образом, французский писатель Анри Труайя не придал большого значения сахалинскому путешествию писателя и его книге «Остров Сахалин». По достоинству приезд Чехова на остров оценили только на Сахалине. На самых оживленных улицах областного центра и Александровска-Сахалинского поставили ему памятники, имеются два музея имени Чехова, несколько бюстов. «Остров Сахалин» («беспристрастный отчет», по мнению А. Труайя) мы считаем великой энциклопедией сахалинской жизни конца XIX века. Ныне она анализируется участниками многих чеховских конференций. Исследователи находят в ней все новые факты, мысли, которые волнуют сахалинцев сегодня. Пересчитали все карточки чеховской переписки населения. Появился фолиант «Быть может, пригодятся и мои цифры...». Составлен новый комментарий к книге «Остров Сахалин».

Литература

1. Гитович, И. Е. Made in, или Снова о биографии / И. Е. Гитович // Чеховский вестник. – 2008. – № 17. – С. 10–12.
2. Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский, Б. Н. Бурятов. – Южно-Сахалинск, 1957. – 97 с.
3. Теплинский, М. В. А. П. Чехов на Сахалине / М. В. Теплинский. – Южно-Сахалинск, 1990. – 143 с.
4. Труайя, А. Антон Чехов / А. Труайя ; пер. А. Василькова. – М. : Эскмо, 2007. – 607 с.

НЕМЕЦКАЯ ЦИТРА ИЗ СОБРАНИЯ САХАЛИНСКОГО ОБЛАСТНОГО КРАЕВЕДЧЕСКОГО МУЗЕЯ: РОЖДЕНИЕ ЛЕГЕНДЫ

У каждого предмета в собрании музея не зависимо от того, имеет ли он большую историческую ценность или просто принадлежит к определенному времени, есть своя история, так называемая легенда. Что же такое «легенда» в музейном понимании? Согласно словарю музейных терминов: «Легенда предмета – это информация о происхождении, бытовании, способах использования предмета и его владельце... составляется владельцем предмета или сотрудником музея со слов владельца. Легенда используется при изучении и описании музейного предмета с обязательной проверкой содержащихся в ней сведений... может выявляться в ходе научного изучения предмета». Научному сотруднику иногда приходится проводить настоящее расследование, чтобы узнать легенду какой-то вещи, ведь легенда музейного предмета как биография человека. Познакомимся с легендой одного из музейных предметов собрания Сахалинского областного краеведческого музея.

В зале «История Сахалинской области в конце XIX – начале XX в.» в экспозиционном комплексе, посвященном поездке А. П. Чехова на

остров Сахалин (1890 год), экспонируется цитра – струнный музыкальный инструмент с нотами. Музею этот предмет был передан в дар в январе 2003 года. Согласно протоколу заседания экспертной фондово-закупочной комиссии музея, цитра была принята в состав музейного собрания 27 февраля 2003 года, а в октябре этого же года внесена в электронную базу музея «Камис» научным сотрудником Сахалинского областного краеведческого музея Татьяной Михайловной Лапшиной.

В электронной базе музея «Камис» помещена следующая информация о цитре: «Наименование – цитра щипко-

вая: струнный музыкальный инструмент; место создания – Германия, Нюрнберг; время создания – конец XIX века; материал – дерево, металл; фабричное производство...». Здесь же указаны размеры инструмента и футляра (68 x 36 x 9,5 см и 74 x 37 x 10,5 см соответственно), сохранность (отсутствуют 13 струн, инструмент и футляр сильно загрязнены), акт приема поступлений – от 2 октября 2003 года.

Внешний вид инструмента указан в разделе «Описание»: «...корпус украшен резным скульптурным орнаментом – изображение листьев и вьющихся побегов. ...Через отверстие на дне корпуса просматривается круглая бумажная этикетка, на которой указаны место изготовления и название фабрики “METALLRAHMEN ZITHER Gebr. Gunzelmann FABRIK in Nürnberg” ...Цитра хранится в специальном жестком черном футляре (чемодане) с тремя замками». В легенде узнаем, что данный предмет поступил в музей от Светличного Петра Петровича, председателя Фонда культуры Сахалинской области.

Петр Петрович Светличный (1946–2003) известен как сахалинский библиофил, эрудит, меценат. П. П. Светличный родом из Сибири. Его отец, Петр Харитонович, погиб в Великой Отечественной войне. Мать, Александра Сергеевна, умерла на шестой день после родов. Петр Петрович воспитывался в детском доме в Казахстане, под Алма-Атой. Учился в Литературном институте имени Горького в Москве. На Сахалин П. П. Светличный приехал после окончания Новосибирского института водного транспорта. На острове работал в городе Невельске: 16 лет в ОАО «Гидростройуправление», десять лет – на местной базе тралового флота, вырос до заместителя генерального директора. В последние годы жизни возглавлял собственное предприятие, занимающееся сервисными услугами. С 2000 года являлся президентом Фонда культуры Сахалинской области.

Ландсберг и его жена

Петр Петрович твердо верил в то, что культура – это традиция, которой не нужны административные преобразования, так как она сама является самодостаточной и живой частью человеческого общества. В 2000 году за большой вклад в развитие культуры Сахалинской области ему было вручено Благодарственное письмо от президента Российского фонда культуры Никиты Михалкова. П. П. Светличный ушел из жизни 16 сентября 2003 года.

Друзья и коллеги знали Петра Петровича как доброго и отзывчивого человека, готового прийти на помощь в трудную минуту. Больше всего он

верил в добро и милосердие человека, мечтал о том, чтобы в России должное внимание уделялось институту материнства и детства. Он лично патронировал два детских дома, учредил для талантливой молодежи ряд стипендий Сахалинского фонда культуры, поддерживал творческие искания художников, литераторов, начинания областных учреждений культуры, был настоящим ценителем мировой и отечественной литературы, живописи, народного искусства. В собраниях музеев города Южно-Сахалинска хранятся коллекции, подаренные этим замечательным человеком.

За несколько месяцев до смерти Петр Петрович подарил коллекцию предметов музею. Принимала ее из рук дарителя Кира Яковлевна Черпакова, главный хранитель Сахалинского областного краеведческого музея. Она рассказала, что в январе 2003 года Светличный Петр Петрович подарил музею коллекцию из 31 предмета: Zither – schule (Цитра – школа) – учебное пособие для обучения игры на цитре на немецком языке конца XIX в.; Zither – Album – пять альбомов с нотами музыкальных произведений для игры на цитре; Hamburger Zither – Bibliothek – 24 проспекта со списком каталожных номеров композиций и аранжировок музыкальных произведений для игры на цитре, по которым можно было сделать заказ нужного произведения и цитру. Сказал, что цитру

ему подарил друг (имени друга не назвал) перед отъездом с о. Сахалина (1980-е годы), который привез инструмент из Германии. Но так как цитра конца XIX века, П. П. Светличный предположил, что подобная вещь могла находиться в доме ссыльнопоселенца Карла Христофоровича Ландсберга в период проживания там Антона Павловича Чехова.

Известно, что А. П. Чехов во время своего пребывания на острове Сахалин останавливался в доме Карла Христофоровича Ландсберга. К. Х. Ландсберг «принадлежал к старинному ...дворянскому роду, который вел свое происхождение из Вестфалии (нем. Westfalen – историческая область на северо-западе **Германии**)... С XVI века Ландсберги живут в Курляндии (герцогство, существовавшее в западной части современной Латвии), а с XVII века – в Литве... С XVIII века Ландсберги являются русскими подданными...»¹.

Прапорщик лейб-гвардии Саперного батальона К. Х. Ландсберг был осужден за убийство с целью грабежа в 1879 году. Петербургский суд приговорил Ландсберга к лишению всех прав состояния, чинов и знаков отличия и к каторжным работам сроком на 15 лет. Сахалинская администрация оценила способности К. Х. Ландсберга как талантливого и образованного специалиста и использовала его на всех строительствах в качестве ведущего инженера.

Следующим этапом поисков было исследование книги А. П. Чехова «Остров Сахалин», а именно поиск информации о К. Х. Ландсберге и описания его жилья. Во второй главе книги «Остров Сахалин» описывается обед А. П. Чехова у Ландсберга. Чтобы «купить что-нибудь поесть», писатель зашел в лавочку: «...Пока я разговаривал с приказчиком, в лавочку вошел сам хозяин, в шелковой жилетке и в цветном галстуке. Мы познакомились...». После приглашения на обед они пошли в дом ссыльнопоселенца: «...Обстановка у него комфортабельная. Венская мебель, цветы, американский аристон и гнутое кресло, на котором Л. качается после обеда...». В книге писатель упоминает только один музыкальный инструмент, который он видел в доме Ландсберга – аристон, Антон Павлович пишет: «...После обеда Л. играл на аристоне...». Замечу, что цитра (нем. Zither) – это струнный щипковый музыкальный инструмент, получивший наибольшее распространение в Австрии и Германии в XIX веке. Струны (в некоторых разновидностях до 40) натягиваются над грифом и вне грифа над декой. Аналогичные инструменты древнего происхождения встречаются у многих народов. А аристон (Aristonette), о котором упоминает Антон Павлович, – это популярный в конце XIX века механический музыкальный инструмент. Представлял собой четырехугольный ящик, на верхнюю сторону которого накладывалась круглая картонная пластинка с вырезанными в ней продолговатыми

¹ Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток–Южно-Сахалинск, 2010. – С. 92.

отверстиями различной величины (так называемый нотный лист). При вращении пластинки с помощью специальной рукоятки из аристона извлекались записанные на ней звуки (чаще всего различные музыкальные произведения).

В книге Антона Павловича Чехова «Остров Сахалин» нет упоминания о цитре, не является она тем инструментом, который видел писатель в доме поселенца. Возможно, в момент нахождения писателя в доме К. Х. Ландсберга цитра находилась в футляре и в этот период ею никто не пользовался. Тогда легенда, записанная со слов дарителя, имеет право на свое существование. На Сахалине можно было встретить людей из разных частей России, разных национальностей, которые имели разные увлечения. Инструмент, подобный цитре, относящийся к описываемому в экспозиции историческому периоду, вполне мог быть на острове.

На начальном этапе исследований легенда цитры смогла соединить судьбы разных людей, стать «перекрестком судеб»: президента Фонда культуры Сахалинской области П. П. Светличного, ссыльнопоселенца К. Х. Ландсберга, главного хранителя музея К. Я. Черпаковой, великого русского писателя А. П. Чехова.

Со временем легенда музейного предмета может развиваться, вовлекая в себя все новые и новые человеческие судьбы и исторические события. А сама цитра, расположенная в экспозиции Сахалинского областного краеведческого музея, посвященной концу XIX – началу XX в., еще не один год будет притягивать взоры и внимание посетителей музея.

Литература

1. Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток–Южно-Сахалинск, 2010 г.
2. Чехов, А. П. «Остров Сахалин» (из путевых записок) / А. П. Чехов. – Владивосток–Южно-Сахалинск, 2010 г.
3. Советский Сахалин. – № 162. – 12.09.2003.
4. Фирсова, Е. П. Текст в помощь экскурсоводам «Сахалин в конце XIX – начале XX в.» / Е. П. Фирсова. – 2007. – НА СОКМ Опись 1. – Дело 671 пункт 4.
5. Словарь иностранных слов. – 10-е изд., стереотип. – М., 1983.
6. <http://www.libsakh.ru/books/download/Kalendar/kzd%202012.pdf>
7. <http://www.proza.ru/2008/04/28/69>
8. <http://www.bibliotekar.ru/brokgauz-efron-u/261.htm>

ОБРАЗ И ВЕЩЬ: ДЕТСКАЯ МОДА И ГИМНАЗИЧЕСКАЯ ФОРМА КОНЦА XIX ВЕКА

Сложен и многогранен мир чеховских героев. Это люди разных характеров и сословий, городские и деревенские жители, дети и взрослые, свободные и подневольные, проживающие в произведениях писателя различные ситуации, истории и даже жизнь.

Для полной характеристики героя описание его костюма имеет не последнее значение. А. П. Чехов достаточно скуп, но всегда безошибочно обращает внимание читателя на особенную деталь его костюма. Современный читатель, в сущности, уже не видит многое из того, что было важно для писателя и понятно его современникам. Мы восхищаемся мастерством создания характеров персонажей, но не замечаем многих выразительных средств или не понимаем значения некоторых фраз. Чехов говорил в связи с этим: «Для того, чтобы подчеркнуть бедность просительницы, не нужно тратить много слов, не нужно говорить о ее жалком несчастном виде, а следует только вскользь сказать, что она была в рыжей тальме». Изучив специальную литературу по истории костюма, можно узнать, что тальма – короткая накидка коричневого цвета, модная в начале XIX века. Рыжий цвет она приобрела за долгое время использования.

Не зная деталей, не имея представления об истории костюма и моде того времени, человек XXI века не понимает причину смеха зрителей при появлении Гаева в «Вишневом саде». Дело в том, что герой предстает на сцене в башлычке (*капюшон с двумя длинными концами*), это деталь школьной формы. Или Шарлотта в платье в клеточку (*клетчатая материя использовалась только в клоунских нарядах*). Или Петя, одетый в куртку студента, хотя далеко не в студенческом возрасте.

Понятие «детская мода» отсутствовало до конца XIX века. Детей одевали в уменьшенные копии взрослой одежды. Платьице и панталоны были частью гардероба как девочек, так и мальчиков до трехлетнего возраста. Выходной костюм шил из бархата или сукна. Кружевные воротники, банты, рюши, воланы служили украшением одежды. Зимой дети носили пальто из бархата и меховые шапочки, девочки надевали меховые капоры и муфточки. Весной и осенью одевали суконные и шерстяные пальто с пелеринками или капюшонами.

Самым модным в XIX и начале XX века был матросский костюм. Его носили не только мальчики, но и девочки. Воротник мог быть традиционно синим или черным, или *красным*. *Историки моды утверждают, что матросский костюм в русский быт ввела французская художница Э. Вижэ-Лебрен. Написанный ею портрет сына короля Людовика XVI*

в данном наряде способствовал распространению новой моды, как детской, так и дамской. С 1795 по 1801 год художница жила в России, была принята обществом как знаток и ценитель моды, поскольку сама не только рисовала эскизы костюмов, но и кроила одежду. Первоначально матросский костюм был целиком белый. Во второй половине XIX в. – это белая блуза и темные брюки или юбка. Позже матросский костюм стал более разнообразным, но главным в нем оставалась «матросская тема»: сочетание синего и белого цветов, отделка полосками и якорями. На старых фотографиях часто встречаются изображение детей и взрослых в этом костюме.

Фотографии XIX века

Заглянув в толковый словарь Ожегова, мы читаем: МАТРОСКА – это матросская блуза с большим отложным воротником, нарядный патриотический костюм, подражание флотскому. Бескозырка или берет всегда имели надпись, к примеру: «Бесстрашный», «Грозный», «Новик», «Варяг».

Характерной деталью девичьего костюма были платье и фартук или передник с бретельками, украшенный нарядным кружевом. Изготавливались они из цветной шелковой или хлопчатобумажной ткани.

В деревнях же для детей шили одежду из домотканого полотна, а городские жители могли себе позволить дешевые ткани – кумач и китайку, но чаще для детей перешивали свою старую одежду.

Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» раскрывает своему читателю жизнь в разных проявлениях и формах. Не так ярки и глубоки картины детского быта, описанные писателем, однако они присутствуют. К примеру, в XIX главе книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» автор пишет о похоронах Ляликовой, женщины свободного состояния, после смерти которой сиротами остались ее два ребенка. «Мальчик Алешка 3–4 лет, которого баба привела за руку... Он в кофте не по росту, с длинными рукавами, и в полинявших синих штанах; на коленях ярко-синие

латки»¹. Описанная в этой сцене детская одежда была не самой ужасной. Читателю стоит учитывать, что это один из двух детей женщины свободного состояния на Сахалине.

Фотография семьи XIX века. Россия

В главе XVIII книги «Остров Сахалин» писатель подмечает: «Сахалинские дети бледны, худы, вялы; они одеты в рубища и всегда хотят есть»².

Внимательные наблюдения, умение подмечать и видеть малое, возможность сравнивать и анализировать пригодились писателю в его творчестве. Он активно использует этот опыт для описания быта мещан, чиновников, интеллигенции, крестьян и ремесленников, разночинцев. Рассказы содержат моменты, помогающие читателю увидеть разницу между жизнью детей в богатых и бедных семьях.

Чехов говорил, что он не детский писатель, однако центральными героями во многих рассказах являются дети и подростки. Рассказы о детях обычно строятся как сценки. В рассказе «Гриша» писатель описывает сцену прогулки ребенка: «Гриша, маленький пухлый мальчик... гуляет с няней по бульвару. На нем длинный ватный бурнусик (в толковом словаре В. И. Даля – накидка и верхняя одежда мужская и женская как будто по арабскому образцу), шарф, большая шапка с мохнатой пуговкой и теплые калоши»³.

¹ Чехов, А. П. *Остров Сахалин* / А. П. Чехов ; авт. вступ. ст. и примеч. М. Л. Семановой ; худож. А. Денисов. – М. : Сов. Россия, 1984. – 368 с. (Б-ка рус. худож. публицистики. – С. 269.)

² Там же. (Б-ка рус. худож. публицистики. – С. 239.)

³ Чехов, А. П. *Избранные сочинения : в 2 т.* / А. П. Чехов. – Т. 1. – Вступ. статья и сост. Г. Бердниковой ; примеч. В. Пересыпкиной ; илл. худож. С. Аметова и Крынынских. – М. : Худ. лит., 1979. – С. 171.

В. Е. Маковский.
«За лекарством»

Н. П. Богданов–Бельский.
«Устный счет»

Эти две работы известных художников помогают нам заглянуть в бескрайний мир искусства как одну из сторон отражения действительности.

Рассказ «Житейская мелочь»: «... Алеша, мальчик лет восьми, стройный, выхоленный, одетый по картинке в бархатную курточку и длинные черные чулки...»⁴.

Рассказ «Детвора»: «...кухаркин сын, Андрей, чумазый болезненный мальчик в ситцевой рубаше с медным крестиком на груди»⁵.

Рассказ «Мальчики»: «Его гимназическое пальто, фуражка, калоши...»⁶.

В повести «Степь» раскрывается описание одного из героев – Егорушки: «От быстрой езды его красная рубаша пузырем вздувалась на спине и новая ямщицкая шляпа с павлиньим пером то и дело сползала на затылок»⁷. Для современного читателя красный кумачовый цвет совершенно нейтрален для восприятия – цвет и цвет. Читатель же чеховского времени прекрасно понимал, что кумач был одной из самых дешевых тканей и служил признаком бедности, скудности существования семейства.

Герой рассказа «Мальчики» – гимназист второго класса Чечевицын предстает перед нами в таком виде: «...вообще он был очень некрасив, и

⁴ Чехов, А. П. Избранные произведения: в 3 т. / А. П. Чехов ; ред. В. Пересыпкина. – Т. I. – М. : Худ. лит., 1964. – С. 211.

⁵ Там же. – С. 118.

⁶ Там же. – С. 228.

⁷ Там же. – С. 258.

**Гимназист В. Маяковский
с родителями**

если б на нем не было гимназической куртки, то по наружности его можно было бы принять за кухаркиного сына»⁸. Таким описанием писатель подчеркивает важность и значимость гимназической формы. Говорит о том, что она была словесным признаком, поскольку позволить обучение в гимназии могли только дети дворянства, буржуазии и интеллигенции. Однако к началу XX века все средние учебные заведения, включая классическую гимназию, перестали носить характер элитарного и стали доступны большому числу горожан. Теперь значительную часть учащихся составляли дети учителей, врачей, служащих, мелких торговцев, ремесленников и даже крестьян. Плата за обучение была сравнительно небольшой, основную часть расходов по содержанию средних учебных заведений

брало на себя государство. Кроме того, существовала развитая система материальной поддержки учеников из бедных семей (стипендии меценатов, бесплатные общежития и пр.).

Гимназическая форма была предметом гордости для ее владельца. Все учащиеся обязаны были носить форму как в школе, так и вне ее, дома, во время торжеств и праздников, соблюдая достаточно строгие правила поведения. Контроль возлагался на инспектора (вторая по значению должность в дореволюционной школе) и классных наставников, которые регулярно посещали учеников на их квартирах. В обязанности проверяющих также входило ношение соответствующей одежды.

В «Правилах относительно соблюдения порядка и приличий учениками Новочеркасской гимназии», касающихся вопросов ношения формы, есть пункты:

«1. Вне дома ученики должны быть всегда в одежде установленной формы. Положенные для них чекмены (верхняя одежда) должны быть застегнуты на все крючки. В летнее время, а именно с 1-го мая по 1-е сентября, дозволяется носить парусиновые блузы, белые фуражки из полотна с установленными буквами.

2. Идя в учебные заведения для учебных занятий, а ровно и возвращаясь из одного, все ученики обязаны нести ранцы на спине.

3. Примечание. За нарушение вышеизложенных правил, ученики

⁸ Чехов, А. П. Избранные произведения : в 3 т. / А. П. Чехов ; ред. В. Пересыпкина. – Т. I. – М. : Худ. лит., 1964. – С. 229.

гимназии подвергаются, по Постановлению Педсовета, строгому взысканию и даже немедленному увольнению из учебного заведения»⁹.

Точной датой введения школьной формы в России считается 1834 год, когда Николай I издал указ, утвердивший общую систему гражданских мундиров в Российской империи, в том числе гимназические и студенческие мундиры. Введение форменной одежды обусловлено тем, что служащие государственных учреждений в те времена были обязаны носить одежду, соответствующую чину и званию, согласно «Табелю о рангах». Педагогический состав государственных учебных заведений (гимназий) носил форменные сюртуки, и, как следствие, естественным стало введение форменных костюмов и для учащихся.

Все учебные заведения имели форму военного фасона. Гимнастерки, шинели, фуражки отличались только цветом, кантами, пуговицами и эмблемами. Брюки, ботинки и ранец были неизменно черными во всех гимназиях. Фуражки обычно были светло-синими с тремя белыми кантами и черным козырьком. Летом на тулью фуражки надевался чехол из коломянки – льняной гладкой ткани. Из нее же шили летние гимнастерки. Зимой к фуражке добавлялись фетровые наушники и башлык цвета натуральной верблюжьей шерсти, отделанный серой тесьмой. Обычно ученики носили суконную гимнастерку синего цвета с серебряными выпуклыми пуговицами, подпоясанную черным лакированным ремнем с серебряной пряжкой, и черные брюки без канта.

Фото гимназистов и их родителей. XIX век

Говоря о торжествах и праздничных днях, стоит отметить, что имелась выходная форма – темно-синий или темно-серый однобортный мундир с обшитым серебряным галуном (толковый словарь В. И. Даля дает нам такое значение слова – золотая, серебряная или мишурная

⁹ Греков, А. Д. *Воспоминания* / А. Д. Греков // *Новочеркасск и Платовская гимназия в воспоминаниях и документах*. – М. : Наука, 1987. – С. 162–164.

тесьма) воротником. Неизменным атрибутом всех гимназистов был ранец. Чаще можно было встретить гимназистов не в гимнастерках, а в курточках с воротником-стойкой.

В 1896 году после открытия доступа в учебные заведения особ женского пола было утверждено положение о гимназической форме для девочек. Им предписывалось носить коричневые платья, подчеркивающие талию, с плиссированными юбками до колен. Разнообразие вносили фартуки: будничные – черные из хлопка, праздничные – белые из тонкого батиста. Единственным дополнением к строгому наряду были белые кружевные воротнички.

С самого первого года основания и до 1917 года фасон формы менялся соответственно веяниям моды. В государственных учебных заведениях утверждалась форма, рекомендованная государством, в то время как частные гимназии могли позволить своим воспитанникам посещать уроки в менее строгой форме. Однако форма для мальчиков все же в большей степени придерживалась штатско-военного костюма.

Все изменилось с пришествием к власти большевиков. Декрет «О единой школе...» 1918 года отменил форму для учащихся, признав ее наследием царского режима, символом несвободы, унижения, подневольного положения ученика.

А. П. ЧЕХОВ И К. М. СТАНЮКОВИЧ

В 2013 году исполняется сто семьдесят лет со дня рождения и сто десять лет со дня смерти современника А. П. Чехова, писателя К. М. Станюковича (1843–1903), судьба и творчество которого связаны с Дальним Востоком и Сибирью.

В письмах Чехова встречается много важных суждений о беллетристике и литераторах его времени. В этих высказываниях заключены не только личные вкусы и пристрастия писателя, но и ценный объективный материал, характеризующий литературную картину эпохи. Станюкович не входил в круг ближнего окружения Чехова и в состав его адресатов. Среди огромного количества писателей-современников и их произведений имя Станюковича упоминается в письмах Чехова два раза. Первый – в письме В. О. Кононовичу от 19 февраля 1891 года, в котором Чехов помещает перечень книг, подготовленных для отправки в школьные библиотеки Сахалина. Среди них – шесть экземпляров рассказа Станюковича «Между своими, или Смерть на корабле», изданного баронессой В. И. Икскуль в 1891 году¹.

Второй – в телеграмме, отправленной Чеховым 22 декабря 1896 года в связи с празднованием тридцатипятилетия литературной деятельности К. М. Станюковича в гостинице «Эрмитаж»: «Шлю сердечный привет. Низко кланяюсь глубокоуважаемому юбиляру. Антон Чехов». В воспоминаниях современников Чехова, писателя И. А. Бунина² и врача И. А. Альтшуллера³, сохранились отзывы о случайных встречах писателей в кругу общих знакомых в Крыму в 1898 и 1900 годах.

Как известно, перед путешествием на Сахалин Чехов составил обширный список книг и статей, в которых содержались сведения о каторге, тюрьмах и системе наказаний, Сибири и Дальнем Востоке, кругосветных путешествиях. Позже к этому перечню добавились работы, названные или использованные Чеховым дополнительно в книге «Остров Сахалин» или в очерках «Из Сибири». В процессе работы Чехов обращался как к научным и публицистическим (историческим,

¹ Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. / А. П. Чехов. – М., 1974–1983. – Т. 4. (Далее все цитаты из писем А. П. Чехова даны по этому изданию.)

² Бунин, И. А. Чехов / И. А. Бунин // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986. – С. 499.

³ Альтшуллер, И. А. О Чехове (Из воспоминаний) / И. А. Альтшуллер // А. П. Чехов в воспоминаниях современников. – М., 1986. – С. 546.

юридическим, географическим, этнографическим), так и к художественным источникам. В чеховском списке есть книги о путешествиях В. А. Римского-Корсакова, И. Ф. Крузенштерна, Ю. Лисянского, А. Вышеславцева, И. А. Гончарова, но нет произведений К. М. Станюковича, посвященных кругосветному плаванию. В связи с темой каторги и Сахалина он упоминает рассказы Г. И. Успенского, В. Г. Короленко, но рассказов К. М. Станюковича не называет.

Несмотря на эти очевидные факты, есть довольно много случайных схождений в жизни и творчестве писателей. Оба сотрудничали с одними и теми же изданиями. Так, раннее творчество Станюковича и Чехова связано с журналом «Будильник», в 1895 году они публикуют свои произведения в сборнике произведений русских авторов «Проблески», в 1898 году печатаются в петербургском «Журнале для всех», в 1895 году в журнале «Детское чтение» появляется рассказ Чехова «Белолобый», в 1896 году – рассказ Станюковича «Максимка» и т. д. В 1888 году по решению Академии наук А. П. Чехов получает половинную Пушкинскую премию за третий сборник рассказов «В сумерках», а в 1901 году за свои литературные труды получает половинную Пушкинскую премию К. М. Станюкович.

Существуют и географические «точки пересечения». В 1870 году Станюкович жил и работал в Таганроге, где подрастал будущий писатель Антон Чехов. В конце жизни оба писателя тяжело заболевают, отправляются на лечение в Крым и находятся там в одно и то же время. Умирают оба на чужбине с разницей в год – Станюкович в 1903-м в Неаполе, Чехов в 1904-м в Баденвейлере. Кроме того, биографии обоих в различной степени связаны с Сибирью и Сахалином, что отразилось в их творчестве: в очерковых записках «Из Сибири», книге «Остров Сахалин» и в ряде послесахалинских произведений Чехова; в очерке «В далекие края», рассказах «Из-за пустяков», «Ужасный день», повести «Вокруг света на «Коршуне»» Станюковича.

Очерк К. М. Станюковича «В далекие края» был впервые опубликован в журнале «Русская мысль» (1886, № 1, 2, 4, 12) с подзаголовком «Путевые наброски и картины». В основу очерка легли впечатления от вынужденного путешествия писателя вместе с семьей в Томск, куда он в 1885 году был отправлен в административную ссылку на три года после отбытия годичного тюремного заключения. В апреле 1884 года, по возвращении из кратковременной поездки за границу, Станюкович был арестован за связь с русскими политическими эмигрантами и публикацию в журнале «Дело» статей, авторами которых были деятели революционного движения. За двадцать два года до этого, в 1863 году, гардемарин Станюкович по поручению начальника Тихоокеанской эскадры А. А. Попова проехал через Сибирь в Петербург, чтобы доставить сухопутным путем пакет с экстренными бумагами к управляющему Морским министерством. Через Сибирь он добирался на перекладных по знаменитому ямщицкому тракту и прибыл в Петербург на пятьдесят

четвертый день (выехал 4 августа – приехал 28 сентября). Второй раз Станюкович проделал тот же путь, но уже из Петербурга в Сибирь. На этот раз до Урала он ехал на поезде, затем на перекладных до Тюмени, дальше до Томска водным путем: по Иртышу, Оби и вверх по Томи. Маршрут сахалинского путешествия Чехова в 1890 году почти повторяет путь Станюковича 1885 года: из Ярославля по Волге до Казани, затем по Каме до Перми, оттуда по железной дороге до Тюмени, а затем через всю Сибирь на тарантасе и по рекам.

Темы, образы, стилистика очерка Станюковича «В далекие края» имеют много общего с очерками Чехова «Из Сибири» и «Остров Сахалин». Сближает очерки Чехова и Станюковича как сходство материала, положенного в основу (путешествие, дорожные впечатления), так и образ рассказчика – пронзительного и ироничного литератора, с интересом наблюдающего незнакомые места и людей, не скрывающего своих эмоций.

Станюкович неоднократно обращается к монографии Николая Михайловича Ядринцева «Сибирь как колония» (СПб., 1882), Чехов также упоминает данный источник. Писатели используют одни и те же литературные реминисценции. Например, нарицательный образ полицейского Держиморды из комедии Гоголя «Ревизор» возникает в связи с местными порядками как в очерке Станюковича, так и в книге Чехова «Остров Сахалин». Название «Записок из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского используется Станюковичем и Чеховым как имя нарицательное. Станюкович называет плавающим «мертвым домом», то есть «плавающей тюрьмой», корабль, а Чехов – каторгу.

Оба писателя обращаются к третьей песне «Божественной комедии» Данте «Ад», сравнивая увиденное в далеких краях с адом. В очерке Станюковича это сравнение позволяет передать впечатления автора от пересечения границы России и Сибири: «Два столба, один каменный, другой деревянный, с гербом Tobольской губернии, указывают въезд в страну, “где мрак и холод круглый год”. Надписи на столбе подчас трогательные, но не имеют, однако, безотрадности надписи над Дантовым адом: “Оставь надежды навсегда”. Напротив, юмор русского народа выразился и в этих, иногда своеобразных надписях: “Поминай как звали”. “Кланяйся в Нерчинске товарищам”. “Ищи ветра в поле”. “До свидания, Сибирь-матушка!” и тому подобн. Есть и нацарапанные стихотворные произведения, и в них юмористика преобладает над лиризмом»⁴. В данном описании Станюковича присутствуют юмор и лиризм одновременно, что характерно и для очерковой манеры Чехова. Примечательно, что Чехов в VII главе «Острова Сахалина» тоже обращается к теме «так называемой заборной литературы» и говорит о том, что даже на каторге проявляется дурная

⁴ Станюкович, К. М. В далекие края // Станюкович К. М. Собр. соч. : в 10 т. / К. М. Станюкович. – Т. 3. – М., 1977. (Далее все цитаты даны по этому изданию. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде мой.)

наклонность русского человека оставлять разные надписи на скамейках и других местах. «Если же он грамотен, то в уединенном месте ему бывает трудно подавить в себе задор и удержаться от искушения нацарапать на стене хотя бы ногтем какое-нибудь запретное слово»⁵.

Заброшенность, бесприютность, огромные пространства, чувство бесконечного одиночества и тоски – таков лейтмотив, объединяющий впечатления рассказчиков от далекого края. Описывая неприветливые места, Станюкович и Чехов часто прибегают к одному и тому же образу пустыни. «Мы были в громадной безлюдной *пустыне* приобского края», – пишет Станюкович, отмечая однообразие и унылость необозримых сибирских пространств. «Куда ни взглянешь – все та же беспредельная тайга по обе стороны. Эти тундры тянутся вплоть до Ледовитого океана. Безлюдье полное <...> в течение дня ни одного строения, ни единой души <...> Резкий холодный ветер с близкого севера волновал реку, играя на ней серебристыми барашками, и напевал унылую песню, качая верхушки прибрежных деревьев. Становилось просто жутко. Тоска невольно охватывала приезжего человека. Неужели здесь можно жить?» Сравним с одним из чеховских описаний в «Острове Сахалин»: «...налево видны в тумане сахалинские мысы, направо тоже мысы... а кругом ни одной живой души, ни птицы, ни мухи, и кажется непонятным, для кого здесь ревут волны, кто их слушает здесь по ночам, что им нужно и, наконец, для кого они будут реветь, когда я уйду».

В отличие от Чехова Станюкович не приезжал на Сахалин с целью увидеть изнутри жизнь Сахалинской каторги. Его знакомство с островом было случайным и недолгим. Существует версия, что корабль, на котором служил Станюкович, сел на камни вблизи п. Дуэ, о чем и повествуется в рассказе «Ужасный день» и повести «Вокруг света на “Коршуне”», написанных в 90-е годы. Однако образ каторжного острова возникает как зловещий символ эпохи ранее в рассказе «Из-за пустяков» (1881). Главный персонаж рассказа, петербуржец, молодой человек Дмитрий Алексеевич Кропотов, был уволен со службы «из-за пустяков». «Пустяками» оказались его «предосудительные взгляды» и неосторожные высказывания. В результате его ни за что записали в число неблагонадежных, выставили преступником в «подлой» газетной статье, от него отреклись родные брат и сестра, поверив клевете, а дядя-адмирал, сочувствуя Мите, все же сказал: «Каждый поступай по совести, а у кого совести нет, того *на Сахалин!*»⁶.

⁵ Чехов, А. П. Из Сибири. Остров Сахалин / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собр. соч. : в 30 т. – Т. 14–15. – М., 1978. (Далее все цитаты даны по этому изданию. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде мой.)

⁶ Станюкович, К. М. Из-за пустяков / К. М. Станюкович // Станюкович К. М. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 1. – М., 1977. (Далее все цитаты даны по этому изданию. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде мой.)

Сахалин в этом диалоге возникает как место, куда можно было попасть по политическим мотивам просто «из-за пустяков», если они покажутся кому-нибудь вовсе не пустяками, а крамольными рассуждениями. Интеллигентный, порядочный человек, подобный Дмитрию Кропотову, случайно попавший под подозрение, легко мог оказаться на далеком острове среди людей, которых, по известному выражению Чехова из письма А. С. Суворину, «сгноили в тюрьмах зря, без рассуждения, варварски». Именно это имел в виду Станюкович, включая слово «Сахалин» в контекст происшествия с героем рассказа. Поразительно, но в какой-то мере Станюкович предвидел и свою судьбу: предстоящий арест и ссылку в Сибирь.

Хотя рассказ написан задолго до путешествия Чехова на Сахалин и создания книги «Остров Сахалин», он невольно вызывает ассоциации и с творчеством Чехова, и с его книгой. Герой Станюковича близок герою чеховского рассказа «Палата № 6» Ивану Дмитриевичу Громову, который также остался с матерью без средств к существованию, с утра до вечера давал грошовые уроки, занимался перепиской, вынужден был бросить университет и за странный образ мыслей подвергся изоляции в сумасшедшем доме. Чертами характера Дмитрий Кропотов напоминает и упомянутого в «Острове Сахалине» мало-тымковского смотрителя г. К., интеллигентнейшего и добрейшего молодого человека, тоже петербуржца, тоскующего по России, который бесконечно одинок и чувствует себя в огромной казенной квартире как в плену. Вполне вероятно, что честный и совестливый, чуждый карьеризма герой Станюковича мог оказаться вместо Петербурга на далеком острове или в качестве служащего, или в качестве ссыльнокаторжного.

Действие рассказа Станюковича «Ужасный день» (1893) сосредоточено вокруг одного «памятного дня», одного ужасного события – крушения российского клипера (названного в рассказе «Ястребом») у берегов Сахалина в шестидесятые годы XIX века.

В экспозиции рассказа говорится о том, что находившийся уже второй год в кругосветном плавании корабль после посещения портов Приморской области зашел на Сахалин, чтобы запастись даровым углем, добытым ссыльнокаторжными, недавно переведенными в Дуйский пост из острогов Сибири, и идти затем в Нагасаки, а оттуда – в Сан-Франциско, на соединение с эскадрой Тихого океана. Начало рассказа, как и его название, вызывает тревожное чувство, предопределяя зловеющий характер последующих событий: «...военный четырехпушечный клипер «Ястреб» в это *хмурое, тоскливое и холодное* утро пятнадцатого ноября 186_ года одиноко стоял на двух якорях в *пустынной* Дуйской бухте *неприветного острова Сахалина*»⁷. Сравним с чеховским описанием утра на сахалинском берегу: «Утро было *сырое, пасмурное, холодное*».

⁷ Станюкович, К. М. Морские рассказы / К. М. Станюкович. – М., 1980. (Далее все цитаты даны по этому изданию. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде мой.)

Описание Дуэ в рассказе Станюковича соотносится с чеховской характеристикой Дуйского порта как места, которое является «колыбелью ка-торги» и «пользуется преувеличенно дурною репутацией». Чехов называет дуйский берег «мрачным мирком», а в шуме бьющихся волн ему слышится «бессильная, злобная тоска». «С самого основания Дуэ здешняя жизнь вылилась в форму, какую можно передать только в неумолимо-жестоких, безнадежных звуках, и свирепый холодный ветер, который в зимние ночи дует с моря в расщелину, только один поет именно то, что нужно», – читаем в книге «Остров Сахалин». А когда Дуэ остался позади, автор испытывает «жуткое чувство, точно после дурного, зловещего сна».

Описание ужасной погоды, встретившей моряков с «Ястреба» у каменистого побережья Сахалина, невольно отсылает нас к словам Чехова: «... когда природа создавала Сахалин, то при этом она меньше всего имела в виду человека и его пользу». Поэтому эпитеты «подлый», «собачий», «проклятый», «каторжный», которые многократно использует Станюкович, характеризуя особенности дуйского ландшафта, наиболее точно соответствуют действительности. Капитан клипера предупреждает вахтенного начальника: «За якорным канатом хорошенько следите. Здесь *подлый* грунт, каменистый». Моряки вторят капитану: «Скорей бы уйти. Как есть *подлое* место». И далее: «*Собачье* место... Недаром здесь несчастные люди живут!..»; «*каторжное* место». В кают-компании моряки «пили чай и болтали, поругивая главным образом *проклятый* Сахалин, куда судьба занесла клипер». «Всем, начиная со старшего офицера и кончая самым юным членом кают-компании... эта стоянка в Дуэ была *очень неприятна*. Подобный берег не манил к себе моряков. Да и что могло манить?.. *Неприветен* был этот несчастный поселок на оголенном юру бухты, с *унылым* лесом сзади без конца, с несколькими казармами *мрачного* вида...».

В повести Станюковича «Вокруг света на “Коршуне”» (1896) Сахалину посвящено несколько страниц шестой главы второй части под названием «Выручка «Забияки»». События, описанные в ней, напрямую перекликаются и даже отчасти повторяют происшествие из рассказа «Ужасный день». Клипер «Забияка» сел на камни все в том же злополучном месте – у берегов Сахалина, возле порта Дуэ. Несмотря на «дьявольский туман», капитан «Коршуна» направил свой корабль на помощь терпящему бедствие судну. Понимая, что промедление подобно смерти, капитан говорит старшему офицеру: «Эти гряды в Дуйском порте на Сахалине, в которых застрял “Забияка”, очень опасны. Я бывал в Дуэ. Тоже чуть нас не выбросило на камни... *Отвратительная дыра!*»⁸. Эти слова почти дословно воспроизводят оценку сахалинского берега в рассказе «Ужасный день». День, когда корабль чуть не погиб из-за «под-

⁸ Станюкович, К. М. Вокруг света на «Коршуне» / К. М. Станюкович // Станюкович К. М. Собр. соч. : в 10 т. – Т. 6. – М., 1977. (Здесь и далее цитаты даны по этому изданию. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде мой.)

люги-тумана», здесь назван «жутким днем», а сам туман – «ужасным».

Описание Дуйского поста в повести перекликается с соответствующим описанием в рассказе «Ужасный день»: «В третьем часу следующего дня “Коршун” входил на *неприветливый* Дуйский рейд, *мрачный* и *пустынный*, окаймленный обрывистыми лесистыми берегами, с несколькими видневшимися на склоне казарменными постройками, в которых жили единственные и невольные обитатели этого *печального места* – ссыльнокаторжные, присланные на Сахалин для ломки каменного угля, и полурота линейных солдат для надзора за ними».

Станюкович и Чехов часто обращаются к развернутым описаниям морской стихии. Так, в повести «Вокруг света на “Коршуне”» Станюкович показывает, как по мере приближения к Сахалину море становится все более неприветливым и страшным, вызывая невольное ожидание неведомой опасности: «Туман, довольно частый в Японском море и в Японии, казалось, надолго заключил “Коршуна” в свои влажные, нерасторжимые объятия. День близился к концу, а туман был так же страшен своей непроницаемостью, как и утром. Стоял мертвый штиль, и не было надежды на ветер, который разогнал бы эти клубы тумана, словно злые чары, скрывшие все от глаз моряков». В книге Чехова приближение к туманной полоске каторжного острова также окрашено тревожными предчувствиями: «Кажется, что тут конец света и что дальше уже некуда плыть. Душой овладевает чувство, какое, вероятно, испытывал Одиссей, когда плавал по незнакомому морю и смутно предчувствовал встречи с необыкновенными существами».

Морской пейзаж в «Острове Сахалине» чаще всего неприветлив, например, в главе XIII: «Море на вид холодное, мутное, ревет, и высокие седые волны бьются о песок, как бы желая сказать: “Боже, зачем ты нас создал?”». Далее встречаются близкие по настроению описания: «Было темно и тихо, *море глухо шумело* и звездное небо хмурилось, как будто видело, что в природе готовится что-то недоброе»; «*море глухо шумит* внизу, далекий берег соблазнительно манит к себе, и становится грустно и тоскливо, как будто никогда уже не выберешься из этого Сахалина». Чехов называет море «темным», «недобрым», «свинцовым», «суровым», отмечая, что оно усиливает чувство одиночества, тоски: «...беспрдельно, на тысячи верст раскинулось *угрюмое, злое море*»; «поверхность *свинцовая*, над нею тяготеет *однообразное серое небо*»; «*суровые* волны бьются о *пустынный берег*...».

Природные стихии, как у Чехова, так и у Станюковича, соотнесены со стихией человеческого бытия. Оба писателя связывают с морем состояние отчужденности, отверженности человека. Море отгораживает от дома, от России. Эта мысль пронизывает картину начала плавания, когда «Коршун» выходит на большой рейд: «Впереди и сзади было *серое, свинцовое, неприветное море*. “Прощай, матушка Рассей! Прощай, родимая!” – говорили матросы». Корабль, подобно острову, отдален и изо-

лирован морем от земли, поэтому море вызывает страх, «чувство беспомощности и сиротливости» у людей, оказавшихся в его власти: «Эта бездонная пропасть бушующего, засевшего моря, бьющегося о бока корвета, отделялась только стеклом иллюминатора да несколькими досками корабельной обшивки. Оно было близко, страшно близко, это море, и здесь, сквозь стекло иллюминатора, казалось каким-то жутким и страшным водяным гробом».

В повести «Вокруг света на “Коршуне”» Станюкович использует прием контрастного противопоставления: безмятежный остров Мадейра в первой ее части противопоставлен дикому и мрачному Сахалину во второй части. Остров Мадейра ассоциируется с раем, напоминает «что-то сказочное, волшебное»: «роскошный, весь словно повитый зеленью, с высокими, голыми маковками блиставших на солнце гор, *точно прелестный сад*, поднявшийся из океана». Сахалин, «мрачный и пустынный, окаймленный обрывистыми лесистыми берегами», совсем не похож на райское место. Возникает антитеза: «остров-сад» – «остров-ад». Подобное противопоставление есть и у Чехова. По возвращении в Москву он писал Леонтьеву-Щеглову (10 декабря 1890 г.): «Могу сказать: пожил! Будет с меня. Я был в аду, каким представляется Сахалин, и в раю, т. е. на острове Цейлоне!»

Одна из центральных тем повести «Вокруг света на “Коршуне”», как и книги «Остров Сахалин», – телесные наказания. Станюкович сравнивает военную службу в царском флоте с «каторгой», подразумевая длительность службы и полную зависимость простых моряков от произвола боцманов и офицеров. Писатель с негодованием отмечает, что официально отмененные телесные наказания еще не ушли в прошлое и что некоторые офицеры-«дантисты» и боцманы по-прежнему пытаются «выучить» матросов только при помощи жестокого физического действия. Рассуждения Станюковича о бессмысленности телесных наказаний на флоте перекликаются с выводами Чехова о нецелесообразности применения физических наказаний к каторжанам: «Наказания, унижающие преступника, ожесточающие его и способствующие огрублению нравов и давно уже признанные вредными для свободного населения, оставлены для поселенцев и каторжных, как будто ссыльное население подвержено меньшей опасности огрубеть, ожесточиться и окончательно потерять человеческое достоинство». Таким образом, названные произведения Чехова и Станюковича объединяют не только близкие мотивы и образы, но и авторский взгляд на происходящее.

Перекличка рассказа Станюковича «Между своими, или Смерть на корабле» с чеховским рассказом «Гусев» очевидна. Рассказ Станюковича написан в марте 1890 года и первоначально назывался «Похороны в море», в апреле уже с измененным названием был опубликован в журнале «Русские ведомости». «Гусев» – первый рассказ, появившийся в печати после возвращения Чехова из поездки на Сахалин. Он был начат

на Цейлоне в ноябре 1890 года и впервые опубликован в рождественском номере «Нового времени» 25 декабря того же года. В рассказе отразились впечатления Чехова в дни путешествия, о которых он писал А. С. Суворину 9 декабря 1890 г.: «По пути в Сингапур бросили в море двух покойников. Когда глядишь, как мертвый человек, завороченный в парусину, летит, кувыркаясь, в воду, и когда вспоминаешь, что до дна несколько верст, то становится страшно и почему-то начинает казаться, что сам умрешь и будешь брошен в море».

Однако главным толчком к написанию рассказа послужили сахалинские впечатления Чехова. О происхождении идей и образов, воплощенных в «Гусеве», можно судить, сопоставляя рассказ с «Островом Сахалином», появившимся на три года позднее⁹.

Рассказы Станюковича и Чехова близки сюжетно: повествуется о судьбе простого русского человека, занесенного по чужой воле в далекие края, и о его смерти на корабле посреди океана, вдали от родины. В рассказе Станюковича от скоротечной формы чахотки тает молодой матрос Иван Артемьев, в рассказе Чехова также от чахотки умирает бессрочноотпускной рядовой Гусев, возвращающийся домой после пятилетней службы на Дальнем Востоке. Оба персонажа относятся к типу «овнешненного» героя, который проявляет себя только на житейском, социальном уровне, так как ему не свойственно глубокое осознание себя и мира¹⁰.

Много схожих моментов в судьбе и, главное, в психологии Гусева и Артемьева – добродушное и безропотное смирение, готовность выдерживать любые испытания, приноровиться к обстоятельствам, трагическая незавершенность их жизней. Общим является и мотив тоски по родине. Гусев в полубредовых снах видит родную деревню, родню. Герой Станюковича тоже вспоминает свою деревушку, думает о родных, он умоляет не оставлять его на чужбине, во французском госпитале, а дать умереть «между своими», на корабле. Гусев перед смертью жалеет о том, что не успел написать письмо родным. Артемьев успевает продиктовать «грамотку» домой.

Тема конечности и бесконечности бытия в обоих рассказах передается посредством пейзажных образов, создавая философско-лирический настрой. Герой Станюковича «...подолгу глядел своими большими серьезными глазами и на безбрежный сверкающий на солнце океан и на бирюзовую высь неба – глядел и задумывался, словно пытаясь разрешить какую-то загадку, неожиданно возникшую для него после долгого созерцания природы и каких-то новых странных дум, являвшихся во

⁹ См.: Катаев, В. Б. Автор в «Острове Сахалине» и в рассказе «Гусев» / В. Б. Катаев // В творческой лаборатории Чехова. – М., 1974. – С. 247–252.

¹⁰ Полоцкая, Э. А. А. П. Чехов. Движение художественной мысли / Э. А. Полоцкая. – М., 1979. – С. 311.

время долгой болезни <...> Он жалел своих, скорбел о тяжелой мужичьей доле; спрашивал себя, отчего бог не ко всем милостив, и снова задумывался, глядя на чудное небо, точно оно могло дать ответ...». Гусев, в последний раз оказавшись на палубе корабля, видит то же самое – море и небо – и размышляет о смерти: «Наверху глубокое небо, ясные звезды, покой и тишина – точь-в-точь как дома в деревне, внизу же – темнота и беспорядок. Неизвестно для чего, шумят высокие волны. На какую волну ни посмотришь, всякая старается подняться выше всех, и давит, и гонит другую; на нее с шумом, отвечивая своей белой гривой, налетает третья, такая же свирепая и безобразная»¹¹.

Эпизоды погребения в океане на закате дня совпадают почти дословно. У Станюковича: «Труп его одели в полный матросский костюм и ранним утром вынесли наверх, на шканцы, и положили на доске, лежавшей на козлах. Перед обедом, в присутствии капитана, офицеров и всей команды, была отслужена священником панихида. И эта служба и это печальное пение отличного хора певчих здесь, среди безбрежного сверкавшего океана, так далеко-далеко от родины, производили невыносимо тоскливое впечатление <...> К вечеру труп зашили в парусинный мешок, плотно охватывавший мертвое тело, к ногам привязали ядро, и после отпевания и отдачи воинских почестей, при глубоком молчании команды, четыре матроса понесли усопшего на доске к борту корвета, наклонили доску, и труп молодого матроса с легким всплеском исчез в прозрачной синеве океана».

У Чехова: «Его зашивают в парусину и, чтобы он стал тяжелее, кладут вместе с ним два железных колосника. Защищенный в парусину, он становится похожим на морковь или редьку: у головы широко, к ногам узко. . . Перед заходом солнца выносят его на палубу и кладут на доску; один конец доски лежит на борте, другой на ящике, поставленном на табурете. Вокруг стоят бессрочноотпускные и команда без шапок. <...> Священник посыпает Гусева землей и кланяется. Поют “вечную память”. Вахтенный приподнимает конец доски, Гусев сползает с нее, летит вниз головой, потом переворачивается в воздухе и – бултых! Пена покрывает его, и мгновение кажется он окутанным в кружева, но прошло это мгновение – и он исчезает в волнах».

Заканчиваются оба рассказа описанием великолепного заката, символизирующего, с одной стороны, конец человеческой жизни, а с другой – бесконечность мироздания. У Станюковича: «А справа величественно закатывалось солнце, заливая багровым блеском далекий горизонт». У Чехова: «Из-за облаков выходит широкий зеленый луч и протягивается до самой середины неба; немного погодя рядом с этим ло-

¹¹ Чехов, А. П. Гусев / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собр. соч. : в 30 т. – Т. 7. – М., 1977. (Далее все цитаты даны по этому изданию. Курсив, кроме оговариваемых случаев, везде мой.)

жится фиолетовый, рядом с ним золотой, потом розовый... Небо становится нежно-сиреневым».

Таким образом, оба писателя в одно и то же время обратились к одной теме, воплощение которой проявило неожиданную близость их социально-философских взглядов. При этом речь идет не о прямом воздействии одного из них на другого, а о родственности одновременного изображения двумя писателями типичных явлений жизни. Разумеется, отмеченные параллели, типологические схождения произведений двух писателей-современников не отменяют их сущностных различий.

АВАНТЮРНО-ДЕТЕКТИВНЫЕ ЧЕРТЫ В РОМАНЕ А. П. ЧЕХОВА «ДРАМА НА ОХОТЕ»

Авантюрный роман, зародившийся в русской литературе в конце XVIII века, переживший необычный спрос у читателей в первой трети XIX века, а затем угасший под давлением реалистического психологического романа, к концу XIX века снова становится популярным. В 70–80-е годы XIX века на читателя обрушивается масса авантюрных, авантюрно-детективных произведений – переводных и отечественных. В «Осколках московской жизни» 24 ноября 1884 года А. П. Чехов пишет по поводу данной литературы: «...Читаешь и оторопь берет. Страшно делается, что есть такие страшные мозги, из которых могут выползть такие страшные “Отцеубийцы”, “Драмы” и проч. Убийства, людоедство, миллионные проигрыши, привидения, лжеграфы, развалины замков, совы, скелеты, сомнамбулы и ...черт знает чего только нет в этих раздражениях пленной и хмельной мысли... Страшна фабула, страшны лица, страшны логика и синтаксис, но знание жизни всего страшней»¹. Но данная характеристика бульварных авантюрных романов не мешает писателю обратиться к данному жанру самому. Следует сказать, что во второй половине XIX века он был не одинок в проявлении интереса к авантюрно-детективному жанру среди талантливых писателей, ставших впоследствии классиками русской литературы. Среди них Н. Чернышевский, Ф. Достоевский, Н. Лесков.

В 1880-е годы А. Чехов, уже писатель с именем, пишет газетный роман, в котором очевидны черты авантюрно-детективного повествования. Первые части романа «Драма на охоте» впервые появляются в газете «Новости дня» в августе 1884 года, и роман публикуется из номера в номер вплоть до апреля 1885 года. Исследователи до сих пор бьются над определением жанра романа: от пародии до мелодрамы, от бульварного до психологического романа – таков диапазон точек зрения литературоведов по поводу жанровых черт произведения. Задаются вопросом, что заставило молодого, но уже известного писателя обратиться к авантюрно-детективному сюжету. Но ответа пока не найдено. Сам автор, по свидетельству современников и исследователей, после публикации романа в газете ни разу не обращается к нему на протяжении всей жизни, не любит о нем говорить, не упоминает о нем в своей переписке, не пытается переиздать его. Но факт остается фактом: Чехов в 1884 году на суд читателей предлагает роман, полный страстей, загадочных героев

¹ Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – Т. 3. – М., 1975. – С. 590.

и убийств. Роман имеет два подзаголовка: «Истинное происшествие», который относится ко всему произведению, и еще один – «Из записок судебного следователя», относящийся к основной части романа. Оба подзаголовка указывают не только на детективное содержание романа, но и на как бы подлинность событий, которые легли в его основу. Помещая роман в газете «Новости дня», имеющей репутацию публичной газеты, писатель хочет, очевидно, банально заработать. Но роман до начала публикации в газете написан полностью, то есть А. Чехов создает не публичный роман на потребу читателей газеты, а психологическую драму. Этим роман кардинально отличается от потока приключенческо-уголовной литературы этого периода, которую Чехов не принимает и не понимает. Именно это заставляет исследователей искать в первом романе писателя особенности, в которых уже узнается поздний Чехов.

В сюжетном движении романа использованы практически классические приемы авантюрного повествования. Например, принцип неожиданности: неожиданность принятого решения. Сергей Петрович не хочет ехать к графу Алексею Карнееву, но вдруг принимает решение ответить на приглашение. Встреча с «девушкой в красном» тоже происходит неожиданно, «не запланировано», по принципу «вдруг»: вдруг из лесу появилась маленькая девочка, а за ней девятнадцатилетняя девушка с прекрасной белокурой головкой, добрыми голубыми глазами в красном полудевическом платье. Именно эта девушка – Ольга Скворцова, дочь графского лесничева, станет жертвой любви и будет убита нашим героем в порыве одновременно страсти, ревности и ненависти. Так же неожиданно на охоте появляется жена графа, о которой он предпочел не говорить другу и знакомым, скрыв свою женитьбу, и ее неожиданное появление вносит решающий аккорд в сюжетное движение.

Как и положено, в авантюрных романах А. Чехов отдает дань случайному совпадению, так называемой игре судьбы.

Конечно, какой авантюрный роман обходится без тайн, таинственных героев, загадочных обстоятельств? Черты таинственности мы находим и в «Драме на охоте». Окружена ореолом тайны фигура Казана Казимировича Пшеходского, до начала охоты остается загадочным поведение графа. При загадочных обстоятельствах убита Ольга, при не менее загадочных событиях убивают в тюрьме одноглазого Кузьму, свидетеля странных обстоятельств в лесу. И следует еще отметить, что роман насыщен разного рода предзнаменованиями, знаками судьбы. Повествование начинается с крика попугая «Муж убил свою жену», и этот крик птицы будет звучать не один раз, нагнетая обстановку, создавая своеобразное психологическое напряжение. Прежде чем выехать к графу, Сергей Петрович успевает отметить для себя, что лакей Поликарп читает «страшный роман Дюма» и что лакей вообще любит читать романы «со знатными господами, убийствами и ядами». Подъезжая к имению графа, Сергей Петрович чуть было не свалился на землю. «Худой

знак, барин! – крикнул мне какой-то мужик, стоявший у одной из дверей длинных графских конюшен. Я верю в то, что человек, упавший с лошади, может сломать себе шею, но не верую в предзнаменования»,² – размышляет Сергей Петрович. И как бы вопреки трезвым размышлениям героя А. Чехов подбрасывает различные знаки судьбы, предзнаменующие дурные обстоятельства. Так, во время первой роковой встречи Сергея Петровича с Ольгой разразилась гроза, которую она боялась, потому что молния во время грозы убила ее мать. А во время встречи в самом начале повествования графа с Сергеем Петровичем и управляющим Урбениным, будущим мужем Ольги, в беседке, где хотят расположиться мужчины, они видят змею. «На верхней ступени каменной полуразрушенной лестнички лежала молодая змея из породы наших обыкновенных русских гадюк. Увидев нас, она подняла голову и зашивилилась... Граф еще раз взвизгнул и спрятался за мою спину. – Не бойтесь, ваше сиятельство!.. – сказал лениво Урбенин, занося ногу на первую ступень... – А если укусит? – Не укусит... Человеческое жало опаснее змеиного! – не преминул сморальничать со вздохом Урбенин». Эти «знаки судьбы» указывают, что героям не избежать каких-то исключительных событий, что-то должно произойти страшное и непоправимое.

Надо отметить, что в авантюрных романах исходной точкой развития сюжета является первая встреча героя и героини, в результате которой вспыхивает непреодолимое любовное чувство. А. Чехов выдерживает это правило. Неожданность встречи Зиновьева с Ольгой пробуждает в нем мгновенное, непреодолимое чувство влечения к ней. Как рок, как болезнь, настигает его любовь, с которой он стремится бороться, превращая отношения с Ольгой в гадкую, низкую игру, что не спасает его от тяжелых переживаний и рокового поступка, приведшего к смерти сначала Ольгу, а затем и совсем уж неповинного крестьянина, невольного свидетеля убийства.

Характер главного персонажа «Записок следователя» Сергея Петровича Зиновьева, он же Иван Петрович Камышев, судебный следователь, автор «Записок», выдержан как бы тоже в рамках авантюрного героя. Он красив, независим, своеволен, в своих решениях он руководствуется личными мотивами, дерзок, эгоистичен и эгоцентричен, он страстен, но это качество своего характера старается скрывать даже от самого себя. Это внешняя характеристика героя, а за этими внешними чертами кроются прагматизм, озлобленная ревность, доведенное до абсурда чувство независимости. «Любовь и ревность, – утверждает Сергей Петрович Зиновьев, – делают человека несправедливым, бессердечным, человеконенавистником...». Сохраняя свою независимость, он теряет

² Чехов, А. П. Драма на охоте. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – Т. 3. – М., 1975. – С. 253. (Далее текст цитируется по данному изданию без указания страниц.)

Ольгу, а, потеряв, мстит ей, пытаясь ее убить. И собственно от ран, им нанесенных, она и умирает.

В классическом авантюрном романе любовь героев чиста и бескорыстна, и за рядом приключений, испытаний влюбленных обязательно следует свадьба, которая венчает финал повествования. Вот здесь А. Чехов изменяет правилам авантюрного романа. В «Драме на охоте» любовь лишена чистоты, и повествование венчает физическая смерть героини и моральная – героя. Любовь, которая в авантюрном романе должна победить, у А. Чехова разрушена до основания, уничтожена и «развеена по ветру». Но, следуя законам авантюрного жанра, А. Чехов все же сохраняет романтическую тональность в неромантической сцене умирания Ольги. Зная, кто ее убил, глядя ему в лицо, она не называет его имени. Это позволяет расследование направить по ложному следу, обвинить невиновного, избежать наказания убийце.

Наверное, следует напомнить в общих чертах особенности детектива. В детективном произведении конфликт строится на столкновении справедливости с беззаконием, завершающимся победой справедливости. В детективе по завершении расследования все загадки должны быть разгаданы, на все вопросы найдены ответы. Рассказчик и следователь по законам жанра не могут быть преступниками. Своеобразие «Драмы на охоте» как детектива заключается в том, что кроме убийств при невыясненных обстоятельствах ничего от сложившихся «правил» данного жанра А. Чехов не сохраняет. В романе не идет и речи о справедливости, тем более – о ее победе. В «Записках» убийцей назван Петр Егорыч Урбенин, муж Ольги. Редактор, в руки которого попадает рукопись «Записок», по косвенным уликам и умозаключениям разоблачает в убийстве судебного следователя – Сергея Петровича Зиновьева, а, следовательно, автора «Записок» Ивана Петровича Камышева, участника той злополучной «драмы на охоте», ставшего прототипом Зиновьева. Но Камышев не стремится идти с повинной. «Я не прочь сменить Урбенина, – заявляет он, – но без борьбы не отдамся... Пусть берут, если хотят, но сам я к ним не пойду. Отчего они не брали меня, когда я был в их руках? На похоронах Ольги я так ревел и такие истерики со мной делались, что даже слепые могли бы узреть истину... Я не виноват, что они... глупы». Таким образом, нарушено чуть ли не главное правило классического детектива, по которому рассказчик и следователь, в данном случае это одно и то же лицо, не может быть убийцей.

Детективный конфликт не разрешен, убийца не понес наказания, справедливость не восторжествовала. Роман имеет черты детектива, но это не детектив, равно как и не авантюрное повествование. И скорее правы те читатели и исследователи, которые видят в нем в большей мере глубокий психологизм, драму людских отношений, борьбу страстей и пороков, чем авантюрно-детективное исполнение даже в пародийной форме.

ЧЕХОВСКИЕ ТРАДИЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ МОЛОДЕЖНОЙ ПРОЗЕ САХАЛИНА

*Все сейчас боятся маньяков, серийных убийц,
насильников и прочих, но ведь если шарахаться
от каждого встречного, можно пропустить
массу интересного, разве нет?*

Ольга ОЛОУ «Костюмерная»

Эти слова нашей очень молодой и очень талантливой писательницы Ольги Олоу, взятые мной как эпиграф к статье, говорят, быть может, о самой важной чеховской традиции в сегодняшней сахалинской литературе – **пытливости** ума и **смелости**, без которых путешествие Антона Павловича на Сахалин никогда бы не состоялось. С той лишь небольшой разницей, что Чехов ехал на *край света*, а наши молодые авторы на этом *краю света* живут.

Приходится слышать: вот, в советское время на слуху и в непосредственном читательском общении с книгой было просто море разлитое отличной литературы, в сие же время, увы!

Не замедлю возразить: у сахалинцев *есть* своя местная *интересная, богатая, оригинальная* литература.

Обозревая альманахи («Сахалин», «Остров»), сборники («Писатели Сахалина. Литературный путеводитель», «Брусника с кока-колой. Молодая проза Сахалина», «На берегах высоких. Стихи и проза участников литературного объединения “Лира”», «Современная проза Сахалина» и др.), журнал «Сахалинское образование-XXI век», отдельные произведения, я бы одним только перечислением авторов заняла изрядно времени, поэтому тех, кого не назову, прошу меня простить. Кроме молодых, и даже совсем юных (таких, например, как Алена Буглакова, Дарья Павельева, подающих свой голос на наш местный Парнас прямо со школьной скамьи), есть у нас и категория «условно молодых», выпустивших первые книги с запоздалым дебютом. Это яркое творчество Ирины Левитес, Елены Шевич, Андрея Гусева. В серединочке собственно молодые: Анна Сафонова, Дмитрий Пшекарский, Александр Морев, Любовь Безбах, Антон Кузнецов и другие.

Мощному росту и процветанию молодой прозы способствует подвижническая деятельность Николая Антониновича Тарасова, руководителя отделения Союза писателей России и литобъединения «Лира».

Итак, литература у сахалинцев есть и богатая.

Но вообще-то у сахалинцев ее и нет.

Ведь тиражи по 250, 300, в лучшем случае 500 экземпляров – это на-

столько мало, что местные жители вполне могут пребывать в уверенности, что литература у нас не произрастает.

Публика существует как бы в своем измерении, а авторы в своем.

А ведь они пишут для читателя! И как пишут! В чеховских традициях!

Что я и попытаюсь продемонстрировать.

Строго говоря, влияет на наших молодых писателей не только Чехов, но и вся мировая литература.

Начинают с фантастики (но эти опусы чаще остаются на уровне обсуждений в своем кругу), посягают на исторические повествования (тут, пожалуй, диво дивное – книга Любви Безбах «На хвосте креветки»), очень любят у нас писать миниатюры в притчево-сказочном жанре (здесь найдем влияние и «Маленького принца» Экзюпери, и «Алисы в стране чудес» Льюиса Кэрролла, и Хорхе Луиса Борхеса, и старины Ханса Кристиана Андерсена – и это, кстати, всегда оригинальные по мысли и интонации миниатюры: у нас любят *философствовать*).

«Темно. Сумерки напоззли, рассеялись и превратились в ночь. Большие окна открываются для нас темно-синими узорами мира. В них вплетаются черные ветви деревьев, светящийся белизной снег. Кажется, шаг – и ты волеешься в темноту, как ее частица. Но все, что там таинственно, приобрело новые очертания с приходом ночи. А ты такой же, как был. Или тебе только кажется. И ты уже стал единым с живым, шепчущим сказки мраком? Обнимаешь колени и в этом мутном пространстве мечтаешь. Закрываешь глаза... какая разница – и там темно, и здесь... и слушаешь... Как она говорит, твоя комната... она говорит с тобой потрескиванием воздуха, словно горит свеча. Она поет тебе сказки, принесенные зимним ветром» (*Анастасия Пахомова «Медитации»* [4, 151]).

При безразмерном масштабе выбора возможностей влияния молодые вовсе не обязаны следовать именно чеховской традиции. Возьмем, к примеру, талантливейшую сахалинскую писательницу Анну Сафонову. В ее творчестве, на мой взгляд, скорей можно усмотреть гоголевскую традицию, чем чеховскую. Она гурман фразы и ожидает такого же гурманского отношения от читателя. Она пишет, наслаждаясь словами, и сознательно желает доставить наслаждение словом читателю. Ее проза («Записки паука», «Прекрасные нечестивцы», «О пользе просторечия») – это проза поэта.

Если бы лучший из обитателей «Палаты № 6» сошел с ума, вообразив себя пауком, то он мог бы вести дневник вполне в духе маленькой повести Анны Сафоновой «Записки паука». Это паук-философ, идеалист и романтик, который «потерял ниточку рассуждений»:

«Я пришел к выводу, что испытывать сомнения гораздо легче, чем кого-то любить. Сомневаться в чем-либо – приятно. Сомнения успокаивают самолюбие и тешат потихоньку тщеславие. Любовь же требует определенных усилий и попеременных проявлений бескорыстной веры и даже – доверия. Где же нам, маленьким, найти в себе такое количество

сил, чтобы позабыть самое себя и раствориться в ближнем своем. Отсюда вопрос, могут ли любить пауки?» [3, 74].

Как в визуальном искусстве бывает разновидность абстрактной живописи, так в ее прозе большинство вещей напоминает абстрактные картины, где движение узора приобретает почти самодостаточное значение.

Мне кажется, она может вдруг оказаться ближе к Чехову, если вздумает писать пьесы, ибо в драматургии Чехова, по моему ощущению, за реальными картинами всегда стоит некий абстрактный план, не схватываемый понятийной конкретикой.

Живя на Сахалине, от Чехова не уйти. Сахалинская аура, чеховская аура накладывают свою печать на страницы молодых, остро ощущающих сегодняшнее время. Время трудное, они в нем выросли. «Смех сквозь слезы», унаследованный Чеховым от Гоголя, **вторая** ярчайшая чеховская традиция, отличающая прозу наших молодых.

«Со мной случилось счастье» [1, 92], – говорит один из героев Ольги Олоу, бомж: он, оказывается, нашел в контейнере старые тренировочные кеды. О приключениях бомжа Ольга Олоу рассказывает с присутствием ей сахалинской веселостью, но в последнем абзаце мажорная интонация ей изменяет: жизнь делает зигзаг, и бомж думает: «...наверное, я и правда скоро помру» [1, 95]. Закончить рассказ хеппи-эндом Ольге Олоу мешает жизненная правда.

Этого автора, Ольгу Олоу, отличают тонкая ирония и резкость наводки на объект: за ее строчками даже не смех слышится, а хохот, молодой здоровый хохот. Она сильный человек – и от своих персонажей требует стойкости в жизненной суете и многого им не прощает. Некоторые ее маленькие рассказы напоминают чеховские миниатюры времен «Осколков» по способу обработки материала. Игра случайностей: оплошность, совпадение, недоразумение, обманутые ожидания, как и у Чехова, ведут в ее рассказах к непредсказуемым, порой фатальным последствиям (при этом персонажу не до смеха, а читателю смешно). Скажем, в рассказе «Многоточие» герой ставит оное, будучи в сильно плохом настроении, как отдельную реплику интернет-сайта «Живой журнал». Читающие сайт эту реплику (то бишь три точки) понимают многоаспектно и превратно, реплика обрастает комментариями – и в финале герой, который во время этого процесса, ни о чем не подозревая, спит, лишается подруги и рабочего места. Прообразом этого злополучного сайта вполне может быть чеховская «Жалобная книга».

Кстати, этот чеховский способ использования недоразумений мы находим и у других авторов: блестящий рассказ Ирины Левитес «Мы – коммерсанты», маленький шедевр Елены Шевич «Катенька», деревенский триллер «Венера Мирошкина» Александра Морева. И никакого единообразия! Все свежо, все неожиданно и по форме, и по содержанию, смешно и выразительно. Например, рассказ Елены Шевич «Катенька» – это настоящий, сильнодействующий рецепт против хамства

и его первоисточника – эгоизма, и я рекомендовала бы всем прочитав этот рассказ и насладиться силой его воздействия на потенциальных читателей.

Где-то интуитивно отталкиваясь от Чехова, наши авторы ставят перед собой свои, нашего времени задачи. Чехов, обличая в людях лицемерие, низкопоклонство и другие пороки, как бы ставил диагноз больному обществу. Наши молодые, предъявляя читателям свою обойму найденных у них пороков (пьянство, кураж, грубость, алчность, лень, жестокость), стремятся понять причинно-следственные связи изображаемых явлений – и как жаль, что читатели этих рассказов не видят в газетах, не слышат по радио. Ведь **третья** чеховская традиция нашей молодой прозы – не только поставить диагноз, но и способствовать исцелению, найти ту ниточку, с которой потянулся «сбой программы» в том или ином человеке (рассказы Ольги Олоу «Настя», «Белые журавлики», «Внутри и снаружи», «Шелковое платье», многие рассказы Александра Морева, рассказы Андрея Гусева «Такси», «Чукотский десант»). Вот как о том они сами пишут:

«Главное – внимательно перечитать собственный текст и писать на актуальные темы. И чтобы людям мое творчество хоть сколько-нибудь помогало» (Ольга Олоу [2, 13]). И чтобы, например, бывший наркоман восклицал:

«Вы просто не представляете, что для меня сделали ваши рассказы... Я очень изменился» [2, 15].

И понимают, как это нелегко и как непросто разобраться в жизни, о которой пишешь.

Например, в рассказе «Злоумышленник» Чехова перед нами совсем неоднозначная проблема: где причина зла – в необразованности героя, в его тупости или в душевной неразвитости, приведшей человека на скамью подсудимых.

Александр Морев в великолепном рассказе «Детские игры» тоже решает неоднозначную задачу: что привело подростка на скамью подсудимых – страх, ненависть, презрение к себе или презрение к другим и как это все переплелось и что из этого вытекает?

Надо сказать, что тема тюрьмы (сахалинская по определению!), как следствие попадания человека на скамью подсудимых, часто дается у наших авторов *весело* – как потенциальная вероятность развития определенных событий и комбинаций жизни. Это, полагаю, наш – чисто сахалинский подход (рассказ Ольги Олоу «Лыжная шапочка» о студентах, решивших ограбить банк; рассказ Андрея Гусева «Яичница» о мужике, три раза попадавшем в тюрьму за одно и то же – избиение сожительницы; рассказ Александра Морева «Как бабка Настя деда своего сажала»).

Понять, как и почему люди попадают в тюрьму, – это, конечно, один из многих мотивов, подвигнувших Чехова к поездке на Сахалин.

Одной из тем Чехова, как и всей русской литературы XIX века, была

пресловутая тема маленького человека. Как эта тема преломляется в прозе наших молодых – и есть ли она? Она выступает у наших молодых очень своеобразно – как тема самоутверждения. И реализуется часто через мотив суицида: и в напряженном серьезном ключе, и в разряженном юмористическом (рассказы Ольги Олоу «Настя», «Она, метель и старенький черно-белый телевизор»; рассказы Александра Морева «Пособие для самоубийц», «Безлика»).

Серьезный ключ:

«Один укол – весна на всю жизнь» (Ольга Семенчик (Олоу) [4, 10]).

Веселый ключ:

«Все зря. Все – табуретка падает на пол, ноги в последний раз дергаются в поисках опоры, хрип – зря.

Р. С. А все почему? Все потому, что наши продавщицы материться умеют, а считать без калькулятора – нет» (Ольга Олоу [5, 10]).

Психологическая тема одиночества, нашедшая у Чехова самое яркое выражение в рассказе «Тоска», у наших молодых помножена на социальный компонент развала общества времен перестройки (рассказы Ольги Олоу «Белые журавлики», «Тренировочные кеды», совершенно потрясающие рассказы Александра Морева «Отражение одиночества», «Собаки»).

Например, Александр Морев проявляет постоянный интерес к судьбам сегодняшнего старшего поколения, чья драма окрасила нашу эпоху ярче всего, выразившись у этого автора в своеобразной всеобъемлющей метафоре «края жизни». Выброшенный на окраину жизни пенсионер (рассказ «Отражение одиночества») оказывается *тотально* одинок. В своей сторожке, за стенами которой завывают ледяные ветры, он бесконечно разговаривает со своей женой. Прорываясь сквозь неспешность рассказа, мы вдруг в финале понимаем, что старухи с ним уже нет:

«Но и после смерти она продолжала с ним разговаривать, кричала и устраивала сцены.

...Дядя Коля кинул взгляд на рундук со скомканным на нем ватным одеялом.

– Все спишь, соня, – печально улыбнулся он.

Рундук находился с южной стороны, ближе к печке – самое теплое место в вагончике» [2, 42].

В рассказе Александра Морева «Собаки» старика и старуху, как чеховского Фирса в заколоченном доме, забывают в заваленной циклоном опустевшей деревне:

«А в Тесемки грейдер почему-то не пошел, то ли горючка на исходе была, то ли тракторист запамятовал, развернулся и назад в город погреб. ...Видно, непосильная проблема оказалась, нерешаемая, за неделю грейдер так никто и не прислал» [5, 17].

У старика и старухи детей не было, старуха всю заботу тратила на старика, но хватало еще и на всех собак обезлюдевшей деревни. Искусству передавать психологию животных автор тоже у Чехова учиться:

«Уже сквозь дрему дед слышал, как вернулась бабка и как прилегла с ним рядом. Она все охала и причитала, корила себя за то, что она здесь в тепле, а собаки на стуже. За то, что комбикорма нет, и то, что дед ее шалопай... Потом он окончательно заснул. Проснулся он от воя, пронзительного и скорбного. Ему показалось это странным, никогда он не слышал, чтобы так гудел ветер. И только потом сообразил – собаки. Дед толкнул бабку локтем» [5, 19].

Оказалось, находясь на улице, собаки уже почувствовали смерть бабки. Они смотрели в окно, скребли дверь, рвались в дом.

«В доме и бабку нашли, по обряду уложенную. Смотреть на нее было страшно. Но целехонькая. Собаками не тронутая. Скинули шапки. Вздохнули, оглянулись: бабка усопшая, собаки бездыханные, дед мертвый – мертвая деревня» [5, 22].

Наше время – засилие материального в социуме. Тем дороже желание наших молодых осмыслить материальность мира через духовную ипостась (рассказ Анны Сафоновой «Единственное число», цикл рассказов Ольги Олоу «Костюмерная», рассказ Александра Морева «Французская булка и пакет молока», рассказ Дмитрия Пшекарского «Золотая ложка»).

Общую идейную тенденцию их произведений можно соотнести с рассказом Чехова «Крыжовник».

Это **четвертая** из наблюдаемых нами чеховских традиций в сахалинской прозе – приоритет духа над материей.

Если вспомнить, что современники Чехова часто предпочитали ему других, более модных в то время писателей, можно надеяться, что и наша сегодняшняя сахалинская литература будет по-настоящему востребована – и не только потому, что читатель «дорастет», но и потому, что те, кто должен об этом заботиться, будут активнее помогать читателям и авторам встретиться.

Литература

1. Брусника с кока-колой. Молодая проза Сахалина. – Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2003.
2. На берегах высоких. Стихи и проза участников литературного объединения «Лири». – Южно-Сахалинск : изд-во «Лукоморье», 2006.
3. Писатели Сахалина. Литературный путеводитель. – Южно-Сахалинск, 2007.
4. Сахалин-2000–2001. Литературно-художественный сборник. – Южно-Сахалинск, 2001.
5. Сахалин-2003–2004. Литературно-художественный сборник. – Южно-Сахалинск, 2004.

РАССКАЗЫ А. П. ЧЕХОВА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Литературная деятельность А. П. Чехова была чрезвычайно разносторонней и многогранной. Его творчество «принимало различные формы в зависимости от материала, тематики и целей, какие ставил перед собой» писатель¹.

В историю детской литературы А. П. Чехов вошел в 80-е годы XIX века. Однако детским писателем себя никогда не считал, выражал скептическое отношение к своей деятельности в этой области. Об этом свидетельствует письмо к Г. И. Россолимо от 21 января 1900 года, в котором А. П. Чехов отмечал: «...так называемой детской литературы не люблю и не признаю. Детям надо давать только то, что годится для взрослых. <...> Надо не писать для детей, а уметь выбирать из того, что уже написано для взрослых, т. е. из настоящих художественных произведений...» (П., 9, 19)².

Собственно для детей А. П. Чехов предназначал только два своих творения: «Каштанка» и «Белолобый». Это подтверждают строки из письма к издателю Г. И. Россолимо, просившему писателя выслать для публикации в сборнике его детские рассказы. «То, что у меня, по-видимому, подходит для детей, – две сказки из собачьей жизни, посылаю вам заказной бандеролью. А больше у меня, кажется, нет ничего в этом роде...» (П., 9, 19).

Подобное определение жанра вышеназванных рассказов не случайно. А. П. Чехов прекрасно разбирался в литературных приоритетах подрастающего поколения и, конечно, знал, что любимым жанром детей является сказка, привлекающая юных читателей занимательным сюжетом и чудесными приключениями героев. Присущ этим рассказам и элемент таинственности, также характерный для многих сказок.

Сюжет «Каштанки» был подсказан А. П. Чехову В. Л. Дуровым. В его основу легли подлинные события из цирковой жизни известного дрессировщика и подобранной им собачонки.

Основными персонажами рассказа являются как домашние животные, так и люди. Создавая образы своих героев, А. П. Чехов «изумляет портретным мастерством, умением художественно-выразительно-

¹ Голубков, В. В. Рассказы А. П. Чехова о детях / В. В. Голубков // Творчество А. П. Чехова. – М., 1956. – С. 185.

² Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов. – М. : Наука, 1974–1983. (Здесь и далее все цитаты из произведений и писем А. П. Чехова даны по этому изданию с указанием тома и страницы в скобках, сочинения помечены буквой «С», письма – буквой «П».)

ми штрихами нарисовать внешний и внутренний облик человека и животного»³. Так, перед нами проходят: умная, впечатлительная Каштанка – «молодая рыжая собака – помесь такса с дворняжкой, – очень похожая мордой на лисицу...» (С., 6, 430); белый флегматичный кот Федор Тимофеич, которого «ничто не интересовало, ко всему он относился вяло и небрежно, все презирал и даже, поедая свой вкусный обед, брезгливо фыркал» (С., 6, 439); «умный гусь» Иван Иванович, восхищающийся «своею речью»; «черная, очень некрасивая свинья» Хавронья Ивановна, «...в голосе и дрожании хвостика которой чувствовалось много добродушия» (С., 6, 437).

Интересны также характеристики людей. Например, для раскрытия облика клоуна А. П. Чехов использует метод «разбросанной» композиции образа, позволяющий читателю накапливать в своем представлении одну черту за другой и связывать их с определенными событиями, в которых они проявляются. Сначала автор изображает его внешний вид. Так, мы видим «коротенького и толстого человечка с бритым, пухлым лицом, в цилиндре и шубе нараспашку» (С., 6, 432). В процессе дальнейшего изложения событий писатель знакомит читателя с особенностями характера клоуна – человека доброго, трудолюбивого, жизнерадостного.

С юмором, но с глубокой симпатией А. П. Чехов изображает Луку Александрыча. Образ столяра писатель раскрывает через воспоминания Каштанки, а также с помощью отдельных ярких деталей его повседневного быта. Например, длинными зимними вечерами он «строгал или читал вслух газету» (С., 6, 434), отправляясь к заказчикам, «взял под мышку какую-то деревянную штуку, завернутую в красный платок...» (С., 6, 430), но «заказчики жили ужасно далеко, так что, прежде чем дойти до каждого из них, столяр должен был по нескольку раз заходить в трактир и подкрепляться» (С., 6, 430). Несмотря на свою привязанность к алкоголю, в целом Лука Александрыч – положительный, добродушный человек, труженик, глубоко преданный своему делу. Это хорошо видно из обращения столяра к собаке, в котором явно ощущается гордость своей профессией: «Ты, Каштанка, насекомое существо и больше ничего. Супротив человека ты все равно, что плотник супротив столяра» (С., 6, 431).

А. П. Чехов придавал большое значение эмоциональной стороне литературных произведений для детей. В связи с этим характеры своих персонажей, их душевное состояние писатель раскрывает в конкретных жизненных обстоятельствах, чередуя светлые и радостные с весьма драматичными. Очень ярким в этом отношении является эпизод из главы «Беспокойная ночь», повествующий о болезни и смерти гуся. В эту трагическую ночь Каштанке приснились два страшных «собачьих»

³ Громов, Л. Чехов и детская литература / Л. Громов. – Режим доступа свободный : <http://www.anton-chehov.info/leonid-gromov-chehov-i-detskaya-literatura.html>

сна, она постоянно чувствовала присутствие кого-то чужого, которого нельзя было увидеть, ее душу раздирала тоска, «было... грустно и хотелось плакать <...> Она начала скулить тихо, тонким голоском: ску-ску-ску...» (С., 6, 444). Даже Федор Тимофеич, редко покидавший свой матрасик, «в первый раз за все время знакомства подошел к Каштанке <...> Никогда раньше старый кот не был так угрюм и мрачен, как теперь» (С., 6, 443). Изображая тяжелые переживания собаки и кота, А. П. Чехов достигает большого эмоционального накала. В обращении клоуна к гусю звучат теплые, интимно-лирические интонации: «Бедный Иван Иваныч! – говорил хозяин, печально вздыхая. – ...Милое животное, хороший мой товарищ, тебя уж нет! Как же я теперь буду обходиться без тебя?» (С., 6, 443). В этом эпизоде А. П. Чехов доказывает юным читателям, что животные так же, как и люди, способны испытывать тяжелое чувство утраты.

Необходимо отметить, что для изображения животных писатель использует прием антропоморфизма, с помощью которого он очеловечивает, персонифицирует своих героев, тем самым подчеркивает их духовную общность с людьми. Помимо этого, данный прием помогает А. П. Чехову оформить ряд своих наблюдений над психикой и поведением «братьев наших меньших».

Очень интересны в этом отношении описания психофизиологических признаков, присущих Каштанке. Для характеристики психологического состояния собаки А. П. Чехов использует разные формы изображения. Иногда оно раскрывается путем размышлений самого животного, что свидетельствует о способности Каштанки мыслить логически. Так, очутившись в квартире клоуна, собака рассуждает о том, «где лучше – у незнакомца или у столяра? <...> У незнакомца комната кажется пустою; у столяра же квартира битком набита вещами... У незнакомца не пахнет ничем, у столяра же великолепно пахнет клеем, лаком и стружками... Зато у незнакомца есть одно очень важное преимущество: он дает много есть, и, надо отдать ему полную справедливость, он ни разу не ударил ее» (С., 6, 433). Передает А. П. Чехов эмоциональное состояние животного и путем авторской интерпретации. Показательна в этом отношении сцена, в которой детально описано, как потерявшей Каштанкой овладевает чувство дикого страха. «Когда она опомнилась, музыка уже не играла... Она перебежала дорогу к тому месту, где оставила хозяина, но – увы! – столяра там уже не было. Она бросилась вперед, потом назад, еще раз перебежала дорогу, но столяр точно сквозь землю провалился <...> Когда стало совсем темно, Каштанкою овладели отчаяние и ужас. Она прижалась к какому-то подъезду и стала горько плакать» (С., 6, 431–432).

Но самой важной особенностью характера Каштанки является ее привычка к прежним хозяевам, хотя бы и мучающим ее. Поэтому, находясь в хороших условиях в доме клоуна, собака все же время от времени

мысленно возвращается к другой обстановке: «...в воображении ее появлялись какие-то две неясные фигуры... с физиономиями симпатичными, милыми...; при появлении их Тетка виляла хвостом и ей казалось, что она их любила... Засыпая, она всякий раз чувствовала, что от этих фигур пахнет клеем, стружками и лаком» (С., 6, 439–440). Именно эти особенности психики Каштанки объясняют смысл знаменательного конца рассказа: побег собаки с цирковой арены к столяру и его сыну Федюшке.

Появившись в печати, «Каштанка» сразу завоевала признание маленьких читателей. По этому поводу А. П. Чехов написал брату Михаилу: «Детишки не отрывают от меня глаз и ждут что-нибудь необыкновенно умное. По их мнению, я гениален, так как написал повесть о Каштанке» (П., 2, 213).

Через восемь лет после создания «Каштанки» А. П. Чехов пишет рассказ «Белолобый». Это первое и единственное произведение писателя, специально созданное для детей и напечатанное в детском журнале.

В основу сюжета «Белолобого» положен рассказ о приключениях щенка, случайно оказавшегося в логове волчихи. Был у главного героя и реальный прототип. «У брата во дворе жили три дворовые собаки... и между ними среднего роста пес – Белолобый. Последнего брат обесмертил в своем коротеньком рассказе “Белолобый”» (С., 9, 468), – писал в своих воспоминаниях А. Чехов.

В этом произведении так же, как и в «Каштанке», для оживления повествования и конкретизации психологической характеристики животных А. П. Чехов использует прием антропоморфизма. Например, волчиха «была уже не молода, слабого здоровья, мнительная» (С., 9, 100). Она изображена как очень заботливая мать, которая, уходя на охоту, облизывала своих детенышей и «все время думала о том, как бы дома без нее кто не обидел волчат» (С., 9, 100). Особо А. П. Чехов подчеркивает, что волчиха способна к логическим умозаключениям: она «помнила, что летом и осенью около зимовья паслись баран и две ярки... <...> И теперь, подходя к зимовью, она соображала, что в хлеву должны быть ягнята» (С., 9, 102). Весьма интересно происходит знакомство с центральным персонажем. А. П. Чехов преднамеренно интригует читателя, рисует портрет щенка не сразу, а постепенно. Ночью волчиха забирается в хлев и ворует, как ей кажется, ягненок. И только на рассвете обнаруживает, что ее добычей стал «щенок, черный, с большой головой и на высоких ногах, крупной породы... Судя по манерам, это был невежа, простой дворняжка...» (С., 9, 102–103). Окончательно его внешний облик раскрывается писателем позже, в полдень, и тогда читателю становится понятен смысл названия рассказа. «Белый лоб у него был., а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак; глаза были маленькие, голубые, тусклые, а выражение всей морды чрезвычайно глупое» (С., 9, 103–104).

События в рассказе развиваются очень увлекательно и динамично. Учитывая особенности детского восприятия, А. П. Чехов начинает по-

вестование сразу, без каких-либо вводных описаний и лирических отступлений. Животные показаны в весьма занимательных ситуациях. Центральное место в рассказе, несомненно, занимает веселая сцена, повествующая о знакомстве и игре волчат с Белолобым. «Подойдя к волчатам, он протянул вперед широкие лапы, положил на них морду... Волчата... замахали хвостами. Тогда щенок ударил лапой одного волчонка по большой голове. Волчонок тоже ударил его лапой по голове. Щенок стал к нему боком и посмотрел на него искоса..., потом вдруг рванулся с места и сделал несколько кругов по насту. Волчата погнались за ним, он упал на спину и задрал вверх ноги, а они втроем напали на него и, визжа от восторга, стали кусать его, но не больно, в шутку» (С., 9, 104). Как видим, весь эпизод проникнут жизнерадостным настроением, добродушным юмором, в то же время имеет познавательное значение: знакомит детей с особенностями поведения и повадок молодых животных.

Рассказы «Каштанка» и «Белолобый» представляют собой классические образцы приключенческого жанра о животных, воспитывающие в детях интерес и любовь к ним, демонстрирующие ценность таких чувств, как преданность, привязанность и т. д. Они насыщены эстетическим содержанием и совершенно лишены навязчивого дидактизма. Не случайно А. П. Чехов сделал главными героями своих детских рассказов собак. Писатель придавал большое значение роли домашних животных в воспитании и жизни молодого поколения.

ЖУРНАЛИСТСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ А. П. ЧЕХОВА ПЕРИОДА ПОЕЗДКИ НА САХАЛИН

Творческая деятельность А. П. Чехова периода поездки по заданию редактора «Нового времени» А. С. Суворина на Сахалин представляет несомненный интерес. Свидетельством активности Чехова-журналиста является большое число журналов, в которых он принимал участие в качестве автора или редактора. Это «Северный вестник», «Космополис», «Жизнь», «Журнал для всех», «Детское чтение» и некоторые другие издания. В журнале «Русская мысль» Чехов вел беллетристический отдел, где были опубликованы наряду с произведениями Лескова, Короленко, Горького и других ведущих писателей его собственные произведения («Палата № 6», «Остров Сахалин», «Дом с мезонином», «Чайка», «Дама с собачкой»). Оригинальные путевые очерки «Из Сибири» и «Остров Сахалин» вошли по праву в число лучших публицистических произведений последней четверти XIX века.

В 1886 г. Чехов становится сотрудником газеты «Новое время», издававшейся в Санкт-Петербурге А. С. Сувориным. Здесь Чеховым кроме рассказов напечатаны такие публицистические материалы, как статья о русском путешественнике Н. М. Пржевальском, путевые зарисовки «Из Сибири», некоторые другие материалы. Писатель организовал в газете «литературные субботники» и много способствовал внедрению в практику русской журналистики жанра небольшого рассказа-новеллы. Преуспевающий журналист-издатель А. С. Суворин сотрудничал в таких изданиях, как «Ваза», «Московский вестник», «Весельчак», «Русский дневник», «Русская речь», «Современник», «Ясная поляна», «Отечественные записки», «Русский инвалид», «Вестник Европы», «Биржевые ведомости».

С середины 1860-х до 1874 г. он был ведущим сотрудником газеты «Санкт-Петербургские ведомости». В 1876 г. А. С. Суворин вместе с В. И. Лихачевым приобрел газету «Новое время», которая благодаря, прежде всего, его усилиям быстро превращается в крупнейшую русскую газету консервативного направления, в которой печатались наиболее полные зарубежные новости, хроника внутренней жизни Российской империи, литературная, театральная и музыкальная критика, новости научной жизни, некрологи известных деятелей, криминальная хроника, объявления крупнейших компаний. Он стремился к увеличению круга своих читателей. Подписчиками этой газеты были представители петербургской бюрократии, офицерство, значительная часть интеллигенции. Постоянная критика военного руководства, администрации, широкая внутренняя и иностранная информация, острая постановка некоторых нравственных проблем в статьях Розанова, интересная бел-

летристика Чехова и другие материалы создавали несомненный успех изданию. Розничная продажа, реклама и интересные публикации способствовали росту тиража газеты.

После поездки на остров Сахалин в 1890 г. Чехов сотрудничает в журналах «Русская мысль», «Жизнь» и др. В «Русской мысли» он впервые опубликовал свое произведение «Остров Сахалин». Это произведение вышло вскоре в виде отдельной книги и вошло в золотой фонд русской публицистики.

На страницах «Острова Сахалин» Чехов постоянно обращается к газетам и журналам для получения информации, оценивает их роль в общественном развитии страны. Например, в первой главе при описании прибрежной полосы и особенностей судовождения он упоминает о роли прессы в решении проблем: «Давно уже на очереди новое, возможно тщательное исследование берегов Татарии и Сахалина. Теперешние карты неудовлетворительны, что видно хотя бы из того, что суда, военные и коммерческие, часто садятся на мель и на камни, гораздо чаще, чем об этом пишут в газетах»¹. Заехав по пути из Николаевска в Хабаровку, он торопится почитать «последние» газеты, отмечая: «Газеты мартовские и апрельские, значит шли они сюда 2–2½ месяца»².

При подготовке к сахалинскому путешествию А. П. Чехов одной из первых прочитал книгу К. А. Скальковского «Русская торговля в Тихом океане: Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии»³. В дальнейшем он использует материалы во время описания залива Де-Кастри, для характеристики сахалинских углей и описания хода сельди. Этот выбор не случаен. К. А. Скальковский объехал почти весь земной шар и описал свои путешествия в статьях и книгах. В течение многих лет путешественник и страстный поклонник русского театра и балета сотрудничал с издававшейся А. С. Сувориным газетой «Новое время». Зимой и весной 1890 г. А. П. Чехов имел возможность пользоваться его обширной библиотекой, в которой были интересовавшие его книги по геологии, минералогии, гидрографии⁴.

¹ Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Т. 1 : Чехов А. П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). – Владивосток–Южно-Сахалинск : изд-во «Рубеж», 2010. – С. 20.

² Чехов, А. П. Письмо Чеховым. 1 июля 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 4 : Письма. – М., 1976. – С. 130.

³ Скальковский, К. А. Русская торговля в Тихом океане: Экономическое исследование русской торговли и мореходства в Приморской области, Восточной Сибири, Корее, Китае, Японии и Калифорнии. – СПб., 1883.

⁴ Чехов, А. П. Письмо Чеховым. 1 июля 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 4 : Письма. – М., 1976. – С. 23–25, 57–60, 389–390.

О бурях в Татарском проливе А. П. Чехов мог прочитать на страницах журнала «Морской сборник»⁵, который он просмотрел, начиная с 1852 г. Несомненно, его внимание привлекла статья И. Шпиндлера «Пути тайфунов в Китайском и Японском морях» с описанием семнадцати ураганов. Один из описанных в статье И. Шпиндлера тайфунов в сентябре 1861 г., пройдя через Шанхай, Нагасаки, Хакодаке и Корею, «достиг Сахалина на третьи сутки после прохода мимо Шанхая»⁶. 9 сентября этот тайфун выбросил на берег около поста Дуэ российский клипер «Гайдамак»⁷. В тексте, описывая берег Татарского пролива, Чехов упоминает еще об одном выброшенном судне: «Гавани здесь нет и берега опасны, о чем внушительно свидетельствует шведский пароход “Atlas”, потерпевший крушение незадолго до моего приезда и лежащий теперь на берегу»⁸.

Интересно, что встречи с журналистами во время подготовки к путешествию позволили Чехову впоследствии включить в текст различные истории, поразившие его и оставившие след в памяти. Так, журналист и литературный критик М. О. Меньшиков, читая чеховский «Сахалин», сразу же узнал в «морском офицере г. Б.» своего «товарища и друга Капитона Богданова». Об этом он и сообщил А. П. Чехову в письме⁹.

О русском морском офицере К. В. Богданове известно, что он служил на Черноморском флоте, в 1882 г. вступил в Николаеве в революционный кружок, но избежал наказания, хотя многие были осуждены. В 90-е гг. он служил на Дальнем Востоке. О дальнейших событиях жизни офицера известно, что в феврале 1893 г. штабс-капитан К. В. Богданов назначен помощником начальника караула на острове Тюлений. В 1898 г. за незаконный вывоз с острова Тюлений крупных партий шкур морских котиков и контрабанду в Европе он был осужден Военно-морским судом во Владивостоке и приговорен к лишению всех

⁵ «Морской сборник» – ежемесячный русский военно-научный журнал. Основан в 1848 г. Издавался Морским ученым комитетом, а с 1867 г. – ученым отделом Морского технического комитета Морского министерства. Благодаря патронажу Великого князя Константина Николаевича был освобожден от цензуры. В журнале публиковались материалы об исследованиях различных частей Мирового океана.

⁶ Шпиндлер, И. Пути тайфунов в Китайском и Японском морях / И. Шпиндлер // Морской сборник. – № 4. – 1881.

⁷ Там же. – С. 73–75.

⁸ Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Т. 1 : Чехов А. П. Остров Сахалин (Из путевых заметок). – Владивосток–Южно-Сахалинск : изд-во «Рубеж», 2010. – С. 26.

⁹ Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания : статьи / сост., статьи, подготовка текстов и примечания А. С. Мелковой. – М., 2005. – С. 69.

особых прав и преимуществ, чинов и наград, исключению из морской службы и ссылке в Архангельскую губернию¹⁰.

Чехов очень внимательно знакомился с материалами «Исторического вестника»¹¹, который был известен тем, что в популярной и занимательной форме знакомил читателей с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе. Не позднее февраля 1890 г. А. П. Чехов взял у А. С. Суворина десятый номер за 1882 г. и познакомился с опубликованной в нем статьей «Остров Сахалин» Я. Н. Бутковского¹². Начало второй главы явно написано под впечатлением от прочтения этой статьи. Достаточно сравнить тексты:

«Остров Сахалин» Я. Н. Бутковского «Остров Сахалин» А. П. Чехова

«На крайнем востоке России, против устья реки Амура, прикрывая на тысячеверстном протяжении приморский берег Сибири, лежит неисследованный малоизвестный остров Сахалин»¹³.

О Бутковском известно немало. Он в конце 60-х – начале 70-х гг. занимался «перевозкой морем грузов из Европы на Амур»¹⁴. В работе «О Сахалине и его значении» высоко оценивается значение угольных месторождений острова¹⁵, а также ставится вопрос об организации пароходства в Охотском море. В 1875 г. Я. Н. Бутковский выступил с проектом о создании акционерного общества «Сахалин» для разработки каменноугольных залежей на Сахалине. 30 июня 1875 г. решением правительства Я. Н. Бутковский получил право на эксплуатацию сахалинских угольных месторождений. Однако из-за отсутствия собственных финансовых средств он так и не смог приступить к работе на острове¹⁶.

Еще один материал, собранный С. В. Максимовым во время путешествия по Сибири, был также внимательно изучен А. П. Чеховым. Ори-

¹⁰ Самарин, И. А. «Г. Б., которого не было дома». Про Капитона Богданова, одного из героев книги А. П. Чехова «Остров Сахалин» // IX Чеховские чтения: А. П. Чехов и проблемы нравственного здоровья общества / И. А. Самарин. – Южно-Сахалинск, 2006. – С. 24–30.

¹¹ Исторический вестник – ежемесячный историко-литературный журнал, издававшийся А. С. Сувориным и С. Н. Шубинским в СПб. в 1880–1917 гг.

¹² Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 17 февраля 1890 / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 4: Письма. – М., 1976. – С. 21.

¹³ Бутковский, Я. Н. Остров Сахалин / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник. – 1882. – № 10. – С. 175.

¹⁴ Там же. – С. 181.

¹⁵ Бутковский, Я. Н. О Сахалине и его значении / Я. Н. Бутковский. – СПб., 1873.

¹⁶ Бутковский, Я. Н. Остров Сахалин / Я. Н. Бутковский // Исторический вестник. – 1882. – № 10. – С. 181–182.

гинальное исследование С. В. Максимова «Сибирь и каторга» произвело огромное впечатление на современников. Среди наиболее известных читателей книги были: Л. Н. Толстой, Н. А. Некрасов, А. Н. Островский, М. Е. Салтыков-Щедрин. А. П. Чехов имел возможность познакомиться с первым изданием «Сибири и каторги»¹⁷ в период подготовки к путешествию. Об этом свидетельствует его письмо А. С. Суворину, в котором он просит прислать ему книгу С. В. Максимова¹⁸. Весной 1891 г. эта книга уже находилась в чеховской библиотеке¹⁹.

Книге было суждено оказать существенное воздействие на А. П. Чехова в период его работы над своим «Островом Сахалином». Он не мог не оценить своеобразие жанра, структуры и содержания капитального труда С. В. Максимова. Ведь данная книга включала не только необходимые ему богатейшие материалы по истории русской каторги и ссылки, но и сведения по этнографии и фольклору Сибири, многочисленные личные наблюдения, яркие портреты и пейзажные зарисовки, обширный статистический материал. Идя вслед за С. В. Максимовым, А. П. Чехов пытается создать не менее своеобразный труд, основанный уже на сахалинских материалах и наблюдениях.

«Сибирь и каторга» С. В. Максимова состоит из трех частей. Часть первая «Несчастные» включает в себя предисловие, пять глав: 1. В дороге; 2. На каторге; 3. В бегах; 4. На пропитании; 5. На поселении; Часть вторая «Виноватые и обвиненные» включает одиннадцать глав: 1. Злодеи; 2. Убийцы; 3. Самоубийцы; 4. Бродяги и беглые; 5. Воры и мошенники; 6. Грабители и разбойники; 7. Поджигатели; 8. Преступники против веры; 9. Преступления против казны; 10. Преступники против семейных прав; 11. Общие выводы. Часть третья «Политические и государственные преступники» включает три главы: 1. Политические ссыльные; 2. Государственные преступники; 3. История каторги.

Содержание чеховской книги также можно разделить на три части. В первую часть входят дорожные впечатления и передвижение по острову. Вторая часть основная – «каторжная». Ее можно было бы на-

¹⁷ В 1862 г. Морское министерство издает первый том этой книги исключительно для служебного пользования. В 1868–1869 гг. отдельные главы книги «Сибирь и каторга» публикуются на страницах журналов «Вестник Европы» и «Отечественные записки», а в 1871 г. свет увидело ее первое отдельное издание. При жизни С. В. Максимова его «Сибирь и каторга» выдержала еще два издания // См.: Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток–Южно-Сахалинск: изд-во «Рубеж», 2010. – С. 817–818.

¹⁸ Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 22 марта 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 4: Письма. – М., 1976. – С. 46–48.

¹⁹ Чехов, А. П. Письмо А. А. Долженко. 14 мая 1891 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 4: Письма. – М., 1976. – С. 229.

звать так же, как и у Максимова. Здесь портреты каторжан – Бродяга, Красивый, Золотая Ручка, Экс-палач Терский, Егор, Прикованные к тачкам. Третьей части, как у Максимова, у Чехова быть не может. Так как ему было запрещено генерал-губернатором Корфом встречаться с политкаторжанами. Антон Павлович усложняет замысел «путевых заметок» и в третьей части проводит серьезное исследование различных групп населения, использования земель, наличия детей и условий заключения браков, видов сельскохозяйственной деятельности и т. п. Как врач он не может не описать медицинского обслуживания. На страницах книги «Остров Сахалин» нашла отражение история Ольги Васильевны Геймбрук. (см.: Семанова; 1978. С. 836). Вероятнее всего, А. П. Чехов был знаком с делом О. В. Геймбрук по материалам судебной хроники, опубликованным в суворинской газете «Новое время» в феврале 1889 г. Кроме того, с баронессой Геймбрук он встретился на каторге и узнал, что ее материальное положение было не из легких: она задолжала за квартиру более 200 рублей и снесла в залог многие вещи. Говорила некоторым, что ей приходится помогать отставному майору Златогорскому, бывшему с ней в интимных отношениях, которого она называла своим женихом. У нее был ребенок от связи с Златогорским. Баронесса была влюблена в майора и находилась под его влиянием. Она с Златогорским решила поджечь свое имущество с целью получить страховую премию. И верила, что, получив деньги, Златогорский разведется с женою, прогонит любовницу и женится на ней. Геймбрук не знала, что Златогорский желает только выманить у нее деньги, а потом обмануть.

Из материалов судебной хроники Чехов узнал о том, что присяжные заседатели признали виновными, но заслуживающими снисхождения: Геймбрук – в покушении на поджог, а Златогорского – в подстрекательстве к этому преступлению. Окружной суд приговорил осужденных к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжные работы: Геймбрук – на пять, Златогорского – на шесть лет. О встрече с ней на каторге А. П. Чехов упомянул в своем письме А. С. Суворину: «...у бывшей баронессы Гембрук я сидел в кухне»²⁰.

В фонде А. П. Чехова отдела рукописей Российской государственной библиотеки хранится письмо Ольги Петровны Геймбрук, матери осужденной баронессы, от 11 марта 1894 г.:

«Милостивый государь Антон Павлович!

Прошло более двух лет, как единственная дочь моя бывшая баронесса Ольга Васильевна Геймбрук, ныне каторжная, писала, как Вы в бытность свою на Сахалине приняли в ней участие, пристыдили генерала за дурное с ней обращение, как после этого все начальство стало лучше

²⁰ Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 11 сентября 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 4: Письма. – М., 1976. – С. 133–134.

к ней обходиться. Благодарю Вас добрейшей человек, молюсь за Вас заступник несчастных!»²¹.

В 90-е гг. появления произведений А. П. Чехова читатели ждали с нетерпением. С 1878 г. редактор-издатель «Недели»²² П. А. Гайдебуров приступил к изданию в виде приложения к своей газете еженедельного литературного «Журнала романов и повестей». При этом подписная цена на газету не изменилась, что позволило существенно увеличить число подписчиков. В 1884 г. приложение было переименовано в «Книжки Недели». Начиная с 1891 г. кроме романов и повестей печатаются путевые очерки, биографии и критические статьи. В отделе «Литературная смесь» помещались отзывы о новых художественных произведениях. Среди авторов «Книжек Недели» были: Л. Н. Толстой, М. Е. Салтыков-Щедрин, Н. С. Лесков, А. Н. Майков, Я. П. Полонский, Г. И. Успенский, В. С. Соловьев и др. Сотрудничал с издателями «Недели» и А. П. Чехов. Так, в июльском номере «Книжек Недели» за 1892 г. был опубликован его рассказ «Соседи», в январском за 1899 г. – рассказ «По делам службы».

Начиная с 1888 г. как в «Неделе», так и в приложении к ней постоянно публикуются отзывы на произведения А. П. Чехова. Восторженным почитателем А. П. Чехова был ведущий сотрудник «Недели» Михаил Осипович Меньшиков. 17 сентября 1895 г. в «Неделе» была опубликована заметка М. О. Меньшикова, посвященная выходу в свет книги А. П. Чехова «Остров Сахалин». О чеховском «Сахалине» М. О. Меньшиков пишет в статьях «О лжи и правде»²³ и «Прогресс и предание»²⁴.

Не позднее 1890 г. А. П. Чехов становится постоянным читателем «Книжек Недели». Отечественные литературоведы Л. Д. Опульская²⁵ в примечаниях к письму А. П. Чехова к А. С. Суворину от 17 декабря 1890 г. и М. Л. Семанова²⁶ в комментариях к книге «Остров Сахалин» отмечают, что в первую ночь, проведенную в посту Корсаковском, А. П. Чехов читал майскую и июньскую «Книжки Недели» за 1890 г. Здесь под названием «В 2000-м году» был напечатан русский перевод утопического романа американского писателя и политического мыслителя Эдварда Беллами (Edward Bellamy) «Looking backward. 2000–1887». Данное пред-

²¹ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки. – Ф. 331. – К. 40. – Ед. хр. 18. – Л. 1–2.

²² «Неделя» – еженедельная литературно-политическая газета, издававшаяся в Петербурге в 1866–1901 гг.

²³ Книжки Недели. – 1895. – № 10.

²⁴ Книжки Недели. – 1896. – № 1.

²⁵ Опульская, Л. Д. Примечания к письму А. С. Суворину. 17 декабря 1890 г. / Л. Д. Опульская // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. – Т. 4 : Письма. – М., 1976. – С. 430.

²⁶ Семанова, М. Л. Примечания / М. Л. Семанова // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Сочинения. – Т. 14–15. – М., 1978. – С. 846.

положение основано на тексте письма А. П. Чехова А. С. Суворину от 17 декабря 1890 г.: «Содержание рассказа Беллами мне рассказывал на Сахалине генерал Кононович; частицу этого рассказа я прочел, ночуя где-то в Южном Сахалине. Теперь, когда приеду в Питер, прочту его целиком»²⁷.

В период работы А. П. Чехова над своим «Сахалином» он прочитал в августовской и сентябрьской «Книжках Недели» публикацию путевых заметок А. Н. Краснова «На острове изгнания»²⁸.

Подробности о нападении беглых ссыльнокаторжных на Крильонский маяк А. П. Чехов мог узнать, просматривая комплекты газеты «Владивосток» за 1885 и 1886 гг. в библиотеке Общества изучения Амурского края во время своего кратковременного пребывания в административном центре Приморской области.

Так, 28 июля 1885 г. газета «Владивосток» в корреспонденции «Корсаковский пост на Южном Сахалине» сообщала: «На Крильоне пропал матрос с быком и коровой... Партии каторжных ходят на работу за 12 верст с надзирателем, вооруженным бляхой и тросточкой!?. В мае еще просили выдать надзирателям ружья из команды, но еще до сих пор не дали»²⁹.

22 сентября 1885 г. публикуется новая корреспонденция «Владивостока» с Южного Сахалина: «Найден между скалами труп матроса, пропавшего без вести с Крильонского маяка около 2 месяцев тому назад. Предполагают, что он или нечаянно свалился туда или же прибег к самоубийству, потому что, судя по расспросам, у него случались припадки меланхолии; впрочем, нет данных отрицать и возможности, что его столкнули каторжные, бродившие в числе нескольких десятков около маяка. Труп уже совершенно разложился; голова у него разбита; других же знаков не заметно. Матрос исчез с маяка вечером, во время тумана, когда его смотритель послал разыскивать корову... Недавно бежало еще 14 человек ссыльнокаторжных; за ними отправлены солдаты на поимки. Из числа бежавших прежде 40 человек почти все перебиты или переловлены; часть впрочем, вернулась сама»³⁰.

27 октября 1885 г. «Владивосток» публикует «письмо в редакцию», автор которого обстоятельно рассказывает читателю о бесчинствах, творимых на Сахалине беглыми: «Под удручающим впечатлением, про-

²⁷ Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 17 декабря 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 4 : Письма. – М., 1976. – С. 146–147.

²⁸ Краснов, А. Н. На острове изгнания (Из поездки по островам далекого Востока) / А. Н. Краснов // Книжки Недели. – 1893. – № 8–9.

²⁹ Корсаковский пост на Южном Сахалине // Владивосток. – 1885. – 28 июля. – № 30. – С. 9.

³⁰ Корсаковский пост на Южном Сахалине // Владивосток. – 1885. – 22 сентября. – № 38. – С. 7.

изводимым массою зверских убийств, совершаемых бродягами арестантами Корсаковской тюрьмы, жизнь на Сахалине становится положительно невозможною. Живешь так, что ложась спать перестаешь рассчитывать – встанешь ли завтра целым или же будет разрублена топором голова. Начиная с конца августа, положение становится день ото дня хуже; бродяги шляются целыми шайками, навели своими убийствами ужас на весь округ; о кражах уже нечего и говорить, потому, что они стали обыденным явлением.

Летом 1885 г. одна из таких шаяк высадилась на мыс Крильон, обворовала маяк, и, нужно полагать, она же убила матроса, искавшего смотрительскую корову, сбросив его со скалы в пропасть, в виду маяка, чтобы он не мог заявить остальным о виденных беглых.

Некоторое время спустя шайка беглых каторжников вновь оказалась на полуострове Крильон, встретив здесь, верстах в 20 от маяка, старшего надзирателя Канабеева, посланного с тремя каторжными за быками, купленными от смотрителя маяка. Они заявили, что идут на маяк “сдаваться”. Канабеев велел им идти с собою в Корсаковский пост, заявив, что иначе он их свяжет.

Беглые дорогою жаловались, что они несколько суток не ели, и на ночлег Канабеев дал им мяса и галет на ужин. На другой день, пройдя верст 30, все остановились на второй ночлег, около ручья, на берегу моря. Канабеев распорядился привязать быков, принести воды для варки ужина и насобирать дров; сам же он начал разводить огонь, вместе с более благонадежным ссыльным Огневым, которому он доверил нести двуствольное ружье, топор и саквояж. Тот, сняв с себя ношу, положил ее тут же; один из беглых, воспользовавшись этим и взяв топор, пошел как бы нарубить дров и принес действительно две чурки, но, вслед за тем, подойдя сзади, хватил топором надзирателя, а вторым ударом положил и Огнева. Остальные ссыльные погонщики быков бросились в лес, но беглые каторжники уверили их, что не тронут, и те воротились. Канабеев и Огнев еще храпели; поэтому им было нанесено вновь по несколько ударов топором, пока их окончательно не добились.

Убийцы, переночевав, отправились к вельботу, на котором приехал Канабеев. Здесь они зарезали одного быка, хорошенько все наелись, и улеглись спать. Ночью один из погонщиков убежал по направлению к Корсаковскому посту, а другой, именем Христа, тоже отпросился идти туда, и каторжные, рассудив, что их все равно бежавший запутает, отпустили и его с уцелевшим быком. Оба погонщика явились к властям и известили о прискорбном происшествии, на место которого отправились следователь и врач с печальными вестниками, закованными в кандалы. 12-го октября, т. е. спустя десять дней, один каторжный из партии явился на рыбалку к надзирателю; двое других были изловлены на Крильоне с ружьями и вещами, принадлежащими убитому ими Канабееву. Четвертый же преступник еще не пойман и, как нужно полагать, убит свои-

ми товарищами, чтобы скрыть все и свалить на одного все совершенные сообщения тяжкие преступления»³¹.

И, наконец, в номере газеты «Владивосток» за 16 ноября 1886 г. А. П. Чехов имел возможность узнать о том, как были наказаны убийцы Канабеева:

«27 сентября в п. Корсаковском была совершена казнь над преступниками по делу об убийстве 3 октября 1885 г. беглыми близ Крыльона, старшего надзирателя дворянина Канабеева и сс. каторжного Огнева. Поздно вечером 26 сентября с экстренной почтой, от начальника острова был прислан приказ, в коем сообщалась конфирмация г. генерал-губернатора Приамурского края, что ссыльнокаторжные Овсов, Поспелов, Соловьев и Зайцев, за убийство поименованных лиц, приговорены: Овсов – к смертной казни через повешение, а соучастники его Поспелов, Соловьев и Зайцев – к наказанию плетью по сто ударов каждому. В приказе, между прочим, было сказано: по получении конфирмации, приступить к исполнению на другой день в шесть часов утра.

Пред наступлением рокового часа мы вошли внутрь тюремного двора, где перед виселицей с одной стороны выстроились войска, по другую же помещались арестанты из кандалного отделения, в числе 50 чел. Камеры с прочими арестантами были на замках. Под самой виселицей, в ожидании жертвы, прохаживался, подбоченясь, заплочный мастер. Ровно в 6 часов, в сопровождении конвоя, и во главе священника, из гауптвахты вывели четырех преступников, из коих Овсов казался живым мертвецом. Поставив всех под виселицей, комендант приказал скомандовать начальнику отряда «на караул», а военный прокурор зычным голосом прочел приговор. Затем священник дал Овсову поцеловать крест и предложил ему проститься с сим миром и братиею; но преступник обратился только к своим товарищам по ремеслу – к кандалникам: «простите, братцы, в чем я пред вами виноват» и под дробь барабана палач одел саван и вздернул... Преступника Овсова выдержали на виселице 25 минут, после чего не было уже сомнения в его смерти. После этого тело Овсова вывезли со двора, а соучастников последнего Поспелова, Соловьева и Зайцева приняли в плети. Двое кое-как наказание выдержали, но Соловьеву, чтобы не убить насмерть, давали нюхать нашатырный спирт и эфир, а затем отдыхать четыре раза; причем палач прибегал к следующей остроте: «будь жив, голубчик, не много осталось, быть может выдержишь»; засим ревел: «поддержись!.. Вообще последний выполнял свое дело усердно. Наказанных плетью преступников, по выздоровлении, пришлось однако заковать в кандалы по делу «тунайчинскому». По всей вероятности их повесят, так как в числе других, говорят, и они сотрудились в резне одиннадцати айнов в айнском се-

³¹ Южный Сахалин (Письмо в редакцию) // Владивосток. – 1885. – 27 октября. – № 43. – С. 7–8.

лении Тунайча»³². 11 октября 1890 г. А. П. Чехов написал А. С. Суворину: «Присутствовал при наказании плетью, после чего ночи три-четыре мне снился палач и отвратительная кобыла»³³.

Дружба с А. С. Сувориным не помешала быстрому охлаждению отношений между А. П. Чеховым и «Новым временем» во второй половине 90-х гг. Особенно заметно это стало во время дела Альфреда Дрейфуса, когда А. П. Чехов самым решительным образом выступал на стороне несправедливо осужденного французского офицера еврейского происхождения, а редакция «Нового времени» одну за другой публиковала статьи в поддержку французского генерального штаба.

«“Новое время” производит отвратительное впечатление, – писал А. П. Чехов 5 февраля 1899 г. своему брату Александру Павловичу. – Телеграмм из Парижа нельзя читать без омерзения. Это не телеграммы, а чистейший подлог и мошенничество... Это не газета, а зверинец, это стая голодных, кусающих друг друга за хвосты шакалов. Это черт знает что»³⁴.

Эти же мысли А. П. Чехов хотел донести и до А. С. Суворина: «Общество (не интеллигенция только, а вообще русское общество) в последние годы было враждебно настроено к “Нов<ому> времени”. Составилось убеждение, что “Новое время” получает субсидию от правительства и от французского генерального штаба. И “Нов<ое> время” делало все возможное, чтобы поддержать эту незаслуженную репутацию, и трудно было понять, для чего оно это делало, во имя какого бога... О Вас составилось такое мнение, будто Вы человек сильный у правительства, жестокий, неумолимый – и опять-таки “Новое время” делало все, чтобы возможно больше держалось в обществе такое предубеждение. Публика ставила “Новое время” рядом с другими несимпатичными изданиями, она роптала, негодовала, предубеждение росло, составлялись легенды – и снежный ком вырос в целую лавину, которая покатилась и будет катиться, все увеличиваясь»³⁵.

Таким образом, мы видим, что развитие периодической печати 80–90-х гг. годов сказалось на творчестве А. П. Чехова так же, как и его творчество сказалось на развитии журналистики в целом. Его работа в газетах и журналах не могла не оказать влияния на популярность многих изданий, тираж, изменение запросов читателей.

³² Пост Корсаковский на Сахалине // Владивосток. – 1886. – 16 ноября. – № 46. – С. 6.

³³ Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 11 сентября 1890 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: в 30 т. – Т. 4 : Письма. – М., 1976. – С. 133–134.

³⁴ Чехов, А. П. Письмо Ал. П. Чехову. 05 февраля 1899 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 8 : Письма. – М., 1980. – С. 76–77.

³⁵ Чехов, А. П. Письмо А. С. Суворину. 24 апреля 1899 г. / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. – Т. 8 : Письма. – М., 1980. – С. 155–157.

РУССКИЕ ПИСАТЕЛИ О ЛАНДСБЕРГЕ: ОТ ДОСТОЕВСКОГО ДО ДОРОШЕВИЧА

Гвардейский офицер элитного саперного батальона армии Александра II Карл Ландсберг (1853–1909) – один из знаменитых представителей Сахалинской каторги. О его преступлении в 1879 году сообщалось в российских газетах разного формата: от столичной до провинциальной периодики. Накануне свадьбы с Марией Тотлебен (1859–1905) молодой человек оказывается в затруднительной денежной ситуации, при желании выйти из которой совершает двойное убийство. Он жестоко расправляется со своим петербургским кредитором, надворным советником в отставке Егором Власовым и свидетельницей преступления, пожилой женщиной Александрой Семенидовой. Общее содержание и детали убийства словно взяты из художественной литературы.

Первая аналогия, которая возникает в связи с этой трагедией, это, конечно же, «Преступление и наказание» (1866) Федора Достоевского (1821–1881). Сценарий убийства из-за денег был повторен в реальной жизни через тринадцать лет после появления книги Достоевского. О шумном, неоднозначном и полемичном деле Ландсберга, лишенном всех прав состояния и получившим пятнадцать лет каторги в рудниках, упоминали в своем наследии многие русские писатели. Однако почти никто из литераторов не решился обстоятельно описать и воплотить в художественном или художественно-публицистическом формате это страшное преступление. Но круг авторов, которые знали и интересовались преступлением Ландсберга и, вероятно, могли бы использовать историю молодого человека для сюжетов своих книг, внушителен.

Прежде других, на преступление Ландсберга должен был обратить внимание Достоевский. И действительно, в письме к Елене Штакеншнейдер (1936–1897) от 15 июня 1879 года обнаруживаем такую цитату: «Читаю газеты и изумляюсь ежедневно все более и более. Подкопы в губерниях под банки, Ландсберги и проч. и проч. Ну вот опишите, например, Ландсберга, которого преступление считают столь невероятным, что приписывают его помешательству. Опишите – и закричат: невероятно, клевета, болезненное настроение и прочее и прочее. Болезнь и болезненное настроение лежат в корне самого нашего общества, и на того, кто сумеет это заметить и указать, – общее негодование»¹.

Эта выдержка из письма объясняет невозможность для писателя (а вместе с ним и для других авторов) воспроизвести историю Ландсберга

¹ Достоевский, Ф. М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Публицистика и письма / Ф. М. Достоевский. – Т. 13 : Письма 1878–1881. – Л., 1988. – С. 72.

в литературе. Преступление гвардейского офицера считали невероятным, потому и готовы были предписать молодому человеку умопомешательство или затмение рассудка. В противном случае следовало бы признать духовную болезнь всего общества, увидеть в каждом человеке ту или иную часть эмоциональных порывов Ландсберга, готового ради собственного благополучия пойти на насилие над другими людьми. Вероятно, что поэтому Достоевский и не взялся столь обстоятельно за историю о Ландсберге. К тому же концепция писателя об убийстве, возможном раскаянии преступника и возрождении к новой жизни уже были описаны в романе «Преступление и наказание». Примечательно, что в письме к Штакеншнейдер Достоевский упоминает о работе над шестой книгой романа «Братья Карамазовы» (1879–80), в четвертой части которого писатель упоминает о гвардейском офицере.

Прокурор Ипполит Кириллович, обвиняющий Дмитрия Карамазова в убийстве отца, в своей эмоционально насыщенной речи использует несколько случаев о разрушении основ нравственности у российской молодежи и, в частности, приводит следующую историю: «Молодой блестящий офицер высшего общества, едва начинающий свою жизнь и карьеру, подло, в тиши, безо всякого угрызения совести, зарезывает мелкого чиновника, отчасти бывшего своего благодетеля, и служанку его, чтобы похитить свой долговой документ, а вместе и остальные деньги чиновника: “пригодятся-де для великосветских моих удовольствий и для карьеры моей впереди”. Зарезав обоих, уходит, подложив обоим мертвецам под головы подушки»².

Ипполит Кириллович у Достоевского говорит о том, что подобные преступления хорошо известны русской публике, потому что афишируются газетами (в действительности, преступление Ландсберга освещалось российской периодикой достаточно полно). По причине того, что Россия уже неоднократно была сотрясаема жестокими убийствами, Ипполит Кириллович, как писал Достоевский, «искренно верил в виновность подсудимого; не на заказ, не по должности только обвинял его и, взывая к “отмщению”³, действительно сотрясался желанием “спасти общество”». Убежденность в том, что именно «молодой блестящий офицер» совершил убийство своего «благодетеля» (так называли Власова газетчики), побуждает Ипполита Кирилловича с большими основаниями требовать для Дмитрия Карамазова сурового наказания.

Отдельные цитаты из судебного выступления литературного персонажа Достоевского частично похожи на речь прокурора Петербургского окружного суда Николая Сабурова (1846–?), официального обвини-

² Достоевский, Ф. М. *Братья Карамазовы* / Ф. М. Достоевский // Достоевский, Ф. М. *Полное собрание сочинений в тридцати томах. Художественные произведения*. – Т. 15. – Л., 1988. – С. 123–124.

³ Там же. – С. 123.

теля Ландсберга. Вот как выглядит один фрагмент из напечатанного в июльских номерах газеты «Голос» 1979 г. выступления на суде прокурора: «...Ландсберг действует весьма осторожно. Он отыскивает ключ, запирает дверь, берет ключ с собой, а предварительно прикрывает трупы подушками. Он не мог нам объяснить, почему он положил на трупы подушки. Но я думаю, небезосновательно предположить, что это сделано с мыслью, что подушки могут всосать в себя обильно текущую кровь и помешать ей просочиться сквозь пол <...> кто же мог заподозрить его в этом страшном преступлении. Кто мог подумать, что блестящий гвардейский офицер способен совершить убийство для ограбления»⁴.

В своем обвинении Сабуров отмечает, что знакомые Ландсберга судят о преступнике только с внешней стороны (подчеркивая положительные качества подсудимого), не зная скрытых, толкающих на убийство сторонах характера молодого человека. Защитник Ландсберга Иосиф Войцеховский (член адвокатского сословия округа Санкт-Петербургской судебной палаты с 1870 года), напротив, делает акцент на дозволенность самим обществом жить молодым людям не по средствам, не по реальным возможностям, и это определяет роковую последовательность событий (в частности, убийство Семенидовой). В своей речи защитник сравнивает муки Ландсберга с «муками Макбета», героя одноименного произведения Уильяма Шекспира (1564–1616). Стремясь к чрезмерной власти, Макбет обагрят свои руки кровью и мучается преследуемый призраками убитых людей. Тем самым защитник условно проводит сопоставление Ландсберга с литературным персонажем.

Немногом позднее, чем это делает Достоевский, о нашумевшем деле гвардейского офицера эпизодически вспоминает в своем письме к матери от 12 июля 1879 года Всеволод Гаршин. «Сколько я не видел народа, – пишет знаменитый прозаик и очеркист, – а все возмущены делом Ландсберга. Все ждали казни. И нужно же было выкидывать штуки, выгонять его в отставку, только затем, чтобы не повесить»⁵. Писатель удерживает в своей памяти преступление Ландсберга, суд над которым состоялся довольно быстро – летом 1879 года, спустя несколько недель после убийства. Результаты наказания гвардейского офицера, судя по письмам Достоевского и Гаршина, живо обсуждались в первой половине июля 1879 года.

Отголоски такой полемики обнаруживаются и у Михаила Салтыкова-Щедрина (1826–1889) в книге очерков «Круглый год» (1889–1880). Примечательно, что в общем содержании этой работы автор нередко

⁴ Судебная хроника, Заседание Петербургского окружного суда, дело об отставном прапорщике лейб-гвардии саперного батальона Карла Христофоровича фон Ландсберга, обвиняемого в убийстве надворного советника Власова и мещанки Семенидовой. Продолжение // Голос. – 1879. – № 188.

⁵ Гаршин, В. М. Письма / В. М. Гаршин. – М., 1934. – С. 184.

не называет имевших широкий резонанс событий, но предполагает, что эти события могут быть угаданы читателем по разным деталям очеркового действия. Аналогичный прием использован и в части «Первое июня», где содержится детальный разбор личности Ландсберга через его карьерные устремления. «Не знаю почему, – пишет Салтыков-Щедрин, – но при встрече с ним (имеется в виду собеседник автора. – Отмечено мной. – Е. И.) мне вдруг вспомнился Ландсберг, которого имя в эту минуту занимало все умы и который тоже тщательно холил свою карьеру»⁶. Ключевым словом в определении того, что толкнуло Ландсберга на преступление становится слово «карьера» (под которым подразумевались и блестящий брачный союз, и собственно движение вверх по социальной лестнице).

В другом очерке «Круглого года» Салтыкова-Щедрина в «Первом августе» вновь возникает имя Ландсберга: «И в то время, как суд карает одного Ландсберга, литература прозревает мириады Ландсбергов, тем более опасных, что к ним невозможно применить ни одного из общепризнанных ярлыков, выработанных отверженною моралью»⁷. Писатель говорит о том, что вариантов убийства множество и каждое из них имеет свои чудовищные мотивы, вырабатываемые (оправдываемые) «моралью» преступника. В статье «Приличествующее объяснение», работа над которой велась одновременно с очерками из «Круглого года», Салтыков-Щедрин также называет имя Ландсберга, считая его (наряду с другими реально существовавшими лицами) типичным персонажем своего времени. «Червонные валеты, Юханцевы, Гулак-Артемовские, Ландсберги, – пишет Салтыков-Щедрин, – вот истинные герои современности, вот те, которым жилось хорошо, которым, по крайней мере, есть чем помянуть прошлое! Правда, что рука прокурора достала их, но разве она достигла каких-нибудь результатов, покарав их? Разве что-нибудь предупредила? Ведь не имена важны, а факты. Что породило эти факты?»⁸.

Достоевский, Гаршин и более других Салтыков-Щедрин занимают позицию обвинения, неприятия Ландсберга. Это совпадает с тем общественным мнением, которое было сформировано в период судебных и послесудебных дискуссий вокруг дальнейшей судьбы преступника. При этом Салтыков-Щедрин пытается вскрыть корни преступления Ландсберга и подобных ему людей.

Не менее интересные и более распространенные упоминания о Ландсберге обнаруживаются в «Острове Сахалин» (1895) Антона Чехова (1860–1904). Чехов, начавший знакомство с Сахалином летом 1890 года с Александровской слободки, в первые дни своего пребывания на

⁶ Салтыков-Щедрин, М. Е. Собр. соч. : в 20 т. / М. Е. Салтыков-Щедрин. – Т. 13. – М., 1972. – С. 469.

⁷ Там же. – С. 509.

⁸ Там же. – С. 628.

каторге волею случая оказывается в доме Ландсберга. В «Острове Сахалин» Ландсберг описан предельно лаконично и сдержанно. На то, видимо, были свои причины. Так, Чехов деликатно ограничивается только тем, что называет начальную букву фамилии Ландсберга, не желая лишний раз напоминать читателям о том, что, вероятно, и спустя годы, доставляло физические и эмоциональные страдания сахалинскому каторжнику. В кратком изложении основных тем второй главы «Острова Сахалин» есть эпизод с названием «Обед у г. Л.». Именно в этой части Чехов рассказывает о Ландсберге. Чехов не оставляет не единого намека читателям на то, как он сам относится к Ландсбергу. Это отчасти свидетельствует об определенной внутренней готовности Чехова к особому восприятию каторги и людей, попавших на нее. А ведь это только первые дни знакомства писателя с каторжным Сахалином! Впереди перед Чеховым открывались еще более страшные реалии современной и до некоторых моментов незнакомой ему жизни. Хотя, конечно же, эпизод знакомства с Ландсбергом Чехов описывал, уже увидев все тайные и явные стороны островной каторги. Повествовательный тон в этом фрагменте «Острова Сахалин» максимально сдержан. Чехов, избегая субъективных оценок, передает исключительно фактические детали встречи с Ландсбергом, его супругой Ольгой Дитяевой и гостями во время обеда. В других местах «Острова Сахалин» имеются разнообразные эпизодические ссылки на Ландсберга, но все они также носят беспристрастный характер.

О Ландсберге у Чехова находим упоминания и за пределами «Острова Сахалин»: в письмах, записных книжках, черновых набросках. Однако все эти упоминания не принимают развернутого вида. «У Ландсберга я обедал...»⁹, – пишет Чехов издателю Алексею Суворину (1834–1912) 11 сентября 1890 года с парохода «Байкал». Или в другом случае: «Спросить у Сабанеева “Ландсберг на охоте”. Быть может, тогда же на охоте, при виде зверских операций определилось уже будущее Ландсберга»¹⁰, – такая лаконичная запись обнаруживается в одной из записных книжек Чехова. Писатель, очевидно, полагал, что известный зоолог, редактор научных журналов Леонид Сабанеев (1844–1898) даст ему более или менее исчерпывающую информацию о природе охотничьих навыков в человеке (ведь охота заведомо построена на убийстве человеком живой части природы), о пристрастии к крови, насилию.

Эти примеры свидетельствуют о том, что Чехов, подобно Достоевскому, Гаршину и Салтыкову-Щедрину, держал в своей памяти образ Ландсберга и, вероятно, мог бы развернуть его в какой-то самостоятельный сюжет. При этом не исключено, что образ Ландсберга дал косвенную возможность реализации чеховского представления о фи-

⁹ Чехов, А. П. Собрание сочинений : в 12 т. / А. П. Чехов. – Т. 11. – М., 1963. – С. 463.

¹⁰ Там же. – Т. 10. – М., 1963. – С. 528.

зическом насилии, причинении смерти одним человеком другому. Это можно найти, например, в рассказе «Убийство» (1895), который был написан после возвращения Чехова с Сахалина. Чеховская концепция об убийстве имеет частный характер, писатель не относит убийство к массовому пороку всего общества.

Абсолютно в иной тональности описан Ландсберг Власом Дорошевичем (1865–1922). Дорошевич, оказавшись на Сахалинской каторге, разумеется, не мог не встретиться с Ландсбергом. На то его толкало свойственное газетчику желание удовлетворить любопытство читателей интригующими фактами и другого рода сенсациями. Кроме того, для Сахалина конца XIX века Ландсберг был в действительности знаменательной фигурой, знакомства с ним не мог избежать любой образованный человек, прибывший на Сахалин. В момент совершения Ландсбергом преступления Дорошевич был еще подростком. Быть может, поэтому, увидевшись с Ландсбергом в конце 1890-х годов, Дорошевич был менее других начитан о знаменитом процессе и в большей степени полагался на собственное внутреннее отношение к человеку, чем на тот типаж, который был когда-то сформирован российской периодикой.

Отчасти этим объясняется и то, что Дорошевич посвятил Ландсбергу несколько своих работ. Наиболее обстоятельный очерк «Ландсберг» входит во вторую часть книги Дорошевича «Сахалин (Каторга)» (1903). Пожалуй, Дорошевич был единственным литератором, который воспроизводит в своей книге полную историю преступления гвардейского офицера, рассказывает о жизни Ландсберга на каторге, предписывает бывшему гвардейскому офицеру разнообразные, подчас противоречивые качества.

В самом начале очерка автор настраивает читателя на позитивное восприятие прошедшего каторгу Ландсберга. «Все, – пишет Дорошевич, – что сделано на Сахалине дельного и путного в смысле дорог, устройства поселений, сделано – Ландсбергом. И бог весть, какая бы судьба постигла сахалинскую колонию, если бы в Петербурге не разыгралось трагического *qui pro quo* с “угрозой” ростовщика»¹¹. Дорошевич, очевидно, намеренно избегает слова «преступление», заменяя его на устойчивое книжное выражение на латинском языке «*qui pro quo*» (недоразумение, путаница, приключение, необычайное происшествие). Это же выражение звучит и в финале очерка Дорошевича: «Не случись 27 лет тому назад трагического *qui pro quo*, – кто знает, чем был бы теперь Карл Христофорович Ландсберг. Если человек даже на Сахалине – и то сумел выйти в люди»¹². В этом заключении звучит некоторый оптимизм Дорошевича в отношении того, как человек может «сделать» себя, приспособиться к новым условиям. При изображении портрета Ландсберга

¹¹ Дорошевич. В. М. Сахалин (Каторга) / В. М. Дорошевич. – М., 1903. – С. 79 : с илл.

¹² Там же. – С. 87.

Дорошевич всесторонне рассматривает героя своего очерка. Это создает странное, неоднозначное ощущение того, кто в действительности находится перед читателями. Достойный герой, однажды совершивший роковой поступок, преступив законы нравственности? Истинный преступник, бесконечный карьерист, стремящийся даже на каторге занять высокое положение? Преображенный, раскаявшийся человек, осознавший свое злодеяние, но не находящий даже по истечению многих лет душевного и духовного успокоения?

Еще в большее затруднение ставит Дорошевич своих читателей в психологически глубоком и эмоциональном очерке «Герой “Преступления и наказания”» (1909). Эта работа, опубликованная в газете «Русское слово», посвящена уходу Ландсберга из жизни. В очерке дается несколько купюр о Ландсберге из книги «Сахалин (Каторга)». Одновременно с этим Дорошевич, размышляя на тему «преступления и наказания», выходит за жанровые границы обычной статьи – некролога или близкого ему уведомления о происшествии. Автор столь проникновенно пишет о бывшем сахалинском каторжнике, что вначале создается чувство сопереживания смерти Ландсберга и вместе с тем ощущение личного поиска того, что толкнуло Ландсберга на совершение преступления, что позволило ему выжить в суровых условиях безжалостной каторги.

Вместе с этим в очерке Дорошевич вводит читателя в одно безусловное заблуждение, когда пишет, что история Ландсберга легла в основу романа «Преступление и наказание» Достоевского (к моменту создания этой книги Ландсбергу было всего лишь 13 лет), что именно из Ландсберга Достоевский создал Раскольникова. Не думается, что тем самым Дорошевич обнаруживает незнание времени написания романа и обстоятельств совершения преступления Ландсбергом. Автор поступает так сознательно. История Раскольникова в начале XX века была знакома всем просвещенным читателям. Достоевский убедительно нарисовал, что привело героя к преступлению и каким тяжким эхом откликалось осознание греховности убийства двух людей в душе Раскольникова. Мог ли Дорошевич, пользуясь тем, что «Русское слово» считалось самой востребованной у читателей газетой, сказать что-то точнее и глубже, чем это сделал русский классик? Наверное, не мог. И в этом случае читатели просто столкнулись с мистификацией.

Дорошевич преобразовывает историю Ландсберга сообразно тому, чего ждут от этого обыватели и в соответствии с тем, что должны знать образованные читатели. В очерке возникают интересные литературно-философские аллюзии. Так, Дорошевич называет бывшего гвардейского офицера «пушкинским Германном» (по аналогии с героем из «Пиковой дамы» (1834) Александра Пушкина (1799–1837)). Как известно, пушкинский Германн был военным инженером и немцем по происхождению (это повторяет детали биографии Ландсберга). Однажды Германн ставит все свое состояние на очередной кон карточной игры,

желая преуспеть в жизни. И Ландсберг, мечтая избежать скандала в своей финансовой несостоятельности, совершает противоестественное деяние, нарушая заведомый сценарий развития событий.

Сравнение Ландсберга с Германном из «Пиковой дамы» не случайно. Пушкинский герой, «блестящий офицер», как и Ландсберг, идет на преступление ради денег. Ландсберг совершает убийство ради будущей жизни. Еще одно неявное сравнение Дорошевича связано с образом «сверхчеловека» (из книги Фридриха Ницше (1844–1900) «Так говорил Заратустра» (1883–1885)). Вводя образы разных героев, Дорошевич, может быть, и ненамеренно, но показывает, как близка литература и действительность, в каком сложном переплетении может быть то, что написано, и то, что случается в реальной жизни. В этом очерке Дорошевич уже не обращается к описательному «*qui pro quo*», но использует такие слова, как «одно из наизарание обдуманых убийств», «зрелое, холодное, “головное” убийство». Автор открыто говорит о том, что общество с его установкой на оправданность и справедливость войны (насилия одних людей над другими) порождает людей, подобных Ландсбергу, толкает их на осознание своей правоты и вседозволенности.

По словам Дорошевича, из пушкинского Германа Ландсберг перерождается в Раскольникова. И это не единичные литературные ассоциации. В очерке звучат и слова Гамлета о равнодушии к смерти у могильщика. Фактом смерти Ландсберга Дорошевич пытается показать все «ужасы», «кровавый кошмар» уже прошедших войн, революций, иных локальных конфликтов в мире. И если Достоевский писал о «болезни общества», допускающего преступления, подобные делу Ландсберга, то Дорошевич убежден в том, что эта болезнь приобретает характер эпидемии. Смерть Ландсберга – это повод привлечь внимание общества к вопросам падения нравов, к недопущению вознесения человека над социально несвободными людьми, к предотвращению восприятия жизни «маленьких» людей как ненужной и бесцельной. Дорошевич говорит о том, что должно после войн и революций пройти время затишья и только это может способствовать «вздoroжанию» жизни, повышению ее ценности.

Пожалуй, Дорошевич стал единственным русским литератором, всесторонне проанализировавшим причины преступления Ландсберга и его отношение к наказанию каторгой, к испытанию Сахалином в статусе каторжанина, а потом ссыльнопоселенца. В период знакомства с Ландсбергом (это ощущается в книге «Сахалин (Каторга)») Дорошевич не смог до конца понять этого человека (вполне возможно, что тоже произошло и с Чеховым), но, несомненно, что Ландсберг волновал воображение автора очерка. И все эти переживания, длительные осмысления Дорошевич сполна изложил в очерке «Герой “Преступления и наказания”».

Ландсберг – герой литературного формата, но в реальной жизни

он – преступник, его сознание основывается на бесконечной вере в собственный ум, в собственную уникальность. По представлению Дорошевича, идя на убийство, гвардейский офицер полагается исключительно на математический расчет, этим же расчетом (верой в свой «ум», верой в себя, в «логику») он пользуется, живя уже в свободном состоянии на Сахалине. В собственном «сахалинском» очерке приводятся следующие слова Ландсберга на вопрос Дорошевича о том, не хочется ли бывшему офицеру вернуться в Россию. «...Должен я с этого острова что-нибудь взять»¹³, – говорит Ландсберг своему собеседнику. Эта же мысль, правда, в несколько иной, но довольно близкой к первому варианту формулировке звучит и в очерке, посвященном смерти Ландсберга: «Карьеру потерял. Сюда попал. Надо хоть из Сахалина пользу извлечь». Эти слова Дорошевич предписывает не самому Ландсбергу, но голосу ума, от которого пребывает в зависимости герой очерка. Финальные части газетной публикации «Герой “Преступления и наказания”» свидетельствуют о том, что «наказание» каторгой не изменило Ландсберга.

Он по-прежнему живет одолеваемый движением собственного ума, и свидетельством этого становятся не только глаза Ландсберга, но и его речь, его внешность, его салонные манеры, его отношение к сахалинским порядкам. «...он волнуется, тяжело дышит и на лице его написана злость. А когда он говорит о каторжанах, вы чувствуете в его тоне такое презрение, такую ненависть. Он говорит о них, словно о скоте. С этими негодьями не так следует обращаться. Их распустили теперь. Гуманничают»¹⁴, – такой цитатой характеризует Дорошевич Ландсберга.

Достоевский показал один вариант преображения совершившего преступление человека, этот вариант связан с духовным восприятием мира, с пониманием греховности убийства. Дорошевич демонстрирует иную сторону аналогичной жизни. Ландсберг, как и прежде, полагается исключительно на собственный ум, именно он и помогает бывшему офицеру занять несвойственное другим преступникам положение на острове. Пытливость ума, рассудочное отношение к жизни, попытки извлечь пользу и сделать карьеру даже в условиях каторги становятся ведущими мотивами биографии Ландсберга на Сахалине. И как итог этого: относительно устойчивое положение в среде сахалинских чиновников, умение находить общий язык с каторжанами, собственный, прибыльный бизнес, образованная жена, званые вечера с новыми музыкальными композициями и прочее. Своим очерком Дорошевич отвечает на тот вопрос, который намеренно замалчивался во время суда над Ландсбергом и уже более нигде не поднимался. Как известно, еще до начала судебных действий Ландсберг был отправлен в отставку, его поступок «марал честь мундира». Тем самым, по представлению Доро-

¹³ Дорошевич, В. М. Сахалин (Каторга) / В. М. Дорошевич. – М., 1903. – С. 87 : с илл.

¹⁴ Там же. – С. 86 : с илл.

шевича, военное сообщество сняло с себя ответственность за преступление офицера. А между тем на суде были явлены все свидетельства того, что Ландсберг с Власовым вел себя как солдат, стоящий на защите своего будущего, своей безмятежной жизни. Власов покусился на будущее офицера, и тот применил по отношению к своему кредитору приемы военной тактики.

Воспоминания о Ландсберге оставил и Анатолий Кони (1844–1927), председательствовавший в Петербургском окружном суде по делу гвардейского офицера. В собрание сочинений Кони обязательно включается очерк «Ландсберг» (1908), написанный еще при жизни знаменитого каторжника. Но этому очерку хронологически предшествует другая работа Кони – статья «Федор Михайлович Достоевский» (1881). В одной из частей этого очерка, посвященного феномену русского писателя, его умению предугадывать и предчувствовать настроения эпохи, Кони восклицает, что преступление Раскольникова имело «мрачное и чуткое предсказание». Рассказывая о появлении в печати первой части «Преступления и наказания» Достоевского, Кони пишет: «Двенадцатого января 1866 г., когда первая часть романа уже была напечатана, но еще не вышла в свет <...>, в Москве студент Данилов зарезал ростовщика и его служанку, а через тринадцать лет то же самое по отношению к своему кредитору и его прислуге совершил молодой и блестящий офицер Ландсберг»¹⁵. Имя Ландсберга знаменитый юрист называет и в других работах, в частности, в книге «На жизненном пути» (1912)¹⁶.

Процесс над Ландсбергом был одним из самых заметных судебных действий конца XIX века. Через реальную историю Ландсберга и ее литературные проекции в XIX – начале XX века вдумчивые читатели должны были открыть вечные грани того, что есть «преступление» и что есть «наказание», над смыслом которых думали многие русские классики – от Достоевского до Дорошевича.

¹⁵ Кони, А. Ф. *Избранные произведения* : в 2 т. / А. Ф. Кони. – Т. 2 : *Воспоминания*. – М., 1959. – С. 307.

¹⁶ Кони, А. Ф. *На жизненном пути* / А. Ф. Кони. – Т. 1. – СПб., 1912. – С. 77–87.

«ДАМА С СОБАЧКОЙ» А. П. ЧЕХОВА: ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СЮЖЕТА В ПРОЗЕ XXI ВЕКА

Интерес к истории, рассказанной А. П. Чеховым в «Даме с собачкой», не ослабевает и в XXI веке. Сюжет стал объектом многочисленных интерпретаций, экранизаций, инсценировок... Действие переносили из Ялты в Западную Европу, героев «сажали» на велосипеды, снимали про них фотокино и пытались расшифровать таинственные эпизоды великого текста. Обаяние рассказа заключается и в красоте изображенных чувств, и в недомолвках, и в размытом финале, поэтому история любви, описанная великим русским классиком, до сих пор популярна.

В. Б. Катаев отмечал: «Чехов, как и остальные классики, продолжает жить и играть активную роль, в том числе и в определении лица современной русской прозы. В сегодняшней ситуации отказа от литературоцентризма, десакрализации былой роли русской литературы его связи с текстами самых различных авторов оказываются разнообразными, порой парадоксальными»¹.

В чеховедении давно сформировалась тенденция сопоставлять рассказ «Дама с собачкой» с традициями русских классиков. Тем не менее, сравнивая с чеховским шедевром «Крейцерову сонату» и «Анну Каренину» Л. Толстого, «Солнечный удар» И. Бунина², исследователи больше говорили о чертах сближения в них, в отношении же прозы XXI века нужно говорить больше об отталкивании от таких традиций, искажении и опошлении их.

В. Б. Катаев уже отметил такую тенденцию в своей книге «Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники» (М., 2004), говоря о «переделке» рассказа Эмиля Дрейцера «Дама с собачкой: апо-

¹ Катаев, В. Б. Чехов и проза российского постмодернизма / В. Б. Катаев // Катаев, В. Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. – М., 2004. – С. 331.

² Подробнее об этом см.: Долженков, П. Н. «Дама с собачкой» А. П. Чехова и «Крейцера соната» Л. Н. Толстого: Два взгляда на любовь / П. Н. Долженков // Филологические науки. – 1996. – № 2. – С. 10–16; Катаев, В. Б. «Дама с собачкой»: чеховские Дон Жуаны / В. Б. Катаев // Катаев, В. Б. Литературные связи Чехова. – М., 1989. – С. 98–100; Мейлах, Б. С. Вопросы литературы и эстетики / Б. С. Мейлах. – Л., 1958; Пруцков, Н. И. Об одной параллели: «Анна Каренина» Толстого и «Дама с собачкой» Чехова / Н. И. Пруцков // Пруцков, Н. И. Историко-сравнительный анализ произведения художественной литературы. – Л., 1974. – С. 177–191.

криф», текст которого посвящен продолжению незавершенных судеб Гурова и Анны Сергеевны. Герои бросают свои семьи и начинают совместную жизнь. Далее следуют размолвки, которые приводят к разрыву, она возвращается за фон Дидерицу (первому мужу). Завершается рассказ очередной встречей героев в Ялте. «Разумеется, – пишет В. Б. Катаев, – ни о каком “творческом развитии”, как это декларируется, в таких продолжениях говорить не приходится. Это можно расценить как коммерческую затею, эксплуатацию наивного читательского интереса к фанбульной стороне произведений, к тому, что с героями еще произойдет»³.

Мотив неудавшейся жизни, неустроенности, неудовлетворенности своим настоящим – один из основных в творчестве Чехова. Этот мотив «подхватили» современные писательницы (именно в женской прозе наиболее ярко выражены подобные настроения). Может быть, именно этим обусловлен интерес прежде всего к женской судьбе в них. В 2001 году вышел рассказ Людмилы Петрушевской «Дама с собаками». Перед нами очередное продолжение любовной истории, рассказанной Чеховым: «Она уже умерла, и он уже умер, кончился их безобразный роман, и, что интересно, он кончился задолго до их смерти»⁴, – так начинается текст. Уже по первым строчкам нетрудно уловить основное настроение этого произведения. Автор последовательно снижает романтический сюжет и образы, созданные Чеховым. На смену загадочной Анне Сергеевне приходит «Дама с собаками»: «И вот вам явление дамы с собакой, вернее, с собаками, ибо она неоднократно появлялась, неся какую-то низменную, грязную, явно не в своей тарелке находящуюся постороннюю и сконфуженную собаку, перевешенную у этой дамы через плечо в виде лисьего меха, трепаного и пожранного молью как бы»⁵. Главная героиня рассказа – скандалистка и суицидница, «ханжа и старая дева», посетительница психбольницы.

Женщина и собаки сливаются: ее жизнь и она сама такие же потрепанные, как и животные, живущие рядом. Петрушевская даже называет свою даму «глубоко раненым животным», не скупясь на подробности, пусть даже и не совсем приятные. Связь с Чеховым осуществляется не только благодаря образу дамы с собачкой, но и через отдельные фразы. Показательна в этом отношении строчка в последнем абзаце рассказа: «Чем-то это все должно было кончиться, эта безобразная жизнь, искалеченная неизвестно чем, но слишком шумная и бурная для наших условий». Такой финал развенчивает образ высокой любви, изображен-

³ Катаев, В. Б. Чехов и проза российского постмодернизма / В. Б. Катаев // Катаев, В. Б. Чехов плюс...: Предшественники, современники, преемники. – М., 2004. – С. 334.

⁴ http://www.velib.com/read_book/petrushevskaja_ljudmila/rassказы_3/dama_s_sobakami/

⁵ Там же.

ный Чеховым. Конец истории «безобразен»: героиня никого не любила, кроме пуделя и бездомных собак, прожила никчемную жизнь, о ее смерти не пожалела ни одна «собака». Самое главное, что может смутить читателя, – мысль о том, что любовь все-таки умирает. Это противоречие особенно заметно при сопоставлении с первоисточником. Если чеховская фраза «обоим было ясно, что до конца еще далеко-далеко» дает надежду на новую встречу и возможное счастье, Петрушевская сначала хоронит любовь, а затем и самих героев.

Главная героиня рассказа Людмилы Улицкой **«Большая дама с маленькой собачкой» (2006)** Татьяна Сергеевна – женщина самолюбивая и своенравная. Она прекрасная актриса в жизни и плохая – на сцене. Поэтому работает заведующей труппой театра, отличаясь способностью различать и ценить чужой талант. Да и режиссер она неплохой – опять же в жизни, а не в театре. Выйдя на пенсию, Татьяна Сергеевна стала владелицей маленькой собачки, а еще покровительницей дочери ветеринара Веточки. Обе они ходили у большой дамы на коротком поводке.

Этот рассказ имеет мало общего с чеховским. Кроме отчества героини и наличия у нее собачки больше в тексте нет ничего, как нет и самого главного – истории любви. Единственные взаимоотношения, которые изображены в рассказе, – это странная дружба Татьяны Сергеевны с дочерью ветеринара Веточкой, ее покровительство юной девушке. Заканчивается произведение смертью главной героини и сценой ее похорон.

Отметим, что смерть завершает обе рассказанные истории. И Л. Петрушевская, и Л. Улицкая предпочитают «похоронить» всякую надежду на что-то светлое. Продолжает подобные настроения сборник рассказов Галины Щербаковой **«Яшкины дети. Чеховские герои в XXI веке» (2008)**. Само название сборника настраивает читателя быть особо взыскательным к его содержанию, так как сопоставление с А. П. Чеховым всегда было признанием значительности таланта писателя.

К. Станиславский когда-то говорил, что А. Чехов неисчерпаем. Галина Щербакова с большим удовольствием «черпает» из классика сюжеты и образы, даже названия хрестоматийных произведений оставляет неизменными. «Душечка», «Ванька», «Дама с собачкой», «Лошадиная фамилия», «Смерть чиновника», «Спать хочется», «Толстый и тонкий», «Тоска», «Человек в футляре»... «Это лучше? Интереснее? Новее?» – такими вопросами задается читатель, – современник детей Яшки. Лакей из «Вишневого сада», «холуй, лизоблюд, хапуга и бездельник», обзавелся потомством. Его «родственники» из XXI века и стали героями новых текстов.

С первых строк мы попадаем в жестокий мир, а первые фразы, которые слышим в рассказе «Ванька», – это угрозы внука в письме к деду. Он искренне желает старику смерти, мечтая пристрелить его из карабина. Пишущий письмо мальчик смакует страшные подробности ожидаемой его расправы с дедом. А «милейший» Константин Макарыч предстает в образе деда-убийцы и изверга.

Книга Г. Щербаковой шокирует уже с начальных абзацев. Первая мысль, которая возникает, – отбросить и не читать, слишком много сленга, ненормированной лексики и низких образов: враждебный внук Ванька из трущоб, стукачка в «Душечке», самоубийца в рассказе «Спать хочется», похотливая дама с собачкой и др. Чрезвычайно сложно «настроиться» на эту откровенно-циничную книгу. Ты слишком привык к традиционной «начинке» под обложкой с хрестоматийными заголовками. Тем не менее с холодным сердцем приходится дочитать до конца – любопытно ведь, какие же судьбы чеховским героям уготовила Галина Щербакова (или жестокий XXI век?).

Подтексты и «подводные течения» Чехова остались в прошлом, современный же автор предлагает назвать все детали и подробности своими именами, иначе говоря, вывернуть наизнанку. В ее художественном мире нет недосказанностей, все разложено предельно ясно: любви нет, браки заключаются ради выгодных жилищных условий, дети ждут смерти своих стариков. И если А. П. Чехова всегда интересовало духовное становление, перерождение, преображение героя, то Г. Щербакова показывает, что в XXI веке подобный путь невозможен. Да и не на духовном начале акцентирует она свое основное внимание. Если от Анны Сергеевны «вечно чистотой», в новой «Даме с собачкой» перед нами предстает распущенная, недалекая женщина, для которой любовь – понятие чисто физиологическое. У Лины Павловны (так зовут героиню) было много мужчин, но оставались они только на одну ночь. «Дама» хочет, чтобы однажды в ее квартире такой гость задержался. Любовь – это вместе завтракать, обедать и проводить время в кровати. И чтобы это было «навсегда».

Как личность она не созрела, театру предпочитает кино про «Интердевочку» и «Мулен Руж», литературой тоже не интересуется: «Книги у нее от родителей, психованных книголюбов, стоявших во время оно по ночам в очередях на подписку. Она продала всю библиотеку подруге матери, которая превратила свою квартиру в незнамо что. В них же, книгах, пыли!.. Себе она оставила книги для двух полочек над притолокой в комнате. Среди них оказался одноклассник Чехова, самого скучного из скучных, по ее мнению, писателя»⁶.

Когда Лину Павловну попросили присмотреть за соседской таксой, она вспомнила рассказ Чехова и даже прочитала на ночь этого «скучного» автора, сделав вывод: «Дама со шпиком тоже ловила мужика на набережной. И тоже на собаку. А на что же еще, если больше не на что? Кошки как-то не подходили»⁷. Вообразив себя Анной Сергеевной, женщина использует собачку в качестве «приманки». Вот и весь Чехов.

Античеховским является начало знакомства героев: «Любите

⁶ <http://lib.rus.ec/b/166666/read#t3>

⁷ Там же.

цирк? – услышала она голос... Рядом стоял он. Никаких сомнений. Немолодой, высокий, с легкой небритостью, как она любит. А главное, в форме морского капитана...

– Просто пялюсь, – ответила она. – В цирке сто лет не была, и сказать, что хочу, не могу. Совру. – Как складно небрежно все сказалось. И даже подалась на Джеммин порыв идти дальше. Она была уверена – он пойдет следом. И где-то уже возникал жар, и хотелось расстегнуть красивый жилет, а вместе с ним и кучерявую кофточку...

Большой, высокий, небритый, он совпадал с мечтой, надеждой.

– У меня тоже была такса, – сказал он. – Умерла от тоски, я ведь по долгу отсутствую»⁸. При сопоставлении со сценой знакомства Анны Сергеевны и Гурова этот диалог кажется особенно пошлым и циничным.

Тем не менее в новой истории на старый сюжет есть и такое противоречие: каким бы «скучным» ни казался Лине Павловне Чехов, именно его произведение является той спасительной соломинкой, за которую она цепляется в попытке найти свое женское счастье. Классическая литература будто пытается намекнуть Лине Павловне, что путь для преобразования и очищения возможен. Другое дело, что она просто не понимает ни текст великого произведения, ни уж тем более его подтекст. Как и автору современного рассказа, назвавшему его «Дама с собачкой», героине кажется, что сугубо внешние признаки (шляпа с вуалью, перчатки, собачка на поводке, прогулка по набережной) будут гарантировать счастье и успех. На деле же получается «осетрина с душком»: встреченный на набережной моряк оказывается мошенником. Он приходит в квартиру Лины Павловны и крадет у нее деньги и драгоценности.

По похожим сценариям развивается действие и в других миниатюрах современного автора. Сложно понять, какова была цель книги: написать продолжение рассказов классика, поспорить с ним или потягаться, кто лучше? Безусловно, в таком споре однозначно побеждает Антон Павлович.

В кругу современных интерпретаций чеховской истории особняком стоит текст **Татьяны Толстой «Любовь и море» (2008)**. Определить жанр этого произведения достаточно сложно. Оно занимает скорее промежуточное положение между эссе, анализом знаменитого рассказа либо комментарием к нему. Толстая цитирует и комментирует эпизоды знаменитой истории, называя ситуацию, так банально обыгранную своими современниками, «Чудом»: «Ничем не замечательная» Анна Сергеевна, непонятно почему полюбившая Гурова и необъяснимо необходимая ему, заменившая весь мир, – один из самых прекрасных и волнующих персонажей в литературе, а рассказ «Дама с собачкой» по праву считается шедевром, хотя что в нем такого происходит? *Да ни-*

⁸ <http://lib.rus.ec/b/166666/read#t3>

чего, кроме чуда»⁹ (выделено нами. – А. С.). Автор размышляет о русской литературной традиции в изображении сцен любви и приходит к выводу, что наши классики всегда делали ставку на внутренние ощущения, переживания, эмоции героев. «Телесная эквилибристика», как ее называет Толстая, всегда оставалась за рамкой текста. Чехов берет за основу Тайну, поэтому он имеет право многое оставить за текстом: «Он не может ее описать, как не может, не способен, не в состоянии описать ни один из самых гениальных писателей. Ибо это есть Чудо, это выше всякого понимания, и описать этого нельзя»¹⁰. Т. Толстая как будто пытается восстановить утраченные связи, реабилитировать классика. Возможно, называя рассказ «Любовь и море», выделяя первым слово «любовь», Толстая пытается обратить внимание на самое главное в великом рассказе.

Отметим, что выбор такого жанра не случаен и является знаменательным: к сожалению, современному читателю нужны такие «подстрочники». Во-первых, в глобальном мире все сложнее становится понимать любовь, как ее осмыслил и изображал Чехов. Во-вторых, появление вышеупомянутых откровенных диалогов с классиком может увести от основных чеховских идей или исказить их вовсе. Поколение читателей, использующее возможности Интернета для своего просвещения, в поиске Google может обнаружить ошеломляющие результаты: здесь мы находим и криминальный детектив Татьяны Поляковой «Ка-раоке для дамы с собачкой» (2004), литературные пародии Семена Лившина «Дама с собачкой Баскервилей» (2006), «Даму со злой собачкой» Дарьи Калининой (2009) и много других подобных книг. Как видим, уже озаглавив тексты подобным образом, авторы убивают всю романтику, нежность и красоту. Все это так не свойственно текстам Чехова: агрессия, злоба и пошлость. Хотя есть надежда, что появление такого рода «переделок» сможет создать и обратный эффект – обратить читающих к первоисточнику, что и будет самой большой пользой.

Рассказ «Дама с собачкой» сегодня оказался удивительно востребованным. Уже его название стало своего рода брендом, способствующим продвижению литературных новинок. «Гуровы» и «Анны Сергеевны» живут, как говорится, «на полную катушку», но в их историях нет самого главного – ЧУДА. Современные авторы предпочитают изображать более определенные и понятные взаимоотношения, а на смену тайнописи и подтексту приходит текст – голый, ничем не прикрытый. Во всяком случае – это тоже жизнь классики в XXI веке, пусть и в таком странном обращении к ее вечным мотивам и образам.

⁹ Толстая, Т. *Любовь и море* / Т. Толстая // Толстая, Т. Изюм. – М.: Эксмо, 2008. – С. 33.

¹⁰ Там же. – С. 35.

МОТИВ ПРОКЛЯТИЯ В РОМАНАХ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН» И СИМАДЫ МАСАХИКО «ЛЮБОВЬ НА ИТУРУПЕ»

Как для жителей Японии интересен роман А. П. Чехова «Остров Сахалин», так для русских читателей наверняка будет любопытен взгляд японского писателя Симады Масахико на Курильские острова. Два автора разных эпох, национальностей, стилевых предпочтений в ХХI веке объединились благодаря своему стремлению познать окраину России, получить новые впечатления, привезти материал для дальнейшего творчества.

Известно, что А. П. Чехов побывал на каторжном острове, когда ему было тридцать лет. Несмотря на молодость, это был уже известный литератор, в багаже которого и Пушкинская премия за сборник «В сумерках» (1888), и успешные драматургические опыты. Тем не менее Чехов решается на лишенное комфорта путешествие.

К долгому пути на Сахалин классик русской литературы готовился заранее. Он основательно изучил официальные документы, относящиеся к истории острова, его географии и климату, жизни и быту ссыльнокаторжных, научную литературу, газетные корреспонденции и материалы журналов. Ему предстояло увидеть многое – и то, к чему он был внутренне готов, и то, что поражало и удивляло, так как нарушало устоявшиеся стереотипы. Ему предстояло встретиться с сосредоточием всевозможных видов унижения человека. Имея обостренное чутье к страданиям и боли, он готовился к тому, что его пребывание на острове будет сплошной мукой.

Ему часто задавали вопрос о смысле путешествия. Ключ к разгадке мотивов решения следует искать в споре с А. С. Сувориным, утверждавшим, что поездка не имеет никакого смысла, потому что Сахалин никому не нужен и не интересен. А. П. Чехов называет подлинные мотивы своего решения: «Вы пишете, что Сахалин никому не нужен и ни для кого не интересен. Будто бы это верно? Сахалин может быть ненужным и неинтересным только для того общества, которое несылает на него тысячи людей и не тратит на него миллионов. После Австралии в прошлом и Каноны Сахалин – это единственное место, где можно изучать колонизацию из преступников; им заинтересована вся Европа, а нам он не нужен? ...Сахалин – это место невыносимых страданий, на какие только бывает способен человек вольный и подневольный. ...Из книг, которые я прочел и читаю, видно, что мы сгноили в тюрьмах миллионы людей, сгноили зря, без рассуждений, варварски; мы гоняли людей по холоду в кандалах десятки тысяч верст,

заражали сифилисом, развращали, размножали преступников и все это сваливали на тюремных красноносых зрителей. Теперь вся образованная Европа знает, что виноваты не зрители, а все мы, но нам до этого дела нет, это неинтересно. Нет, уверяю Вас, Сахалин нужен и интересен, и нужно пожалеть только, что туда еду я, а не кто-нибудь другой, более смыслящий в деле и более способный возбудить интерес в обществе» [4, с. 41].

Все наблюдения писателя, его мысли и записи рисуют образ острова, который, кажется, никогда не сможет приобрести светлого ореола, избавиться от «проклятия», тоски и скорби, боли и страданий. Во время своей поездки на Сахалин А. П. Чехову неоднократно приходилось слышать о «проклятии» островной земли:

«...Неправда. Ничего ваш Сахалин не дает. Проклятая земля <...>

...За обедом же была рассказана такая легенда: когда русские заняли остров и затем стали обижать гиляков, то гиляцкий шаман проклял Сахалин и предсказал, что из него не выйдет никакого толку.

– Так оно и вышло...» [3, с. 44].

С первой главы начинается исследование жизни человека на «проклятом» острове. А. П. Чехов был потрясен всем увиденным. Он понял, что человечность не может быть убита никакими, даже самыми изощренными жестокостями, и причину многих несчастий видел не только в преступности людей, но, прежде всего, в тех ненормальных условиях, в которых они жили. Важны комментарии и размышления, которыми он сопровождает свои записи: «От постоянной проголоди, от взаимных попреков куском хлеба и от уверенности, что лучше не будет, с течением времени душа черствеет, женщина решает, что на Сахалине деликатными чувствами сыт не будешь, и идет добывать пятаки и гривенники, как выразилась одна, “своим телом”» [3, с. 225–226]. Это показывает отчаяние, которое следует за каждым человеком, живущим на проклятом острове, несостоятельность жизни и тот уровень, до которого может опуститься человек.

Тема страданий – основная в тексте. Подъезжая к острову на пароходе «Байкал», писатель увидел арестанта в ножных кандалах, убившего свою жену. А. П. Чехова поразило то, что рядом с ним находилась девочка лет шести, державшаяся за кандалы. Эта картина вызвала чувство жалости к тем, кому было тяжелее всех на каторге, – детям и женщинам. Писатель был убежден, что «самые полезные, самые нужные и самые приятные люди на Сахалине – это дети, и сами ссыльные хорошо понимают это и дорого ценят их. В огрубевшую, нравственно истасканную сахалинскую семью они вносят элемент нежности, чистоты, кротости, радости. Несмотря на свою непорочность, они больше всего на свете любят порочную мать и разбойника отца <...> присутствие детей оказывает ссыльным нравственную поддержку, теперь же еще прибавлю, что дети часто составляют то единственное, что привязывает еще ссыльных

мужчин и женщин к жизни, спасает от отчаяния, от окончательного падения» [3, с. 237].

Ощущение скуки и тоски красной нитью проходит через все произведение: первое впечатление путешественника – «становится тоскливо», «узнав, что я намерен пробыть на Сахалине несколько месяцев, генерал предупредил меня, что жить здесь тяжело и скучно», «каторга при бенгальском освещении остается каторгой, а музыка, когда ее издали слышит человек, который никогда уже не вернется на родину, наводит только смертную тоску» [4, гл. I, II] и т. п. В самом начале пути, когда не все складывается, как задумано, писателя терзают сомнения: «И зачем я сюда поехал? – спрашиваю я себя, и мое путешествие представляется мне крайне легкомысленным» [3, с. 29]. Но за три месяца путешествия А. П. Чехов сделал многое: переписал сахалинское население, изготовив около десяти тысяч статистических карточек, врачевал, анализировал «канцелярские ведомости, таблицы, чиновничьи приказы, отчеты, рапорты, донесения и прошения, жалобы каторжных, поселенцев» [3, с. 7]. Однако эта активная работа велась на фоне тоски, безнадежности, надзирательского произвола. Книга «Остров Сахалин», несмотря на все то отчаяние, что пропитывает каждую строчку, написана не для констатации зла и насилия над личностью человека, а во имя «свободы от силы и лжи» [4, с. 41]. Именно отвращение к миру насилия, вера в человеческое достоинство, надежда на воскрешение разрушенной личности пронизывают это произведение.

Похожие ощущения забытости и затерянности островной территории, ее темной ауры прослеживаются в романе «Любовь на Итурупе». Только если у Чехова главный герой, он же рассказчик, приехал описать действительность, проанализировать ее, найти справедливость, в романе Симады Масахико, написанном от первого лица, главный герой возлагает на курильский остров надежду решить свои душевные проблемы.

«Сюжетные перипетии романа, система образов, идейно-тематическая основа и многие другие формально-содержательные компоненты книги определяют ее как произведение с “русской” проблематикой» [1, с. 157]. Одной из тем, рассматриваемых автором в данном романе, является тема проклятия. Одиночество главного героя произведения, тщетность его душевных поисков соотнесены с магистральным мотивом всей книги – проклятием Итурупа. Проклятие, якобы наложенное на остров, отражается и на судьбах всех героев книги.

Примечательно, что художественная интерпретация проклятия Итурупа у Симады Масахико отчасти подкрепляется собственными впечатлениями от жизни на острове. В 1992 году писатель посетил Итуруп и ровно через 11 лет завершил трилогию «Канон, звучащий вечно». Поэтому изображаемый в «Любви на Итурупе» остров с его природным колоритом – отнюдь не плод писательского воображения.

Свое пребывание на острове главный герой романа «Любовь на Итурупе» Каору Нода, правнук знаменитой гейши Чио-Чио-сан и Пинкертона, сравнивает с добровольной ссылкой, которая, вероятно, поможет ему ответить на жизненно важные вопросы и проанализировать ошибки прошлого. «Путь его начинается из японского портового города Вакканай в российский порт Корсаков Сахалинской области. Здесь он подвергается беспристрастному осмотру со стороны сахалинской таможни» [1, с. 158]. «На Сахалине со мной не происходило ничего хорошего. На таможне все мои деньги пересчитали, чемодан с нижним бельем перевернули, отвели в какой-то кабинет, где заставили ждать полчаса, а потом настойчиво расспрашивали о цели приезда» [2, с. 15]. В этой ситуации Нода Каору уподобляет себя А. П. Чехову: «Говорят, когда Чехов жил на Сахалине, острове ссыльных, у него тоже постоянно выпытывали, зачем он сюда приехал» [2, с. 15].

Но если у русского классика были вполне конкретные цели, достигнутые по окончании путешествия, то Нода Каору едет на Итуруп решать довольно абстрактные задачи. Вероятно, поэтому в романе все герои, связанные с внекурильской жизнью японца, кажутся несколько призрачными: его возлюбленная Фудзико, жена и дочь, ждущие его в Америке, друзья и родные. Хотя друг Ино утрачивает эскизность изображения благодаря своему письму, посылке с японскими продуктами – обычной еде из супермаркета в яркой упаковке, присланной им из близкой территориально, но такой далекой Японии. Также и населяющие Итуруп люди, встреченные Каору, имеют не только духовное, но и физическое воплощение в романе.

Жители острова, с которыми встречается Каору, отказываются верить, что здесь можно отдыхать или любоваться природой, но охотно соглашались с тем, что Нода Каору, не имея специального образования, может на профессиональном уровне заниматься изучением курильской фауны.

Первое впечатление об острове уже наводит на главного героя тоску. Он разочарован тем, что не оправдались его ожидания: «Я посмотрел на остров с палубы и невольно вздохнул. Я рассчитывал увидеть яркие огни Курильска – единственного на острове города, но меня встречали жалкие огоньки, напоминавшие тусклые лампочки в туалете горных хибарок. Я не знал, что и сказать, – такая тоска меня охватила. Лучше бы эти оранжевые точки были светлячками. Тогда, по крайней мере, не думалось, какая убогая здесь жизнь <...> Тоскливо. Слишком тоскливо. И холодно к тому же. Неужели сейчас сентябрь? Не видел я раньше таких сентябрей. Говорят, в Охотское море зима приходит на три месяца раньше...» [2, с. 33]. Впрочем, у Симады Масахико встречаются лирические пейзажи, внушающие безоблачное настроение: «Обычно над Охотским морем нависали тяжелые тучи, но сегодня – случай редкий – в нем отражались звезды и луна. Правда, смотрелись они как на экране телевизора

с плохой антенной. Хотя небо было ясным, ветер не утихал ни на секунду, и звезды с луной все время покачивало» [2, с. 27].

В любом случае, природа, несущая в себе и суровость, и некоторую угрозу, – стихийна. Человек перед ней бессилен. Гораздо сложнее привыкнуть к невыносимым жилищным условиям: «Мы остановились у квартала трехэтажных домов. “Что мы забыли в этих трущобах?” – подумал я, но, видимо, здесь и располагалось мое первое жилье. Я вышел из машины, вокруг было темно, и я угодил в лужу. Похоже, бетонные коробки поставили прямо посреди болота. Я открыл деревянную дверь с пружиной, и в лицо ударил влажный воздух, запахло помойкой. Дверь закрылась с жутким скрипом, стало темно, хоть глаз выколи» [2, с. 38].

Тем не менее герой стойко переносит все неудобства, решив, что подобные проблемы временны и не способны его сломить. Он понимает, что приехал в этот богом забытый уголок не для того, чтобы жаловаться на жизнь, а за тем, чтобы в ней разобраться. Его первоначальная задача – закрепиться на острове, чтобы он стал ниточкой к женщине, с которой его связывает чувство глубокой любви.

Очувтившись на Итурупe, он первое время не может смириться со щемящей тоской: «Поначалу, когда я оказался на острове, шум лесного ветра и рокот прибоя, похожий на отдаленные раскаты грома, вызывали у меня тоску. Похоже, беспокойство мое возникало потому, что я хотел найти на острове то, чего там отродясь не бывало. Например, веселье многолюдных улиц <...>. Теперь я пытаюсь радоваться тому, что есть на острове» [2, с. 112].

Примечательно, что после прочтения романов «Остров Сахалин» и «Любовь на Итурупe» не остается тягостного впечатления, ощущения одиночества, тяжелого чувства «проклятости» описанных земель. Авторы оставили открытыми финалы и заложили в них светлую надежду на то, что люди на удаленных от центра территориях все же будут счастливы, пусть не благодаря, так вопреки властям, условиям, природе.

Литература

1. Иконникова, Е. А. Литературное краеведение Сахалинской области: «восточный» компонент / Е. А. Иконникова. – Южно-Сахалинск : Сахалин. кн. изд-во, 2007. – 176 с.
2. Симада, М. Любовь на Итурупe : роман / М. Симада ; пер. с яп. Е. Тарасовой. – М. : Иностранка, 2006. – 220 с.
3. Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов. – М. : Советская Россия, 1984. – 368 с.
4. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов // Сочинения в 18 томах. – Т. 4. – М. : Наука, 1976. – 552 с.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ Г. И. ЗОТОВА НА САХАЛИНЕ. ИСТОРИЯ ТЮРЕМНОЙ РЫБАЛКИ

Имя отставного лейтенанта флота Г. И. Зотова обычно связывают с попытками освоения нефтяных богатств Сахалина. Однако, несмотря на настойчивость в поисках нефтяных месторождений, эти попытки успехом не увенчались. Неудачи в нефтяном деле заставили Г. Зотова обратить внимание на другую отрасль развивающейся на Сахалине промышленности – рыбный промысел.

Рыба была основным продуктом питания не только коренного населения, но и каторжан, и ссыльнопоселенцев острова. Ссыльнокаторжные получали кету и горбушу в пищу три дня в неделю в течение всего года¹. По существу, рыба заменяла им мясо². Это означало, что для поддержания физического состояния каторжан рыба, предназначенная для питания, должна была быть достаточно высокого качества.

Самой лучшей по пищевой ценности считалась рыба, пойманная в Амурском лимане. Ее заготовкой и продажей занимались николаевские рыбопромышленники Ген и Зубарев. Они же имели подряд на поставку соленой рыбы для сахалинских тюрем, продавая ее казне по цене 1 рубль 50 копеек за пуд³. Цена была довольно высокой, что объяснялось значительными транспортными расходами, связанными с доставкой рыбы из Николаевска на остров. Длительность перевозки сказывалась не только на цене, но и на качестве продукта: ежегодно тюрьмы выбрасывали в море от одной до двух тысяч пудов испортившейся рыбы⁴. Однако сахалинские власти мирились с этими издержками, поскольку считалось, что население острова не сможет обеспечить себя достаточным количеством рыбы из-за отсутствия мест лова, подобных Николаевску⁵.

Альтернативу николаевской рыбе нашел Григорий Зотов.

Летом 1893 года он сделал устное предложение недавно назначенному на должность начальника острова генерал-майору В. Д. Мерказину об организации на Сахалине собственной казенной рыбалки силами ссыльнокаторжных и ссыльнопоселенцев⁶. Его предложение не осталось без внимания. В. Д. Мерказин проанализировал ситуацию

¹ Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 1 (об.).

² РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 2.

³ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 29 (об.).

⁴ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 56.

⁵ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 9.

⁶ Там же. – Л. 7.

со снабжением населения острова рыбой и выяснил, что относительно благополучным в этом вопросе являлся лишь Тымовский округ. Количество рыбы, необходимое для его населения, составляло около 8,000 пудов в год и заготавливалось в полном объеме на рыбалках, расположенных по реке Тымь⁷. Однако достаточно остро стоял вопрос о качестве пойманной рыбы, так как ее питательная ценность была существенно ниже, чем у рыбы, добытой в Амурском лимане. Это объяснялось особенностью ее нереста. Для того чтобы из Охотского моря через Ныйский залив зайти в реку Тымь, рыбе приходилось преодолевать значительные расстояния. Но, даже зайдя в устье, она должна была еще долго подниматься в верховье реки по руслу, обильному порогами и камнями⁸. В результате такого хода население и ссыльнокаторжные Тымовского округа заготавливали не крепкую, нагулявшую жир, а уже сильно битую и ослабленную рыбу, практически не обладавшую питательной ценностью. Потребление рыбы низкого качества истощало каторжан и отрицательно сказывалось на производительности их труда. Единственным преимуществом такой рыбы являлась ее дешевизна: 55–60 копеек за пуд при ловле и засоле ссыльнокаторжными и 1 рубль – в продаже у ссыльнопоселенцев⁹.

В Корсаковском округе общая потребность в рыбе составляла около 16,000 пудов в год и удовлетворялась главным образом за счет рыбы, доставляемой из Николаевска¹⁰. Сокращение поставок с материка означало бы для населения округа голод. Чтобы не допустить этого, В. Д. Мерказин предложил корсаковскому окружному начальнику предпринять энергичные меры для организации собственных рыбалок¹¹, тем более что южные берега Сахалина изобиловали рыбой, которая, как выяснилось, по своим питательным свойствам превосходила амурскую¹². Однако решение этой проблемы, требовавшей от корсаковских властей времени, денег и дополнительных усилий, шло медленно.

Но самое большое беспокойство у начальника острова вызвал наиболее населенный Александровский округ. Его потребности составляли 30,000 пудов в год, а реками, обильными рыбой, эта часть острова не располагала¹³. Рыбных же запасов реки Тымь, обеспечивающей нужды Тымовского округа, на Александровск уже не хватало. Местное население занималось дополнительным ловом морской рыбы, но ее также было недостаточно для заготовки впрок, поэтому зимой жители и

⁷ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 1.

⁸ Там же. – Л. 1 (об.).

⁹ Там же.

¹⁰ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 1.

¹¹ Там же.

¹² РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 9.

¹³ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 1.

ссылнокаторжные Александровского округа частенько голодали¹⁴.

Исходя из полученных данных, В. Д. Мерказин склонился к мысли Г. Зотова о том, что на севере Сахалина нужен собственный постоянный источник соленой рыбы высокого качества¹⁵. В мае 1894 года В. Д. Мерказин, уже в должности военного губернатора острова, решился на эксперимент – создание в северной части Сахалина опытной тюремной рыбалки.

В ноябре 1894 года по его просьбе Г. Зотов подготовил соответствующее обоснование этой идеи, в которое включил условия, на которых он сам согласился бы заведовать данным предприятием¹⁶.

В своем обосновании Г. Зотов доказывал, что единственным удобным местом для устройства казенной рыбалки на Сахалине являлась северная часть западного побережья острова, лежащая напротив Амурского лимана. Там в заливе Байкал водились почти все амурские виды рыб, в том числе и наиболее пригодная к засолу и хранению кета. Эту рыбу ловили гиляки селения Тамлаво, которое располагалось на пути осеннего хода рыбы в Амур. Количество проходившей мимо селения рыбы не только не уступало николаевской, а, по оценке Г. Зотова, даже превосходило его¹⁷. На этой гиляцкой деревне Г. Зотов и рекомендовал остановиться как на «пункте, наиболее соответствующем для постановки тюремной рыбалки»¹⁸.

В феврале 1894 года В. Д. Мерказин, заручившись поддержкой начальника Главного тюремного управления М. Н. Галкина-Врасского¹⁹, представил проект устройства тюремной рыбалки генерал-губернатору Приамурья С. М. Духовскому.

В ответном письме генерал-губернатор дал понять В. Д. Мерказину, что понимает мотивы Г. Зотова «оказать свое полное содействие администрации в организации лова и засола рыбы тюремными средствами»²⁰. «...Зотов, – пишет С. М. Духовский, – принимая на себя техническое управление рыбалкой думает, что у него останется значительный излишек улова, преимущественно такой рыбы, которая в засол для потребностей тюрьмы не пойдет, а засоленную сухим японским способом он сможет выгодно сбывать на японский рынок...»²¹. С. М. Духовский просил военного губернатора «...принять все зависящие меры к тому, чтобы заготовленная в текущем году тюремными средствами рыба на Сахалине обошлась для казны дешево и чтобы рыба эта по своему качеству была

¹⁴ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 1 (об.).

¹⁵ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 53.

¹⁶ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 8.

¹⁷ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 2.

¹⁸ Там же.

¹⁹ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1431. – Л. 15.

²⁰ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 2 (об.).

²¹ Там же. – Л. 3 (об.).

вполне пригодною для довольствия арестантов»²². Несмотря на определенные опасения, кредит на обустройство сахалинской рыбалки из бюджета тюремного ведомства был выделен²³.

14 января 1895 года между военным губернатором В. Д. Мерказиным и отставным лейтенантом флота Г. Зотовым был заключен договор, основными пунктами которого были следующие:

1. Согласно выраженному Г. Зотовым желанию, на него возлагалось устройство в 1895 году на северо-западном берегу острова Сахалин у гилияцкого селения Тамлаво опытной хозяйственной тюремной рыбалки Александровского округа.

2. Техническое заведование рыбалкой, то есть ловом и засолом кеты на 1895 год, всецело возлагалось на Г. Зотова. Для лучшего руководства ловом и присмотром за засолом рыбы Г. Зотову предоставлялось право иметь за свой счет вольнонаемных помощников.

3. Кроме заготовки такого количества соленой кеты, которое требовалось для тюремных надобностей, Г. Зотову разрешалось производить опыты по мокрому и сухому засолу рыбы для продажи ее на сторону и за границу. В течение 1895 года ему разрешалось заготовить опытным сухим способом для тюрем до 1,000 пудов рыбы.

4. В первый 1895 год Г. Зотов обязывался наловить и засолить обыкновенным способом не менее 5,000 пудов кеты. Если же улов окажется удачным, то администрация брала на себя обязательство принять всю пойманную и засоленную рыбу.

5. За каждый пуд качественно засоленной рыбы Г. Зотов должен был получить по 20 копеек. Излишек рыбы, заготовленной тюремной рыбалкой, а также летняя рыба, не идущая на потребность тюрьмы, могли быть проданы Г. Зотовым на сторону. Причем с каждого вырученного от проданной рыбы рубля Г. Зотов получал 15 копеек.

6. Все постройки (жилые и для засола и хранения рыбы) должны были быть возведены под непосредственным руководством Г. Зотова. Весь инвентарь, необходимый для рыбалки, Г. Зотов должен был закупить сам, причем «на выгоднейших для казны условиях».

7. Обустройство рыбалки должно было производиться средствами администрации острова в соответствии с особой сметой.

8. В первый год существования рыбалки администрация должна была организовать артель численностью не более 50 ссыльнокааторжных, по преимуществу имевших малые сроки наказания и уже бывавших на рыбных промыслах. В состав этой артели должны были войти до десяти бондарей и шесть плотников. Эта артель управлялась откомандированным чиновником. Вне работы Зотов не мог вмешиваться в управление рабочими, а также другие обязанности командированного чиновника.

²² РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1431. – Л. 16.

²³ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 14.

9. Вопрос о выгодности дела и его дальнейшем продолжении возлагался на особую комиссию, состоящую из трех человек, в состав которой должен был входить и сам Г. Зотов. Комиссия не могла признать деятельность Г. Зотова неуспешною, если вся заготовленная им рыба будет принята и если пуд рыбы обойдется казне не дороже 1 рубля 20 копеек серебром.

10. Полный и подробный отчет по операциям рыбалки должен быть представлен не позже 1 декабря 1895 г.²⁴.

В связи с тем, что рыбалка должна была находиться в 300 верстах от поста Александровский, сразу остро встал вопрос о транспорте. Весной на место рыбной ловли необходимо было завести инструменты, людей, питание для них и, наоборот, осенью вывезти большое количество рыбы. Вариант использования зафрахтованного на период навигации для нужд Сахалина парохода был военным губернатором отклонен. В. Д. Мерказин считал, что фрахт парохода вряд ли окупится, поскольку перевозки носили случайный характер. Было принято решение воспользоваться попутными рейсами курсирующих коммерческих пароходов, что, по мнению В. Д. Мерказина, должно было «оказаться, несомненно, наиболее выгодным для казны»²⁵.

Казалось, что все основные вопросы были согласованы и решены. Однако первый год лова и засола рыбы на тюремной рыбалке оказался не очень удачным.

Докладывая 16 декабря 1895 года в Петербург М. Н. Галкину-Врасскому и в Хабаровск С. М. Духовскому, В. Д. Мерказин писал: «В настоящем году первый опыт обеспечения тюрем Александровского и Корсаковского округов рыбою собственного лова дал следующие результаты: В Корсаковском заготовлено собственными силами рыбы 9,500 пудов. С учетом николаевской количество рыбы достаточное для обеспечения годовой потребности тюрьмы и поселенцев. В Александровском округе на вновь открытой на севере от Александровска ... рыбалке Тамлаво добыто рыбы всего 2,800 пудов. Причина малоуспешности – пропуск первого осеннего хода рыбы вследствие позднего прибытия шхуны из Владивостока, отказ пароходов идти на Тамлово по неогражденному Сахалинскому фарватеру... Обстановка, созданная в настоящем году (снабжение неводами, солью), дает право рассчитывать на успешный лов в будущем году. Для этого нужно установить вывоз рыбных продуктов из Тамлаво, вход в Сахалинский фарватер оградить навигационными знаками, сделать его доступным проходу морских пароходов. В настоящем году тюремная рыба вывезена тюремною шхуною кругом Сахалина Охотским морем. Все это удорожает стоимость рыбы»²⁶.

²⁴ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 17–18.

²⁵ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 2 (об.).

²⁶ Там же. – Л. 31.

Кроме причин, перечисленных в докладной В. Д. Мерказина, в своем отчете за 1895 год Г. Зотов указал также на малочисленность артели, организованной из ссыльнокаторжных. В нее было командировано 40 человек, из которых пятеро сбежало по дороге и шесть человек были выделены для обслуживания рабочих и производства (фельдшер, писарь, сторож, два хлебопека, разнорабочий). Таким образом, реальной добычей и засолом рыбы занималось только 29 ссыльнокаторжных²⁷. Чтобы пополнить состав работников, Г. Зотову пришлось прибегнуть к вольному найму, что обошлось ему, как указано в отчете, в 1,029 рубля²⁸.

Несмотря на все трудности в организации рыбалки, доход Г. Зотова в первый год путины составил 1,826 рубля 98 копеек²⁹. Да и сам рыбный промысел расширился. Рядом с тюремной рыбалкой появились рыбные станы предпринимателей из числа поселенцев (Рубинштейн, Акулинин и др.)³⁰.

Появление в этой местности работающего населения позволило В. Д. Мерказину основать в 1896 году недалеко от Тамлаво поселение Рыбное на 25 дворов³¹. Г. Зотов проявил крайнюю заинтересованность в этом вопросе. Он просил военного губернатора, чтобы мужская часть поселения была сформирована главным образом из рыбаков и бондарей, нужных ему для рыбалки. Г. Зотов обещал рыбакам вне сезона путины за подготовительные работы заработок не менее 10 рублей в месяц на двор, а бондарям столько, сколько они смогут заработать³².

Основание около Тамлаво вольного поселения оказалось весьма кстати, поскольку условия организации тюремной рыбалки в 1896 году изменились. В связи с постройкой Уссурийской железной дороги значительная часть ссыльнокаторжных была направлена на дорожные работы в Приморье, поэтому обеспечить рыбалку бесплатным трудом каторжан возможности не представлялось. В. Д. Мерказин стал настаивать на заготовке рыбы для тюрем трудом ссыльнопоселенцев, с выдачей им зарплаты³³. Предложение было вполне обоснованное, так как труд ссыльнопоселенцев на 70–90 % был выше, чем труд ссыльнокаторжных.

Исходя из новых условий, на период путины 1896 года с Г. Зотовым было заключено новое соглашение, по которому соленая рыба должна была обойтись тюрьмам не дороже 1 рубля 38 копеек, включая доставку в Александровск.

Согласно докладной В. Д. Мерказина, основанной на отчете Г. Зо-

²⁷ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 37.

²⁸ Там же.

²⁹ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 28.

³⁰ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 55.

³¹ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 58.

³² Там же.

³³ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 55.

това, результаты путины 1896 года были весьма удовлетворительные. На трех рыбалках работало четыре артели вольных рыбаков в составе 70 человек и 180 человек рабочих и бондарей из ссыльнопоселенцев. Кроме этого, 30 человек японцев на шхуне вывезли в Японию 6,700 пуда рыбы сухого засола³⁴. Всего за время путины было заготовлено 38,060 пуда рыбы, из них на тюремной рыбалке было засолено 30,030 пуда и на промыслах поселенцев – 8,030 пуда рыбы. 20,300 пуда поступило в тюрьмы, 4,100 пуда было вывезено во Владивосток. Из сухого засола на пробу в Австралию ушло 700 и в Одессу – 35 пудов рыбы³⁵. Доход самого Г. Зотова составил 4,066 рубля 35 копеек³⁶.

Однако, несмотря на впечатляющие цифры, деятельностью Г. Зотова заинтересовалось Временное отделение Амурской контрольной палаты. Оно обратило внимание военного губернатора острова на то, что многие условия проекта договора на 1897 год, который собирались заключить с Г. Зотовым, не в полной мере соответствовали интересам казны. Однако замечания Временного отделения были оставлены В. Д. Мерказиным без ответа³⁷, а договор 1897 года на заготовку кеты для потребностей тюрем был заключен с Г. Зотовым на очень выгодных для него условиях:

1. Администрация острова обязывалась отпускать контрагенту бесплатно рыболовные снасти и за плату материалы, припасы и людей.

2. Г. Зотов обязывался доставить тюремному ведомству 20,000 пудов чистого веса соленой рыбы двойного засола осеннего улова по цене 1 рубль 33 копейки за пуд с доставкой в пост Александровский и 1 рубль 15 копеек, если администрация сама заберет рыбу с рыбалки. Администрация могла взять сверх нужного количества до 10,000 пудов рыбы по цене 1 рубль 33 копейки за пуд.

3. На Г. Зотова возлагалась обязанность вести особый счет всему излишку как заготовленной рыбы, так и продуктов заготовок из горбуши и летней кеты, предназначенных для вывоза за пределы острова. Также на Г. Зотова возлагалось ведение учета тоннажной емкости судов, приходящих за рыбными грузами, и взимание с них пошлины. Для записи количества подлежащей взносу в казну пошлины местное полицейское управление должно было выдать Г. Зотову шнуровую книгу, которая предоставлялась им на ревизию по первому требованию, а по окончании операции с деньгами и документами должна быть сдана в то же полицейское управление.

4. До 1 августа Г. Зотов должен был получить аванс в размере 13,300 рубля.

³⁴ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 55.

³⁵ Там же. – Л. 34.

³⁶ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1431. – Л. 41.

³⁷ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 43.

5. На полученные со складов и фондов острова товары, отпускаемые рабочим в лавке Зотова, устанавливалась наценка в 15 %.

6. Водка, приобреталась Г. Зотовым на складе экономического фонда. Никакой продажи спиртных напитков ни на рыбалке, ни в ее окрестностях больше никому не разрешалось³⁸.

Казалось бы, что при таких условиях для Г. Зотова открывались большие перспективы. Однако в одночасье все рухнуло: и предпринятые им усилия по организации тюремной рыбалки, и средства, вложенные в ее развитие. Дело заключалось в том, что кроме «победных» отчетов руководителя рыбалки на стол руководству разного уровня ложились документы иного содержания. В акте, составленном 3 ноября 1895 года комиссией по приему рыбы, доставленной с рыбалки Зотова, указывалось, что, согласно фактуре, в Александровск доставлено 108 бочек соленой рыбы весом 2,715 пуда. При перевешивании вес оказался на 500 пудов ниже. Из 5,600 штуки рыб сухого засола весом 924 пуда комиссия смогла принять только 4,115 штуки весом 533 пуда 16,5 фунта. Очистка рыбы была удовлетворительная, а вот качество засола хуже николаевского. Из-за слабости засола кета не подлежала длительному хранению. Максимально ее можно было продержать до зимы и то в холодном складе, а не в погреб³⁹. Ситуация не изменилась и в 1896 году. В акте приема за этот год также указывалось: «Рыба общим качеством удовлетворительная, но по засолу гораздо ниже засола николаевского: рыба мельче, рассол грязнее. Рыба в целом в пищу годна, но комиссия не может сказать, выдержит ли рыба длительное хранение и за порчу продукта комиссия на себя ответственности не берет»⁴⁰. Окружной врач Н. С. Лобас, присутствовавший при приеме рыбы, выразил особое мнение. Его заключение было более прямолинейным: «...засол рыбы произведен в высшей степени небрежно, без достаточной чистоты, которая необходима для хранения (в рассоле встречаются частицы рыбы, сгустки крови)... дряблость рыбы, малосольность ее – все эти данные заставляют меня признать продукт, доставленный Зотовым, недоброкачественным. ...Также нахожу необходимым упомянуть о том, что комиссия при составлении акта упустила запах ... который является свидетельством того, что рыба начала портиться до засола или сам засол так плох, что рыба стала портиться сразу после него»⁴¹. О недостатках и низком качестве продукта сообщал и начальник Корсаковской тюрьмы Меркушев. 15 ноября 1896 года он телеграфировал начальнику Александровского округа о том, что в накладной, прибывшей вместе с рыбой на пароходе «Фрайер», числилось 306 бочек с чистым весом рыбы в них 6,063 пуда. При проверке обнаружили недостачу в 31 боч-

³⁸ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 45–48.

³⁹ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 23–23 (об.).

⁴⁰ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1431. – Л. 16–16 (об.).

⁴¹ Там же. – Л. 17–17 (об.).

ку чистым весом 861 пуд 3 фунта⁴². В акте по приему этой рыбы указывалось: «Из 40 вскрытых бочек хорошою рыба была только в 8 бочках, но это была “зубатка” последнего улова. В остальных бочках рыба выбитая, нежирная, сухая или наоборот распозающаяся под давлением пальцев. В 15 бочках рассола совсем не было, и стоял гнилостный запах. Рассол в остальных оказался крепостью всего 15 %. Если съесть эту рыбу еще как-то можно, то хранению она не подлежит»⁴³. О том, как в действительности обстояло дело на рыбалке Зотова, докладывал начальнику Александровского округа в октябре 1895 года смотритель Игнатьев, командированный в Тамлаво для заведывания казенным имуществом и охраной интересов казны: «При нашем прибытии в деревню не было никаких построек или предварительных работ, которые свидетельствовали бы, что к рыбному лову готовились уже несколько месяцев. Только неоконченный наполовину сруб без окон и дверей, сложенный кое-как и небольшой навес указывали на место, куда надо пристать... За время путины Г. Зотова на месте почти не было, так что руководство большинством работ лежало на мне. Зотов был занят организацией собственной лавки, через которую работникам отпускались товары...»⁴⁴. Все эти сигналы заставили руководство генерал-губернаторства присмотреться к ситуации поближе.

В государственном историческом архиве Дальнего Востока хранится документ – «Записка делопроизводителя», в которой не указаны ни фамилия ее автора, ни дата ее написания, ни лицо, которому она адресована. В ней говорится о том, что отчет Зотова документально обставлен достаточно, но в отношении выполнения им условий контракта существуют большие проблемы: рыбы заготавливается гораздо меньше требуемого количества и качество ее низкое. Далее автор записки рекомендует проверить степень выгодности операций по засолу рыбы Зотовым через Особую комиссию⁴⁵.

Действительно, текст договора с Зотовым на 1897 год был направлен в Амурскую контрольную палату, откуда 17 июня 1897 года приамурский генерал-губернатор получил заключение. В нем говорилось, что Временным отделением палаты сахалинскому военному губернатору уже указывалось на несоответствие условий проекта договора 1897 года его целям, однако договор с Г. Зотовым все же был подписан. Особое внимание комиссия обратила на следующие пункты этого документа:

1. Контрагенту предоставлялось право производить улов рыбы в неограниченных размерах для сбыта ее на сторону и за границу с уплатой лишь общеустановленной пошлины; причем на контрагента же возлагалось взимание и хранение этих пошлин до конца рыбалки.

⁴² РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1431. – Л. 45.

⁴³ Там же. – Л. 56–56 (об.).

⁴⁴ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 130–132.

⁴⁵ Там же. – Л. 29–30.

По мнению комиссии, поручение взимания казенной пошлины и наблюдения за правильностью казенного промысла частному лицу не имело за собой законных оснований. Это могло вызвать злоупотребления контрагента и являлось для него возможностью для установления монополии рыбного промысла в лучшей части Татарского пролива.

2. Администрация обязалась выдать контрагенту задаток на расходы, связанные с рыбалкой в сумме 13,300 рубля.

Комиссия усмотрела в этом прямое нарушение устава о казенных подрядах и поставках, поскольку не только полное выполнение условий, но и задаток не были обеспечены залогом.

3. Улов рыбы предполагалось производить у берегов Сахалина в местности, лежащей выше устья реки Амура и поселения Рыбное.

Комиссия отметила, что деятельность рыбалки без правильного за нею надзора, как правило, порождает хищнический способ добычи рыбы. Члены комиссии указали, что хотя они не располагают материалами, на основании которых могли бы сделать твердое заключение, тем не менее, они допускают предположение, что усиленная рыбалка в таком пункте, как устье, может значительно ослабить лов рыбы в реке и лишить население одного из самых существенных и живых промыслов в крае.

Но главное, комиссия выразила сомнение в необходимости передачи рыбалки в посторонние руки. По ее мнению, лов и засолка рыбы могли производиться сахалинскими жителями, трудом которых и могла воспользоваться тюремная администрация. В результате заработка, на который рассчитывал контрагент, остался бы в руках жителей, что удешевило бы в пользу казны стоимость соленой рыбы⁴⁶.

Мнение С. М. Духовского по результатам проверки было однозначным: «В виду замечаний контроля по поводу заключенного с Зотовым договора на поставку соленой рыбы для тюрем Сахалина в потребность 1897–1898 годов нахожу со своей стороны, что заключенный договор не в достаточной степени обеспечивает интересы казны как в отношении выданных ему задатков, так и в отношении доброкачественности поставляемой рыбы и своевременности ее доставки»⁴⁷.

29 сентября 1897 года военный губернатор Сахалина послал Г. Зотову уведомление: «...я имею честь уведомить Ваше Высокоблагородие, что заключенное с вами 21 января сего года условие на поставку рыбы возобновлено мною не будет и что заготовка соленой рыбы для потребностей тюрем вверенного мне острова будет произведена подрядным способом, строго согласованным с правилами, изложенными в положении о казенных подрядах и поставках»⁴⁸.

Г. Зотов попытался изменить ситуацию в лучшую для себя сторону,

⁴⁶ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 43–44 (об.).

⁴⁷ Там же. – Л. 49.

⁴⁸ Там же. – Л. 64.

сославшись на пункт 21 заключенного договора о том, что «администрация острова сохраняет за собой право производить засолку рыбы собственным попечением, причем в течение трех лет Зотов доставляет администрации бесплатно под своим руководством помещение рыбалки и орудия лова рыбы. За руководство ловом и засолом Зотов получает по 25 копеек с пуда рыбы. Количество рыбы, заготовленное таким способом администрацией, не должно превышать 25,000 пуда в год»⁴⁹. Однако 24 октября 1897 года он получил подтверждение в отказе от его услуг: «В ответ на заявление Ваше от 26 сентября сего года уведомляю Вас Милостивый государь, что администрация острова не имеет в виду воспользоваться предоставленным ей пунктом 21 условия, заключенного Вами с генерал-майором Мерказиным, правом заготовлять в будущем 1898 году соленую рыбу собственным своим попечением»⁵⁰.

Так закончилась для основателя и руководителя тюремной рыбалки Александровского округа Григория Зотова эта деятельность. Созданное по его инициативе и при его участии предприятие своей главной цели – обеспечить Сахалинскую каторгу дешевой, качественной и в достаточном количестве рыбой – не выполнило. Главную причину неуспеха предприятия наиболее емко сформулировал в своей докладной записке смотритель Игнатьев: «...за все время рыбалки Зотовым было проявлено слишком мало сочувствия к интересам казны, и слишком много желания сделать рыбалку своею собственностью, где казна являлась бы только чем-то причастным, но не правым»⁵¹.

⁴⁹ РГИА ДВ. – Ф. 702. – Оп. 2. – Д. 117. – Л. 68 (об.).

⁵⁰ Там же. – Л. 65.

⁵¹ РГИА ДВ. – Ф. 1133. – Оп. 1. – Д. 1246. – Л. 133.

НАЦИОНАЛЬНАЯ И РЕГИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: ОСНОВНЫЕ КОМПОНЕНТЫ (НА ПРИМЕРЕ КНИГИ А. П. ЧЕХОВА «ОСТРОВ САХАЛИН»)

Литературные памятники являются важным элементом в культуре любого цивилизованного народа. Литература отражает не только определенную историческую ситуацию, но и общественное сознание, настроение, характерные для этого периода. Кроме этого, литература воспроизводит и сам портрет народа. Литературу, выражающую народный дух, принято называть «народной». Однако в литературоведческих работах часто отождествляют литературу народную с литературой национальной. Но это разные понятия: к первой можно отнести творчество писателей разных национальностей, которые освещают темы народной жизни, поднимают проблемы народа (который многонационален). *Национальная литература* – это литература определенной нации, где также затрагивается народная тема, но с акцентом на особенности менталитета.

Существует еще и другая литературная градация. Территория любого государства состоит из нескольких регионов, отличающихся друг от друга рельефом, климатом, бытовым укладом, социальной средой и др. Произведения, созданные в одной местности и отразившие ее уникальность, принадлежат к *региональной литературе*.

Работы по изучению национальной и региональной литературы в отечественной науке появились относительно недавно (в последней четверти XX века). При этом региональный аспект в теоретическом плане изучен меньше, чем национальный. Однако в творчестве многих писателей обнаруживаются эти аспекты, сознательно или нет включенные в произведения. Термин «национальная литература» шире литературы региональной. Следуя работам ученых-литературоведов (отождествляющих «народную» и «национальную» литературу), определим основные признаки этого понятия.

Главный компонент национальной литературы – отражение в ней особенностей менталитета какого-либо этноса. Психологический портрет нации, моральные нормы, связь с природой – все это, так или иначе, присутствует в произведениях о народе как едином целом.

Также важна историческая составляющая. В литературе любой страны можно проследить отношение общества к своему прошлому непосредственно через произведения искусства, в частности, на примере художественных текстов.

Русская национальная литература всегда отличалась гуманностью, человеколюбием, победой добра над злом. Произведения о народе не-

редко построены на православных канонах. События чаще всего происходят на фоне конкретной исторической ситуации. Персонажи наделены как отрицательными (лень, медлительность), так и положительными (отзывчивость, щедрость) чертами, свойственными русскому менталитету.

В национальную литературу входят литературы региональные. По поводу последнего термина существует несколько мнений. Например, А. Н. Власов включает в региональную литературу произведения, «созданные местными авторами и востребованные местными читателями»¹. В «Литературной энциклопедии терминов и понятий» (2001) региональная литература понимается как совокупность «произведений писателей, концентрирующих свое внимание на изображении определенной местности (обычно сельской) и людей, ее населяющих»².

Помимо этого, литературоведы предлагают синонимичные понятия термину «региональная литература». Так, в «Литературном энциклопедическом словаре» (1987) зафиксировано понятие «местный колорит» (от франц. *«couleur locale»*) как «воспроизведение в художественной литературе особенностей национального быта, пейзажа, языка, свойственных сугубо определенной местности или области»³. В этом же издании приводится ссылка на бытоописательную тенденцию костюмбризма (от испан. *«costumbrismo, costumbre»* – нрав, обычай), в котором запечатлено «стремление к максимально точным описаниям природы, особенностей национальной жизни, нередко – с идеализацией патриархальных нравов и обычаев»⁴. Отчасти однородным с костюмбризмом понятием становится и «веризм» (от итал. *«vero»* – правдивый). Веристы при описаниях быта малоимущих социальных слоев, как известно, широко использовали народный язык и его диалектные проявления, что было необходимым средством иллюстрации натуралистической близости описываемых явлений и событий к реалиям не приукрашенной художественными средствами истинной человеческой природы. Кроме этого, существуют понятия «риджионализм», «веритизм», «зональная литература» и др.

Несмотря на явные различия, названные определения образуют си-

¹ Рябининские чтения-95: Материалы международной научной конференции «Рябининские чтения-1995»: сб. науч. докл. // Музей-заповедник «Кижи». – Петрозаводск, 1997. – С. 12.

² Николюкин, А. Н. Региональная литература / А. Н. Николюкин // Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2001. – С. 864.

³ Вентцель, Т. В. Местный колорит // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. : В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М., 1987. – С. 217.

⁴ Лакишин, В. Я. Костюмбризм / В. Я. Лакишин // Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. : В. М. Кожевникова и П. А. Николаева. – М., 1987. – С. 169.

нонимичный ряд региональной литературы, где общий признак – географическое и социальное описание какой-либо местности.

Воплощение национального и регионального аспектов можно проследить на примере книги А. П. Чехова (1860–1904) «Остров Сахалин» (1895). Известное не только в России, но и за рубежом, это произведение открыло миру русскую душу, сострадающую и сочувствующую. Сострадание, умение видеть боль другого – русские национальные черты. В «Острове Сахалин» эти качества показаны через ощущения автора. С первых впечатлений писателя об острове и далее на протяжении всего произведения можно уловить переживания А. П. Чехова о каторжных, вольных поселенцах, об острове как части России, а также о самой России.

В книге «Остров Сахалин» нашла отражение, прежде всего, тяжелая жизнь каторжан и поселенцев, у которых «чувствуется отсутствие чего-то важного»⁵. Каторжанам «не достает прошлого, традиций»⁶, у них «нет обычаев»⁷, «а главное, нет родины»⁸. Такому настроению способствуют климатические условия («Хорошая погода бывает здесь очень редко»⁹), особенности рельефа («берег совсем отвесный, с темными ущельями и с угольными пластами... мрачный берег!»¹⁰). Почти каждый прибывший на Сахалин руководствуется фразой: «У нас в России лучше»¹¹. Это сравнение создает еще больший разрыв между материком и островом, отделяет Сахалин от России.

В чеховской книге часто встречается скрытое противопоставление «русский – нерусский», своеобразная антитеза «Россия – Сахалин». Этот художественный прием заявлен на первых страницах произведения во время посещения А. П. Чеховым Николаевска. Из-за отсутствия в городе гостиницы писатель обедал в собрании, где стал невольным свидетелем разговоров находившихся там посетителей. «Если внимательно и долго прислушиваться, – делает выводы А. П. Чехов, – то, боже мой, как далека здешняя жизнь от России! <...> во всем чувствуется что-то свое собственное, не русское <...> не говоря уже об оригинальной, не русской природе, мне все время казалось, что склад нашей русской жизни совершенно чужд коренным амурцам <...> и мы, приезжие из России, кажемся иностранцами»; даже «нравственность здесь какая-то особенная, не наша»¹² (курсив мой. – Т. П.). А. П. Чехов, подобно другим жителям центральной

⁵ Чехов, А. П. *Остров Сахалин (Из путевых записок)* / А. П. Чехов. – Владивосток–Южно-Сахалинск, 2010. – С. 41.

⁶ Там же. – С. 42.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

⁹ Там же. – С. 22.

¹⁰ Там же. – С. 25.

¹¹ Там же. – С. 35.

¹² Там же. – С. 14.

России, не ассоциирует остров с материком как частью Российского государства. Для него Сахалин – это неизведанная, другая земля.

А. П. Чехов часто употребляет сочетания «на наш русский аршин»¹³, «в наших русских деревнях»¹⁴, «русское поле»¹⁵, «русский царь»¹⁶ и др., проводя параллель между Россией и не-Россией, большой и малой землей.

Однако на острове писатель видит и то, что роднит его с Российским государством, – веру, благодаря которой люди не дают себе опуститься, преодолевают нечеловеческие мучения, а, преодолев их, начинают жить сначала. Для верующих на Сахалине возведены церкви. И А. П. Чехов часто упоминает их: «На берегу несколько домиков и церковь»¹⁷; «в шести верстах от Дуэ <...> по соседству мало-помалу стала вырастать резиденция: помещения для чиновников и канцелярий, церковь <...>»¹⁸; «главную суть поста составляет его официальная часть: церковь, дом начальника острова, его канцелярия»¹⁹; «серая деревянная церковь»²⁰; «белеет церковь, старой, простой и потому красивой архитектуры»²¹ и др. Как видно из примеров, описание какого-либо поселения, поста А. П. Чехов нередко начинает именно с указания на наличие или отсутствие церкви, что свидетельствует о важности веры в духовной жизни людей. Отметим, что на Сахалине жили представители различных конфессий и вероисповеданий (остров был и остается полинациональным), которые, однако, мирно соседствовали друг с другом. Вот как об этом пишет А. П. Чехов: «Католики жаловались мне, что ксендз приезжает очень редко, дети подолгу остаются некрещеными, и многие родители, чтобы ребенок не умер без крещения, обращаются к православному священнику <...> Когда умирает католик, то, за неимением своего, приглашают русского священника, чтобы он пропел “Святой Боже”»²².

Затронув религиозную тему, нельзя не сказать о такой особенности Сахалина, как его многонациональность (что и является причиной большого количества религий на острове). Богатый этнический состав Сахалина обусловлен тем, что к ссылке приговаривали независимо от национальной принадлежности. «Здесьние жители, – описывает А. П. Чехов одну из деревень, – это беспорядочный сброд русских, по-

¹³ Чехов, А. П. *Остров Сахалин (Из путевых записок)* / А. П. Чехов. – Владивосток–Южно-Сахалинск, 2010. – С. 88.

¹⁴ Там же. – С. 111.

¹⁵ Там же. – С. 117.

¹⁶ Там же. – С. 128.

¹⁷ Там же. – С. 22.

¹⁸ Там же. – С. 50.

¹⁹ Там же. – С. 51.

²⁰ Там же. – С. 92.

²¹ Там же. – С. 142.

²² Там же. – С. 248.

ляков, финляндцев, грузин <...>²³. С одной стороны, такое смешение не мешало поддерживать человеческие отношения, а, наоборот, способствовало ассимиляции культур; с другой – люди не стремились обживать эту землю, так как для каждого она была чужой, временным, как в это верили люди, местом пребывания. «Здесьние сельские жители еще не составляют обществ. Взрослых уроженцев Сахалина, для которых остров был бы родиной, еще нет, старожилов очень мало, большинство составляют новички; население меняется каждый год; одни прибывают, другие выбывают; и во многих селениях, как я говорил уже, жители производят впечатление не сельского общества, а случайного сброда. Они называют себя братьями, потому что страдали вместе, но общего у них все-таки мало и они чужды друг другу. Они веруют не одинаково и говорят на разных языках. Старики презируют эту пестроту и со смехом говорят, что какое может быть общество, если в одном и том же селении живут русские, хохлы, татары, поляки, евреи, чухонцы, киргизы, грузины, цыгане?..»²⁴.

На Сахалине, который увидел А. П. Чехов, не было определенного уклада, каждый из поселенцев и каторжан жил по-своему. Пример этому – описание А. П. Чеховым сахалинского быта: «На Сахалине попадаются избы всякого рода, смотря по тому, кто строил – сибиряк, хохол или чухонец, но чаще всего – это небольшой сруб <...> без всяких наружных украшений, крытый соломой <...> Двора обыкновенно нет. Возле ни одного деревца. <...> Если есть собаки, то вялые, не злые <...> И почему-то эти смиренные, безобидные собаки на привязи. Если есть свинья, то с колодкой на шее. Петух тоже привязан за ногу.

– Зачем это у тебя собака и петух привязаны? – спрашиваю хозяина.

– У нас на Сахалине все на цепи, – острит он в ответ. – Земля уж такая»²⁵.

«Такая» – значит, иная, другая, чужая. Нежелание людей признавать остров частью России объяснимо его назначением. Сахалин как место ссылки на рубеже XIX–XX веков вызывал у русских негативные эмоции, страх, вселял ужас. Тяжелые впечатления способствовали аналогичному восприятию писателем сахалинской природы. «С высокого берега, – пишет А. П. Чехов, – смотрели вниз чахлые, больные деревья; здесь на открытом месте каждое из них в одиночку ведет жестокую борьбу с морозами и холодными ветрами, и каждому приходится осенью и зимой, в длинные страшные ночи, качаться неутомно из стороны в сторону, гнуться до земли, жалобно скрипеть, – и никто не слышит этих жалоб»²⁶.

²³ Чехов, А. П. *Остров Сахалин (Из путевых записок)* / А. П. Чехов. – Владивосток–Южно-Сахалинск, 2010. – С. 110.

²⁴ Там же. – С. 193.

²⁵ Там же. – С. 41.

²⁶ Там же. – С. 86.

Как природные жалобы остаются без ответа, так и стоны людей, караемых законом и окружающей действительностью, не доходят до высокого начальства. Но чеховские сахалинцы, словно деревья, отстаивают свое право на жизнь, а порой и на существование. Таким удручающим настроением пронизан весь «Остров Сахалин», потому что так прочувствовал Сахалин А. П. Чехов.

Таким образом, в путевых записках А. П. Чехова «Остров Сахалин» можно условно выделить «большой» (Россия) и «малый» (Сахалин) миры, «центральный» и «региональный» концепты, которые воплотились в следующих признаках:

1) особенностях русского менталитета. Первые впечатления иной, «не русской» жизни от Николаевска меняются у А. П. Чехова по мере узнавания реальной ситуации на Сахалине. А. П. Чехов видит воров, убийц, опустившихся в нравственном и физическом смысле людей. Но в то же время ему открывается каторжанин, верующий, терпимый, любящий Россию. Писатель видит на острове своеобразную модель Российского государства, где важную роль играет церковь и где мирно уживаются представители разных этнических групп. В этом проявляются такие черты русского человека, как соборность и толерантность;

2) исторической достоверности. А. П. Чехов в письменной форме зафиксировал историю каторги в ее наиболее активный период. Книга произвела переворот в общественном сознании, так как была создана очевидцем тех событий;

3) социальной составляющей. Население острова полинационально. Это благоприятствует взаимопроникновению и обогащению культур, учит видеть в человеке личность без внимания к этнической принадлежности. Формируется особый микроклимат. Но, несмотря на то, что осужденным предстоит провести на острове определенную часть своей жизни, Сахалин остается для людей временным пристанищем, что накладывает отпечаток на все сферы быта, объясняя бесхозяйственность, равнодушное, потребительское отношение к природным богатствам острова;

4) природном компоненте. Удрученный тяжелыми обстоятельствами ссылки, А. П. Чехов уделил мало внимания сахалинской природе. Но и тем немногочисленным описаниям, отразившим уникальность сахалинского климата и ландшафта, присущи серые, унылые, безрадостные тона.

Книга А. П. Чехова «Остров Сахалин» – не столько о каторге и ее нравах, сколько о русском обществе в целом, о его моральной и нравственной стороне в несколько иных условиях.

МАРИЯ ЛЕОНТЬЕВНА СЕМАНОВА О САХАЛИНСКОМ ПЕРИОДЕ ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВА А. П. ЧЕХОВА

Имя доктора филологических наук Марии Леонтьевны Семановой не отражено достойным образом в биографической литературе. Очень неполные сведения о ней дает «Краткая литературная энциклопедия». Справочник «Библиография работ об А. П. Чехове на русском и иностранном языках за 1961–2005 гг.» под редакцией В. Б. Катаева включает 35 публикаций работ М. Л. Семановой и рецензий на них (16). Многие ее работы вышли до 1961 года. О жизни и творчестве Марии Леонтьевны удалось обнаружить лишь две статьи обзорного характера. Автор одной – Кира Дмитриевна Гордович, профессор Санкт-Петербургского университета технологии и дизайна. Статья написана к столетию Марии Леонтьевны, опубликована в шестом выпуске «Вестника Герценовского университета» за 2008 год (1). Статья поместилась на двух страницах. Автор другой статьи «Исследователь и педагог: М. Л. Семанова (1908–1995)» – Эмма Артемьевна Полоцкая (1922–2007). Опубликована в сборнике «Чеховиана. Чехов и его окружение» (2).

Мария Леонтьевна Семанова родилась 27 июня 1908 года в городе Омске. В 1930 году окончила литературное отделение педагогического факультета Иркутского университета (3). В 22 года вышла замуж и уехала в Ленинград, поступила в аспирантуру при Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена (2). В 1941 году ее окончила. Перед самой войной М. Л. Семанова защитила кандидатскую диссертацию о поездке Чехова на Сахалин. Ее руководителем в работе над диссертацией был В. А. Десницкий. Вместе с институтом М. Л. Семанова эвакуировалась в город Кыштым Челябинской области. В эвакуации уже преподавателем Герценовского института М. Л. Семанова продолжала заниматься сибирско-сахалинской тематикой. В 1944 году в своей ранней статье «Отражение сибирских впечатлений в творчестве А. П. Чехова» она впервые проанализировала очерки «Из Сибири», рассказ «Гусев» (11). Вернувшись в 1944 году из эвакуации, она продолжала с прежним усердием работать в библиотеках и архивах. Следующей темой ее исследований стали шестидесятники XIX века. В объекте внимания Марии Леонтьевны были Н. Успенский, Н. Помяловский, А. Левитов, Ф. Решетников, И. Тургенев, Н. В. Гоголь, А. П. Чехов. Она увлеклась творчеством писателя Василия Слепцова и в 1968 году защитила докторскую диссертацию «В. А. Слепцов – художник и публицист». В Ленинградском педагогическом институте имени А. И. Герцена М. Л. Семанова проработала 35 лет до 1976 года (2). О работе Марии Леонтьевны на кафедре

русской литературы К. Д. Гордович написала с очень высокой оценкой. Мария Леонтьевна была замечательным преподавателем, умеющим заинтересовать, увлечь слушателей. Она читала учебные курсы, руководила аспирантами, курировала факультет повышения квалификации. Последние десять лет жизни она провела в Москве, оставив педагогическую деятельность. Все те, кто имел счастье учиться у М. Л. Семановой, хранят о ней благодарную память.

На протяжении всей жизни в поле ее внимания оставалась чеховская тема.

В 1949 году вышла ее книга, адресованная учителям, «Чехов в школе», второе ее издание появилось в 1954 году (4). В 1966 году – «Чехов и советская литература. 1917–1935» (5). В 1976 году – монография «А. П. Чехов – художник» (6).

Последняя книга М. Л. Семановой в соавторстве с Л. Н. Душиной сборник статей «Творческая история произведений русских писателей» вышла в издательстве «Просвещение» в 1990 году (7). В статье этой книги М. Л. Семанова рассматривает творческую историю «Вишневого сада» в аспекте с другими рассказами Чехова.

Мария Леонтьевна в годы своей трудовой жизни проявила себя также как замечательный редактор, составитель сборников. Ее вступительные статьи опубликованы в ряде изданий. В их числе : «Страницы русской литературы середины XIX века» (8), «Анализ художественного произведения в контексте творчества писателя» (9).

Для нас, сахалинцев, М. Л. Семанова дорога как автор исследований сахалинской книги А. П. Чехова, осуществленных с высочайшим профессионализмом большого ученого.

Библиографы областной библиотеки при составлении библиографического указателя «А. П. Чехов на Сахалине» в 1984 году разыскали 17 записей работ М. Л. Семановой, основанных на анализе книги «Остров Сахалин» и впечатлений писателя от поездки на остров (10).

Хронология исследований сахалинской страницы биографии писателя Чехова Марией Леонтьевной Семановой по тем источникам, которые удалось отыскать, выглядит следующим образом.

1941 год. Подготовлена и защищена кандидатская диссертация по поездке А. П. Чехова на Сахалин.

1944 год. Написана статья «Отражение сибирских впечатлений в творчестве А. П. Чехова» (11).

1948 г. Выходит в Гослитиздате десятый том 20-томного собрания сочинений А. П. Чехова с включением книги очерков «Остров Сахалин». Примечания к десятому тому готовила М. Л. Семанова.

1956 г. Выходит также в Гослитиздате десятый том 12-томного собрания сочинений А. П. Чехова с примечанием М. Л. Семановой.

1963 г. Вновь выходит в Гослитиздате десятый том 12-томного собрания сочинений А. П. Чехова. Наряду с другими произведениями

А. П. Чехова включен «Остров Сахалин». Примечания М. Л. Семановой.

1972 год. М. Л. Семанова участвует в Чеховских чтениях в Таганроге. Она выступает с темой «О безымянных лицах в сахалинских очерках Чехова» (12). Что побудило Марию Леонтьевну взяться за столь сложную и абсолютно неисследованную тему? Она сама отвечает в тексте статьи: «Выявить их имена, “расшифровать” фамилии – необходимо для более полного представления о документальной основе его очерков, объеме и процессе работы писателя над “сахалинской литературой”, идейно-творческих замыслах автора и формах выражения авторского отношения, авторских оценок» (12, с. 20–21). Обращение к архивным документам и печатным материалам помогло ей выявить имена тех лиц, которых писатель не считал нужным назвать по цензурным, этическим, творческим причинам. Возможно, некоторые лица были ему не интересны как индивидуальности и автору не хотелось вступать с ними в открытую полемику. М. Л. Семанова пишет: «Но каковы бы ни были причины “сокрытия” имен в очерковой книге, дело исследователя творчества писателя – попытаться найти их и тем самым представить в более полном объеме тот жизненный материал, который лежит в основе документально-художественного произведения» (12, с. 35). Читатель получил возможность узнать имена неназванных ученых, авторов книг и статей, прочитанных Чеховым, представить живых людей, с которыми общался писатель в дороге на Сахалин и обратно, в период жизни на острове. На 15 страницах статьи «О безымянных лицах в сахалинских очерках Чехова» М. Семанова поместила сведения об огромном числе лиц, выполнив таким образом задачу исследователя. Она называет подлинные имена, по возможности сопровождает их биографическими данными, описанием основных черт характера. Например: «Недавно в Рыковском скончалась фельдшерица...», – пишет Чехов. Имя этой самоотверженной женщины, о которой Чехов пишет с явной симпатией, – Мария Антоновна Кржижевская. Фамилию и имя выявила М. Семанова. Поясняя фразу Чехова, что у некоторых здешних чиновников «замечается предрасположение к чахотке, к нервным и психическим заболеваниям», М. Семанова пишет, что он имел в виду реальные факты: «психическое расстройство дочери врача Б. А. Перлина, смерть от чахотки двух сыновей и дочери смотрителя А. С. Фельдмана. И как будто предсказал судьбу Д. С. Климова, Н. Н. Ярцева, умерших позднее от чахотки, И. И. Белого, скончавшегося в психиатрической больнице» (12, с. 31). Все находки М. Л. Семановой, освещенные в этой статье, уйдут в ее последующие работы.

Продолжая хронологию изучения сахалинского периода в жизни и творчестве А. П. Чехова М. Л. Семановой, отмечаем следующее.

1972 год. Опубликована в журнале «Русская литература» статья «Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными?» (13).

Как известно, А. П. Чехову сахалинское начальство не разрешило об-

щение с политическими заключенными. В самом ли деле изолировал себя писатель в те месяцы от политических ссыльных? Запрет был негласно нарушен. При Чехове было на Сахалине сравнительно немного осужденных за государственные преступления. М. Л. Семанова указывает цифру около 40 человек. В ее статье приводятся материалы о 36 русских народо-вольцах и польских революционерах, которых Чехов знал, в книге не назвал, но 20 политических осужденных записал на переписные карточки.

1974 год. Написана статья «Работа над очерковой книгой» для сборника «В творческой лаборатории Чехова» (14). Мария Леонтьевна анализирует работу писателя над очерками, составившими книгу «Остров Сахалин». Эта работа Чехова продолжалась с перерывами с 1890 по 1895 г. Проследить историю создания произведения от замысла до окончательного варианта ей помогли сохранившиеся рукописи книги, издания отдельных глав, отдельные книги.

1978 год. Выходит в свет в издательстве «Наука» 14–15 том Полного собрания сочинений и писем А. Чехова в 30 томах (15). Самое полное собрание сочинений подготовлено Институтом мировой литературы имени А. М. Горького и выходило в свет в 1974–1983 гг. Сдвоенный том 14–15 на 927 страницах включает очерки «Из Сибири» на 38 страницах. Вся другая часть тома – «Остров Сахалин (Из путевых записок)», его «Варианты», «Примечания», «Список книг, статей, газетных корреспонденций, связанных с работой А. П. Чехова над очерками “Из Сибири” и книгой “Остров Сахалин”», «Алфавитный указатель имен и названий», «Список иллюстраций». Тексты, варианты и примечания подготовила М. Л. Семанова. Сотрудники Чеховской группы ИМЛИ им. Горького принимали участия в редактировании издания (15, с. 761). Таким образом, М. Л. Семанова проделала огромную исследовательскую работу по подготовке научного издания 14–15 тома в ПСС Чехова. В «Примечаниях» она поместила очень подробный обзор о путешествии писателя на остров, который мог бы стать отдельной самостоятельной работой Марии Леонтьевны. Удивляют потрясающая научная добросовестность исследователя, точность, колоссальный труд по сбору материала. Жанр книги Чехова М. Л. Семанова определяет следующим образом: «Это книга научно-публицистического характера», в которой есть «художественные зарисовки, сделанные по личным наблюдениям» (15, с. 782–783). Ее значение для общества, по словам М. Семановой, следующее: «Путешествие и книга Чехова заставили обратить внимание на Сахалин официальных лиц. Министерство юстиции и Главное тюремное управление командировали на каторжный остров своих представителей» (15, с. 796). Это мнение было высказано в 1978 году.

1984 год. В Москве в издательстве «Советская Россия» отдельным изданием выходит «Остров Сахалин» (16). В редколлегии 11 выдающихся российских филологов. Вступительную статью и примечания к тексту подготовила М. Л. Семанова.

1993 год. Иркутский государственный университет выпускает сборник научных трудов под названием «О поэтике А. П. Чехова». В сборнике статья М. Л. Семановой «Мое святое святых <...> абсолютнейшая свобода» (книга о Сахалине в контексте творчества А. П. Чехова) (17).

Если верить авторитетному справочнику «Библиография работ об А. П. Чехове на русском и иностранном языках. 1961–2005 гг.» (18), других опубликованных работ о сахалинской книге в последующие годы у Марии Леонтьевны не было.

Эмма Артемьевна Полоцкая писала, что Мария Леонтьевна в 90-е годы много болела, но зорко следила за новыми книгами, если они были о Чехове, посещала научные собрания в Доме-музее А. П. Чехова на Садово-Кудринской. Скончалась М. Л. Семанова 14 июня 1995 г. Некролога по поводу ее смерти не обнаружено.

Г. И. Мироманов переписывался с Марией Леонтьевной, приглашал ее на Сахалин поучаствовать в чеховской конференции к 100-летию поездки писателя на остров. В музее книги «Остров Сахалин» хранится ее ответ от 25 августа 1989 г.

В 2009 году на Сахалине прошло мероприятие под названием «Литературный поезд “Дорогой А. П. Чехова: библиотеки и музеи провинции”». Оно было приурочено к 110-летию со дня рождения писателя. В числе гостей был представитель от чеховской семьи, потомок по линии дяди Митрофана Егоровича Дмитрий Михайлович Чехов. Участники «Литературного поезда...» посетили чеховские места на острове. Гость области, участница «Литературного поезда...», заведующая сектором рукописей Российской государственной библиотеки Евгения Эдуардовна Вишневская в своих выступлениях информировала о кодикологическом исследовании чернового автографа книги Чехова, которое проходит в главной библиотеке Российской Федерации, и подготовке к выпуску нового издания путевых очерков писателя. В нем будут восстановлены все правки, все зачеркнутые тексты писателем и включены в общий текст. Потребуется составление комментария к новому изданию книги «Остров Сахалин». Исследования М. Л. Семановой будут востребованы.

За время, прошедшее с того момента, как в 1978 году М. Л. Семановой был составлен комментарий к чеховской книге, был накоплен большой исторический материал. Сахалинские исследователи стали находить неточности в примечаниях, подготовленных М. Л. Семановой к книге «Остров Сахалин», да и в самой книге Чехова «Остров Сахалин». Например, И. А. Самарин обратил внимание на неточно указанные год рождения Бенджамина Ховарда и время его пребывания на Сахалине в «Примечаниях» к тому 14–15 ПСС А. П. Чехова (19). Другой пример. В честь кого была названа Владимировка? Чехов писал, что селение названо в честь майора Владимира, заведовавшего каторжными работами. В «Указателе имен и названий», подготовленных М. Л. Семановой, указан Иванов Владимир Степанович (15, с. 907). В книге «Южно-Сахалинск: три

цвета времени» читаем, что такого майора в то время не было (21, с. 20). Вслед за К. Браславцем (20, с. 127) А. И. Костанов подтверждает, что название селению дано в честь майора Владимира Наполеоновича Янцевича – начальника Южно-Сахалинского округа.

В 2010 году вышел в свет новый «Комментарий к книге А. П. Чехова “Остров Сахалин”» (22). Подготовлен доктором исторических наук М. С. Высоковым. Во «Введении» он дает высокую оценку научному наследию М. Л. Семановой: «...ею был подготовлен целый ряд оригинальных исследований, посвященных сахалинскому путешествию А. П. Чехова и его книге “Остров Сахалин”», – пишет М. С. Высоков (22, с. 7). К исследованиям М. Л. Семановой он многократно обращается, то отрицает ее мнение, то соглашается и переносит ее сведения в свой «Комментарий» со ссылкой на М. Л. Семанову.

27 июня 2013 года исполнится 105 лет со дня рождения М. Л. Семановой. В научных трудах она продолжает жить.

Литература

1. Анализ художественного произведения: худож. произведение в контексте творчества писателя : кн. для учителя / под. ред. М. Л. Семановой. – М. : Просвещение, 1987. – 175 с.

2. А. П. Чехов на Сахалине : библиогр. указ. / Сахалин. обл. б-ка ; сост. : В. Г. Борисова, Г. М. Чертовских. – Невельск, 1984. – 98 с.

3. Браславец, К. М. История в названиях на карте Сахалинской области / К. М. Браславец. – Южно-Сахалинск, 1983. – 144 с.

4. В творческой лаборатории Чехова. – М. : Наука, 1974. – С. 118–142.

5. Высоков, М. С. Комментарий к книге А. П. Чехова «Остров Сахалин» / М. С. Высоков. – Владивосток–Южно-Сахалинск, 2010. – 847 с.

6. Гордович, К. Д. Мария Леонтьевна Семанова: к 100-летию со дня рождения / К. Д. Гордович // Вестник Герценовского университета. – 2008. – № 6. – С. 66–68.

7. Долженков, П. Н. Библиография работ об А. П. Чехове на русском и иностранных языках за 1961–2005 гг. / П. Н. Долженков, В. Б. Катаев ; Чеховская комис. Совета по истории мировой культуры РАН, МГУ. – М. : изд-во Моск. ун-та, 2010. – 764 с.

8. Краткая литературная энциклопедия : в 9 т. / гл. ред. А. А. Сурков. – Т. 6. – М., 1971. – С. 738.

9. Полоцкая, Э. А. Исследователь и педагог: М. Л. Семанова (1908–1995) / Э. А. Полоцкая // Чеховиана: Чехов и его окружение. – М., 1996. – С. 383–385.

10. Самарин, И. А. 1890 год: доктор Чехов и доктор Ховард на Сахалине / И. А. Самарин // VIII Чеховские чтения / Лит.-худож. музей кн. А. П. Чехова «Остров Сахалин». – Южно-Сахалинск, 2005. – С. 7.

11. Семанова, М. Л. Чехов в школе / М. Л. Семанова. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1954. – 282 с.

12. Семанова, М. Л. Чехов и советская литература. 1917–1935 / М. Л. Семанова. – М. ; Л. : Советский писатель : Ленингр. отд-ние, 1966. – 311 с.
13. Семанова, М. Л. Чехов-художник / М. Л. Семанова. – М. : Просвещение, 1976. – 224 с.
14. Семанова, М. Л. Творческая история произведений русских писателей : кн. для учителя // М. Л. Семанова. – М. : Просвещение, 1990. – 192 с.
15. Семанова, М. Л. О безымянных лицах в сахалинских очерках Чехова / М. Л. Семанова // Чеховские чтения : Таганрог-1972. – Ростов н/Д., 1974. – С. 20–35.
16. Семанова, М. Л. Общался ли Чехов на Сахалине с политическими ссыльными / М. Л. Семанова // Русская литература. – 1972. – № 1. – С. 146–157.
17. Семанова, М. Л. «Мое святое святых <...> абсолютнейшая свобода»: (книга о Сахалине в контексте творчества А. П. Чехова) / М. Л. Семанова // О поэтике А. П. Чехова : сб. науч. тр. ; под ред. А. С. Собенникова. – Иркутск : изд-во Иркут. ун-та, 1993. – С. 66–88.
18. Страницы русской литературы середины XIX века : сб. науч. тр. / Ленингр. гос. пед. ин-т им А. Герцена. – Л., 1974. – 171 с.
19. Ученые записки Омского вечернего пединститута, каф. лит., каф. языка. – Омск, 1944. – С. 13–31.
20. Чехов, А. П. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. / А. П. Чехов ; примеч. М. Л. Семановой. – Т. 14–15 : Сочинения : Из Сибири ; Остров Сахалин. 1890–1995. – М. : Наука, 1978. – 925 с.
21. Чехов, А. П. Остров Сахалин / А. П. Чехов ; авт. вступ. ст. и примеч. М. Л. Семанова. – М. : Советская Россия, 1984. – 366 с.
22. Южно-Сахалинск: три цвета времени / авт. текста : А. И. Костанов, В. В. Семенчик. – Владивосток : Рубеж, 2002. – 175 с.

ОПЫТ ПЕРВЫХ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ УСЛОВИЙ И УРОВНЯ ЖИЗНИ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА САХАЛИНА НА ПРИМЕРЕ НИВХОВ

Среди документов по коренным малочисленным народам Севера, хранящихся в фондах Государственного исторического архива Сахалинской области, представляют интерес материалы первых социологических исследований условий и уровня жизни нивхского населения, проживающего в Ногликском и Охинском районах¹. Исследования проводились согласно распоряжению Сахоблисполкома «О проведении анкетирования среди народностей Севера Сахалинской области» от 03.12.87 г. № 618 и были выполнены сотрудниками лаборатории рационального природопользования Института морской геологии и геофизики ДВО АН СССР с 3 по 7 декабря 1987 года.

Была разработана анкета по изучению мнений народностей Севера о направлениях дальнейшего улучшения условий и повышения уровня жизни, содержащая 22 вопроса, в том числе пол, возраст, состав семьи, средний месячный заработок, семейный доход и др. Исследования имели практическую направленность и конкретные аспекты изучения условий жизни: образование, отношение к льготной политике, трудовая занятость, пенсионное обеспечение, жилищная проблема, обращения в различные организации, возможность выезда в бывшие нивхские поселения, досуг, удовлетворенность условиями жизни. Анкетирование проводилось методом непосредственного опроса.

Цель исследований заключалась в оценке современного состояния условий и уровня жизни нивхского населения для дальнейшей выработки взаимоприемлемых путей решения имеющихся проблем.

Всего было проинтервьюировано 200 человек, в том числе 199 нивхов и одна орочанка, что с учетом членов их семей составило 811 человек. Шесть человек из 200 по разным причинам отвечать на вопросы анкеты отказались. Кроме того, для получения сравнительных данных по отдельным позициям анкеты в п. Некрасовка были проведены собеседования с представителями других национальностей, в основном русских и украинцев. Данная выборка охватила около 40 % нивхского населения, которое на тот момент на Сахалине составляло около 2000 человек, поэтому представленный в отчете анализ проблем был достаточно объективным.

¹ ГИАССО. – Ф. 53. – Оп. 1. – Д. 2786. – Л. 281–291.

Образование

Результаты опроса показали, что с начальным образованием и без него были люди только старше 45–50 лет. Лица до 40 лет составляли 117 человек, а именно эта возрастная категория имела возможность использования преимуществ целенаправленной государственной политики улучшения условий и уровня жизни. Значительная часть молодежи получила высшее и среднее профессиональное образование, вместе с окончившими краткосрочные курсы насчитывалось 65 человек. На первый взгляд – вполне благополучная ситуация. Однако настораживало то, что из них по специальности трудились только 25 человек, остальные работали в основном рыбаками и рыбообработчиками, причем многих эта работа устраивала. Вопрос предоставления образования на льготных условиях требовал существенной проработки. Получалось, «сверху спускались» цифры приема и местные чиновники, формально проведя отбор, отправляли молодежь учиться без учета потребностей района в конкретных специалистах и возможности их дальнейшего трудоустройства по окончании учебы.

Отношение к льготам

Не все нивхи пользовались льготами. Часть семей самостоятельно оплачивала содержание своих детей в дошкольных учреждениях. Многие родители выражали несогласие с тем, что в Ногликах прием детей-нивхов в обычную среднюю школу ограничен, и они могут обучаться только в школе-интернате. Авторы исследования отметили, что предоставление данной льготы имело ряд негативных моментов. У определенной части родителей это порождало иждивенческое поведение, нежелание обременять себя заботами о воспитании и образовании детей. Кроме того, чрезмерная опека детей не развивала в них сознания необходимости приложения усилий для достижения цели, и они отступали при столкновениях с трудностями (этим объяснялся значительный отсев детей-нивхов из средних специальных и высших учебных заведений). Но самое серьезное и тревожное последствие – разрыв преемственности поколений: длительное проживание детей в школе-интернате отдаляло их от родителей и не способствовало приобретению детьми чисто житейских и традиционных трудовых навыков по вылову рыбы, охоте на морзверя и приготовлению национальных блюд.

Что касалось льготы по вылову лососевых, претензии относились к существовавшей норме и жестким срокам вылова рыбы в течение пяти дней. Руководство колхозов организовало добычу рыбы своими силами и продавало ее коренному населению по вдвое низким ценам, покрывая расходы за счет собственных средств. Но предпринятые меры не решили проблему: нивхи отказывались брать рыбу, считая ее не свежей, а среди колхозников других национальностей правомерно возникало возмущение тем, что они не могут приобрести рыбу по таким же ценам. Кроме того, это лишало нивхов возможности самим заниматься tradi-

ционным занятием. Изучив мнения людей, исследователи предложили разрешить лов лососевых в течение всего сезона, усилив при этом работу органов рыбинспекции, а также введением платного лицензионного лова лососевых.

Также вызывали беспокойство проблемы, связанные с промыслом морского зверя: отсутствие четкой организации добычи, сложности формирования бригад по добыче морзверя с огнестрельным оружием ввиду нехватки кадров.

Точка зрения передовой части нивхского населения выражалась в том, что «льготы должны распределяться дифференцировано и тем, кто в них действительно нуждается».

Трудовая занятость нивхского населения

Национальная политика советского государства в послевоенное десятилетие – один из главных координаторов строительства социализма в среде коренных народов. Национальные рыболовецкие колхозы – «Красная заря» Охинского района и «Восток» Ногликского района, были созданы в 1950-х годах в результате объединения мелких нивхских рыболовецких хозяйств, расположенных на побережьях заливов Лунского, Дагинского, Ныйского, Набилы, Чайво и Пильгун. Эта кампания сопровождалась целевым переселением людей в п. Некрасовка и пгт. Ноглики, где находились центральные усадьбы колхозов. К 1980-м годам нивхам был создан полный комплекс условий жизни: предоставлены жилье, детские дошкольные учреждения, построена специальная средняя школа-интернат в п. Некрасовка и т. п.

Создание двух укрупненных колхозов обусловило появление новой проблемы: происходило постепенное вытеснение представителей коренного народа из рыболовного промысла. В традиционных местах проживания в производственном процессе было задействовано все население. Трудовая деятельность начиналась в раннем возрасте, что способствовало передаче навыков и закреплению национальных традиций у подрастающего поколения. В благоустроенных поселках значительно снизилась интенсивность занятости нивхов. Сорванные с веками насыщенных мест проживания и промысловых угодий, лишенные привычного уклада жизни, нивхи были вовлечены в жесткие рамки плановой экономики. Нерациональное использование природных ресурсов привело к оскудению запасов промысловых ценных пород рыб прибрежной зоны. Для поддержания финансового положения колхозы предпринимали дальние экспедиции в район Курильских островов, в которых нивхи отказывались участвовать. Приглашение специалистов со стороны значительно сужало традиционную сферу занятости коренного населения. Можно ли было говорить о национальном статусе рыболовецкого колхоза «Восток», где руководящие должности занимали не нивхи, а среди работающих в нем нивхи составляли 25 %? Оставаясь в бригадах прибрежного лова, нивхи из-за нехватки рыбы оказывались без работы

и без денег. Особенно сложная ситуация возникала в межсезонье – дело доходило до того, что рыбаков, членов колхоза, отпускали на заработки в другие организации, количество которых по месту жительства нивхов было невелико.

Вследствие отсутствия сырья – шкур морского зверя для изготовления национальной одежды, необходимого оборудования и неукomплектованности кадрами нередко простаивали цеха народных художественных промыслов.

Исследователи подчеркнули имеющиеся различия в условиях проживания нивхов по районам. В пгт. Ноглики и пгт. Катангли наблюдалась большая вовлеченность нивхов в общественное производство, в первую очередь, за счет большого выбора направлений трудовой деятельности. При этом негативного отношения к нивхам в рабочих коллективах нефтегазодобывающей отрасли и других не встречалось, работой в этих организациях они сами были удовлетворены. В п. Некрасовка выбор мест работы был ограничен, нивхи составляли половину населения – здесь ощущалась их «обособленность» и большая заостренность конфликтных ситуаций.

Пенсионное обеспечение

Из-за отсутствия документов пожилые нивхи, много лет проработавшие в маленьких колхозах до их объединения, длительное время не получали пенсии. Лишь с середины 1980-х, при наличии двух свидетелей о трудовой деятельности до 1953 года, им стали выплачивать пособие в размере 40 рублей, но оставались отдельные лица, которые еще не имели даже этого – из-за бюрократизма администрации колхозов неграмотным старикам приходилось самим оформлять необходимые документы. Трагично сложилась ситуация с пожилыми людьми, бывшими колхозниками, оставшимися жить в брошенных селениях Венское и Романовка, там колхозы не помогали даже в приобретении дров. Мнение исследователей сводилось к тому, что «прежде всего, колхозы должны изменить отношение к пенсионерам, оказывать им регулярную помощь».

Жилищная проблема

На трудности с жильем указали 48 % опрошенных. Недовольство нивхов в решении жилищной проблемы вызвано следующими причинами: 1) первоочередное предоставление жилья вновь прибывающим на работу в национальные колхозы, и не только специалистам; 2) первоочередное предоставление ремонтных и других коммунальных услуг не нивхам; 3) формализм в решении любых жилищных вопросов с нивхами.

По наблюдениям сотрудников лаборатории жилищные условия нивхов были неудовлетворительные. Хотя, по отчетным данным, все семьи были обеспечены отдельной квартирой, в основном это были неблагоустроенные (без водопровода, канализации, горячей воды, санузла) одно-, двухкомнатные деревянные одноэтажные дома с печным отопле-

нием. Большая часть домов была построена до 1965 года, имела износ до 50 % и подлежала списанию под снос. Вновь построенные коттеджи «северного исполнения» в п. Некрасовка требовали модернизации, так как в них было холодно, а размеры участка не позволяли иметь приусадебное хозяйство.

На вопрос об их личном участии в строительстве жилья большинство высказало мысль, что в этом деле необходимо организующее начало либо колхоза, либо какой-нибудь другой организации, поскольку считали непреодолимыми трудности как с получением строительных материалов, так и возможностью своими силами построить жилье.

Степень остроты этой проблемы характеризуют анкетные данные по обращениям нивхов в различные инстанции.

Обращения коренного населения в различные инстанции

Из 129 обращений в различные инстанции на местные исполкомы приходилось 31 (28 – в Ногликский райисполком и три – в Охинский горисполком); в республиканские и союзные организации – два, остальные – в правление колхоза или сельсовет. Таким образом, в основном спорные вопросы и конфликтные ситуации разрешались на местах. Круг наиболее часто встречающихся вопросов выглядел так (в %): трудоустройство – девять, помощь с пропиской – четыре, получение нового жилья – 31, ремонт жилья (невыполнение заявок на ремонт и почти полное отсутствие стройматериалов как в колхозах, так и в магазинах) – 31, материальная помощь и пенсионное обеспечение – семь, разное (нормы вылова, устройство детей, разрешение на охоту) – 18.

Анализ рассмотренных проблем показал, что в 26 % случаев вопрос решался положительно, в 41 % случаев помощь была обещана, но окончательный ответ не дан и в 33 % случаев следовали отказы и нерешенные вопросы.

Интервьюерами отмечалось лучшее знание ситуации и, как следствие, более четкая организация отдельных мероприятий отделом народностей Севера Ногликского райисполкома, который находился непосредственно в самом поселке, тогда как аналогичный отдел Охинского горисполкома располагался в г. Охе – за 40 км от п. Некрасовка, неслучайно количество обращений туда незначительно.

Выезд в бывшие нивхские поселения

Желание вернуться в бывшие нивхские поселения на побережье Охотского моря изъявили в большинстве своем люди старше 40 лет, которые хорошо помнили жизнь на побережье, а также люди среднего возраста, у которых прошло там детство. Причем абсолютное большинство, изъявивших желание вернуться на морское побережье, считали это возможным только при условии постройки там благоустроенного поселка. Около трети из общего числа опрошенных хотели иметь временное жилье на берегу моря типа дачных поселков для проведения отпусков, заготовки рыбы и т. п.

Досуг

Серьезного внимания заслуживала проблема досуга. Более 30 % опрошенных, в основном в возрасте до 30 лет, отметили слабое культурное обслуживание и ограниченные возможности для занятия спортом. Во всех обследованных поселках отсутствовали спортивные залы, кружковая работа в Домах культуры практически не велась.

По мнению исследователей, отсутствие постоянной заботы о воспитании подрастающего поколения, проблемы занятости и досуга в определенной мере способствовали пристрастию нивхов к алкоголю.

На вопрос «удовлетворены ли вы условиями жизни в этом населенном пункте?» половина опрошиваемых ответила положительно, отрицательный ответ дали 40 человек (20 %). В качестве положительного критерия жизни в поселках почти все указали на наличие в квартирах газа, воды и телевизоров.

Заключение

Выполненные исследования представили разностороннюю и реальную картину жизни нивхского народа, дополнив «сухую» благополучную статистику официальных отчетов конкретными данными об интересах и актуальных проблемах, уровне и качестве жизни, ценностных установках и настроениях людей с учетом «личного» мнения каждого респондента. Была сделана попытка показать уязвимые стороны проводимой государственной национальной политики и поднять волнующие нивхов наиболее болезненные вопросы. Прослеживалась мысль авторов о том, что мероприятия, направленные на улучшение условий жизни коренного народа, должны учитывать мнение этого народа, иначе они не жизнеспособны. Централизованное управление всеми сторонами жизни коренных малочисленных народов не учитывало местных этнокультурных традиций. Так, волевые решения властей о переселении нивхов в благоустроенные поселки обеспечили им не только комфорт и блага цивилизации (как отметили сами нивхи, «газ, водопровод, телевизор»), но и привели к разрушению традиционного образа жизни. Исследователи отметили обратную сторону государственной опеки – неумение, а порой и нежелание людей взять ответственность на себя за решение своих проблем. Но были и такие, кто хотел принимать самостоятельные решения, это те самые люди, которые позднее организовали и возглавили общественные организации, поставившие своей целью национальное возрождение народов². Выводы и рекомендации социологов были направлены председателям Охинского горисполкома и Ногликского райисполкома для изучения и совместной подготовки проекта решения Сахоблисполкома о принятии мер по улучшению социально-экономических условий жизни коренных малочисленных народов Севера с уче-

² ГИА СО. – Ф. 1198. – Оп. 1. – Д. 209, 230.

том их насущных потребностей. Прикладное значение выполненных исследований состояло в том, что они обеспечили обратную связь между органом исполнительной власти – Сахалинским областным исполнительным комитетом депутатов трудящихся и нивхским населением. В результате, например, были внесены изменения в Порядок организации вылова лососевых и добычи морского зверя для личных нужд народностей Севера: нормы вылова лососевых рыб увеличены до 100 кг, а сроки лова продлены на время, необходимое для полного обеспечения вылова установленных лимитов³. Кроме того, уже в мае 1988 года Сахоблисполком⁴ вышел в Госплан РСФСР с предложением в законодательном порядке установить для престарелых граждан народностей Севера – мужчинам, достигшим 55 лет, и женщинам, достигшим 50 лет, пожизненно ежемесячное пособие в размере 70 рублей, а также разрешить за счет средств местного бюджета осуществлять доплаты к пенсиям.

Анализ и обобщение данных социологического отчета стали пробным шагом для научного изучения перспектив дальнейшего развития коренных малочисленных народов Севера. Возможно, если бы подобные исследования стали нормой и проводились регулярно, а целью их была не только «выработка взаимоприемлемых решений», но и, прежде всего, возрождение, сохранение и развитие национальных традиций, многих ошибок удалось бы избежать.

³ ГИАССО. – Ф. 1198. – Оп. 1. – Д. 209, 230. – Л. 91–93.

⁴ Там же. – Л. 154.

Я. Е. Габриков,
В. А. Карпов

**СВЯЗЬ ПОКОЛЕНИЙ. ИСТОРИЯ ПОСЕЩЕНИЯ
ЯПОНСКИМИ ГРАЖДДАНАМИ МОГИЛ
СВОИХ ПРЕДКОВ НА ОСТРОВАХ
МАЛОЙ КУРИЛЬСКОЙ ГРЯДЫ В СЕНТЯБРЕ
1964 ГОДА (ПО РАССЕКРЕЧЕННЫМ ДОКУМЕНТАМ
ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
АРХИВА САХАЛИНСКОЙ ОБЛАСТИ)**

Культурные связи России и Японии насчитывают не одно столетие. При этом практика культурных контактов возникла не на пустом месте. Она во многом была подготовлена деятельностью выдающихся людей своего времени, а также стремлением народов двух стран лучше узнать друг друга. Однако, как это нередко бывает, на развитие двусторонних отношений оказывали влияние различного рода факторы как политического, так и иного характера. В этом отношении интересен тот факт, что, планируя поездку на остров Сахалин, А. П. Чехов по пути следования предполагал посетить и Страну восходящего солнца, но вспышка заболеваемости холерой на азиатском континенте, охватившая в том числе и территорию Японии, не позволила ему осуществить задуманное. История знает множество примеров такого рода контактов, как успешных, так и несостоявшихся. Остановимся на истории посещения японскими гражданами могил предков на островах Малой Курильской гряды в сентябре 1964 года.

Участие Советского Союза на завершающем этапе Второй мировой войны в военных операциях против Японии привело к тому, что советско-японские дипломатические отношения на более чем десятилетний период были фактически разорваны. Положение усугублялось тем, что начавшаяся война в Корее и эскалация напряженности в советско-американских и, как следствие, в советско-японских отношениях привели к окончательному прекращению даже неофициальных контактов между двумя странами. В складывающейся ситуации лишь кардинальные перемены могли произвести позитивный сдвиг в сторону сотрудничества.

Смена политического руководства как в СССР, так и в Японии создала определенные предпосылки для налаживания полноценного контакта между двумя странами. Несмотря на то, что государственная линия Японии в послевоенные годы испытывала постоянные колебания, а советская сторона в условиях «холодной войны» видела в дальневосточном соседе потенциального военного противника, это не помешало обеим сторонам прийти к заключению двустороннего соглашения.

Восстановление дипломатических отношений между СССР и Японией, начавшаяся «оттепель» и разрядка напряженности на международном уровне в середине 50-х годов создавали подходящие условия для расширения всесторонних контактов между двумя странами.

С начала 60-х годов в советско-японских отношениях наступает новая стадия, которую с полной уверенностью можно охарактеризовать как стадию «высокого прилива». Даже не подписав мирного договора, юридически, будучи странами, лишь «прекратившими боевые действия», оба государства развернули бурное сотрудничество¹. В рамках такого потепления в двусторонних отношениях стал возможен переход и к иным, более неформальным формам сотрудничества. Учитывая просьбы японского правительства, а также тот интерес, который проявляла общественность Японии к предстоящим визитам в СССР, с советской стороны был предпринят ряд шагов, направленных на закрепление достигнутых результатов.

12 мая 1964 года японским гражданам было дано разрешение посещать места захоронений их родственников на островах Хабомаи и Сикотан². В конце июня советской стороне через официального представителя Японии в Москве был передан план предстоящей поездки. Согласно данному плану, японская сторона проявила желание осуществить посещение островов двумя группами, количественный состав которых был определен в соотношении: «один представитель от каждой 20 семей, ранее проживавших на указанных островах. Поскольку число таких семей составляло 829, были сформированы группы общей численностью в 40 человек»³. С учетом того интереса, который общественность Страны восходящего солнца проявляла к предстоящему визиту, планировалось включение в состав обеих групп некоторого количества японских корреспондентов. Было предусмотрено с 1 по 6 августа посещение десяти мест захоронений в конкретно указанных местах в соответствии с заданным маршрутом.

Следует отметить, что местные советские власти проделали немалую подготовительную работу по организации предстоящей встречи. В рамках ее выполнения руководством области по просьбе советского МИДа была проведена работа по выявлению мест захоронения японских граждан на островах Малой Курильской гряды. По результатам проделанной работы со слов старожилов, пограничников и частично личным осмотром на месте было обнаружено порядка 20 могил, памятников и склепов. При этом большинство найденных захоронений на указанных островах находилось в полуразрушенном состоянии и

¹ Шумейко, И. Н. *Быть русским, советским в Японии 60-х* / И. Н. Шумейко // *Независимая газета*. – 11 апреля 2012 г.

² ГИАССО. – Ф. 53. – Оп. 7. – Д. 264. – Л. 145.

³ Там же. – Л. 159.

для приведения их в соответствующий вид требовалось проведение восстановительных работ. Для их организации Южно-Курильскому райисполкому было дано соответствующее распоряжение, в котором указывалось о необходимости приведения «в срок до 1 августа японских кладбищ в порядок»⁴. Согласно данному распоряжению, районные власти обязывались выполнить полную санитарную очистку причалов, улиц и подходов к предприятиям, посещение которых предусматривалось японской стороной.

Однако в связи с возникшими сложностями, связанными с расшифровкой надписей, благоустройством и приведением захоронений в санитарное состояние, восстановительные работы затянулись более чем на месяц, внося тем самым коррективы в планы японской стороны. Только к концу августа все указанные могилы и памятники были полностью восстановлены и приведены в порядок в соответствии с японскими обычаями.

Помимо переноса сроков посещения японцами островов Малой Курильской гряды советской стороной были внесены определенные коррективы и в другие пункты плана. Так, например, из соображений военно-стратегического и политического характера, а также учитывая то, что захоронения расположены в слабозаселенных пограничных районах, въезд на которые для иностранцев ограничен, круг предстоящих мест посещения был сужен до кладбища на острове Танфильева и захоронений на острове Шикотан в районе бухты Димитрова и рядом с селом Малокурильское. Со ссылкой на советское законодательство присутствие в составе групп японских корреспондентов, а также провоз на территорию островов гражданами Японии фото и киноаппаратов было запрещен. Посещение было разрешено только родственникам и сопровождающим их лицам, фотографирование при этом велось только с советской стороны.

При этом стоит обратить внимание на то, что не последнее место в вопросах организации контактов носила и идеологическая составляющая. Поэтому вполне естественным будет предположить, что в таких условиях тот план, который предлагала японская сторона, был переработан и приведен в соответствие с требованиями советской стороны.

Таким образом, произошли некоторые изменения изначально намеченной программы, которые, тем не менее, не повлияли на решимость японской стороны провести предстоящую встречу.

8 сентября 1964 года группой граждан Японии в количестве 32 человек состоялось посещение бывшего японского кладбища на острове Танфильева. Другая группа из 19 человек в последующие два дня посетила места захоронения в районе бухты Димитрова на острове Ши-

⁴ ГИАССО. – Ф. 53. – Оп. 7. – Д. 252. – Л. 83.

котан и бывшего японского кладбища в районе села Малокурильское.

Согласно утвержденному плану, первая группа в 6 часов утра 8 сентября, отбыв на теплоходе из порта Нэмуру в северо-восточной части острова Хоккайдо, после непродолжительного перехода была пересажена на советское спасательное судно, с которого в 11 часов 30 минут утра в полном составе произвела высадку на южном побережье острова Танфильева. После непродолжительно приветственной церемонии на кладбище в присутствии буддийского священника были проведены поминальные мероприятия. Для второй группы, прибывшей на остров Шикотан во второй половине дня 9 сентября, с учетом более широкой программы была предусмотрена ночевка на судне в бухте Малокурильская и посещение во второй день пребывания окрестных мест.

В обеих группах помимо родственников и бывших жителей упомянутых островов в качестве официального ответственного лица находился заведующий третим отделом управления общих дел канцелярии премьер-министра Цунео Ёсии. Помимо этого обе группы сопровождалась представителями министерства иностранных дел Японии, чиновниками губернаторства Хоккайдо, врачами, переводчиками и религиозными деятелями. При этом «в каждой группе был выделен старший из числа японских граждан, родственники которых захоронены на островах Хабомаи и Сикотан»⁵.

Представителем от советской стороны был назначен уполномоченный Совета по делам религиозных культов при Совете министров СССР по Сахалинской области и депутат областного Совета трудящихся В. З. Калинин. С ним в качестве переводчиков находились два сахалинских корейца, знающих японский язык. На встрече также присутствовали специально прибывший в область первый секретарь Дальневосточного отдела МИД СССР А. Ф. Сучалкин, первый секретарь Южно-Курильского парткома Ю. Н. Аржимирский и председатель райисполкома В. Д. Белов.

В соответствии с существующими в Японии традициями члены групп, прибыв на кладбище, в присутствии буддийского священника провели церемонию поминовения, в ходе которой у мест захоронения были возложены венки и установлены деревянные могильные знаки, носящие характер общих памятников в честь умерших. Состоялось богослужение в память об умерших по буддийскому обряду. Как указано в отчете находящегося в командировке на островах первого секретаря Дальневосточного отдела МИД СССР А. Ф. Сучалкина: «...перед непосредственным отправлением службы священником зачитывались молитвы – обращения к умершим, в которых выражалась радость по поводу возможности посетить могилы и высказывалась благодарность

⁵ ГИАССО. – Ф. 53. – Оп. 7. – Д. 264. – Л. 2.

Советскому правительству за разрешение посетить кладбища японских граждан на островах Хабомаи и Сикотан»⁶.

В целом посещение было проведено организованно и в соответствии с утвержденной программой. Японцы старались выразить добрые чувства в отношении СССР. Во время проведения обрядов с японской стороны каких-либо попыток использовать посещение в качестве предлога для националистических и враждебных Советскому Союзу демонстраций, в том числе касающихся территориального вопроса, проявлено не было. Наоборот, из отчета А. Ф. Сучалкина следует, «что японцами подчеркивался факт разрешения советской стороной посещать японским гражданам могилы их родственников на островах Хабомаи и Сикотан, что, по их мнению, является добрым шагом со стороны СССР, который будет с благодарностью воспринят в Японии и послужит делу дальнейшего улучшения отношений между странами»⁷. Единственным отклонением от принятой программы было небольшое выступление некоторых из японцев на кладбище в районе бухты Димитрова, выражающее глубокое уважение ко всем людям, отдавшим свою жизнь за освоение этих островов.

По просьбе японских представителей во время посещения кладбищ обе группы были сфотографированы, и по завершении церемонии обмена подарками каждому члену группы на память была вручена фотография. После посещения со стороны каждой из групп в адрес советского правительства за оказанный им прием была выражена благодарность. При этом японской стороной весьма положительно было оценено то обстоятельство, что местными органами власти были сохранены и приведены в порядок места захоронений их предков. «...Судя по передачам японского радио, прослушивание которого было организовано местными советскими органами, посещение японцами кладбищ на островах Хабомаи и Сикотан получило хороший отклик в Японии»⁸.

По итогам поездки руководством области с учетом достижений в экономическом и культурном развитии региона и опираясь на позитивный отклик со стороны Японии, были высказаны соображения о перспективах организации посещений Сахалинской области японскими делегациями и туристическими группами. По мнению первого секретаря обкома КПСС П. А. Леонова, «...это должно было иметь большой пропагандистский и политический эффект, дающий возможность ознакомить японскую общественность с грандиозными изменениями, произошедшими на Сахалине в послевоенный период, а также планами его экономического и культурного развития...»⁹.

Решимость советской власти в продвижении высказанных идей

⁶ ГИА СО. – Ф. 53. – Оп. 7. – Д. 264. – Л. 3.

⁷ Там же. – Л. 9.

⁸ Там же. – Л. 4.

⁹ Там же. – Л. 8.

можно проследить по газетным публикациям. На страницах «Советского Сахалина» – официального печатного органа Сахалинского обкома партии – все чаще появляются статьи и заметки о дружбе советского и японского народов, культурных обменах между странами, в том числе и на сахалинской земле¹⁰. Так, в номере от 12 сентября 1964 г. была опубликована статья о визите группы японских моряков в г. Александровск-Сахалинский¹¹. Спустя две недели, в очередном выпуске газеты помещается письмо японского капитана, в котором было выражено «...желание, чтобы наша дружба крепла и углублялась, на основе этой дружбы расширялись торговые отношения и дружественные связи»¹².

Обращает на себя внимание то, что документы, касающиеся посещения японскими гражданами могил предков, длительное время были засекречены. Основной массив материалов по данному вопросу стал доступен для исследования только в 2003 году в составе рассекреченных дел фонда Исполнительного комитета Сахалинского областного Совета депутатов трудящихся. Поэтому возможность для полноценного изучения данной темы, в том числе и в СССР, отсутствовала вплоть до недавнего времени.

Таким образом, по результатам поездки была сформирована основа для дальнейшего развития межгосударственных связей, их систематизации и подготовки первого межправительственного соглашения о сотрудничестве в культурной сфере.

Однако не стоит забывать о том, что уже тогда специфический характер отношениям СССР с Японией придавал территориальный вопрос. Несмотря на это, подобная практика была довольно продуктивным способом налаживания дружественных контактов и способствовала дальнейшему установлению более тесных и разносторонних связей между Советским Союзом и его дальневосточным соседом.

¹⁰ На острове увидят олимпиаду // Советский Сахалин. – 9 сентября 1964 г. ; Парламентская делегация Японии в СССР // Советский Сахалин. – 9 сентября 1964 г.

¹¹ Вобликов, А. Японские моряки заявляют «Ваши рабочие живут хорошо и радостно» / А. Вобликов // Советский Сахалин. – 12 сентября 1964 г.

¹² Письмо японского капитана // Советский Сахалин. – 27 сентября 1964 г.

Фото 1. На кладбище поселка Сикотан (ныне Малокурильское).
1964 год. Автор И. С. Квач

Фото 2. На кладбище острова Танфильева. 8 сентября 1964 года.
ГИАСО. Ф. 53. Оп. 7. Д. 264. Л. 17

Фото 3. На кладбище острова Сикотан в районе бухты Димитрова.
9 сентября 1964 года. Ф. 53. Оп. 7. Д. 264. Л. 18

Фото 4. На кладбище в Малокурильске на острове Сикотан.
10 сентября 1964 года. Ф. 53. Оп. 7. Д. 264. Л. 19

ИЛЛЮСТРАЦИИ О. Ю. ЯХНИНА К РАССКАЗАМ А. П. ЧЕХОВА

В Сахалинском областном государственном художественном музее (СОГХМ) собрана довольно значительная коллекция произведений, иллюстрирующих творчество А. П. Чехова. Это графические листы, живопись и скульптура. Большую часть (18 работ) составляют работы современного Санкт-Петербургского художника О. Ю. Яхнина.

В рамках данного исследования были изучены и проанализированы работы О. Ю. Яхнина, созданные по мотивам рассказов А. П. Чехова. На протяжении своей творческой жизни художник обращался к этой теме несколько раз, и в исследовании представлено сравнение работ художника раннего и более поздних периодов, выполненных на одну и ту же тему, выявлены выразительные художественные средства и особенности творчества.

Олег Юрьевич Яхнин родился в 1945 году в Лесозаводске Приморского края. Окончил Владивостокское художественное училище, а затем Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина. Преподавал в различных художественных институтах. В первые годы самостоятельного творчества художник упорно работал и стремился найти себя, свою творческую манеру, свою тему. Об этом свидетельствует использование различных техник в раннем творчестве – ксилографии, офорта, литографии, акварели, рисунка. Многочисленные поездки по стране дали незаменяемый опыт наблюдения за натурой, условиями жизни различных людей и общения с ними. Все это легло в основу творчества и самостоятельного развития художника. Олег Яхнин – мастер станковой и книжной графики, награжден множеством государственных премий, наград, дипломов. Его работы выделяет смелость и оригинальность изобразительных решений, неожиданность трактовки тем. Он участник более 400 выставок в России и за рубежом, организатор более 40 персональных выставок.

Художник проиллюстрировал более 50 книг, среди которых произведения К. Чуковского, А. Линдгрена, М. Семенович и др. Его иллюстрации к «Истории одного города» М. Е. Салтыкова-Щедрина, «Крошке Цахесу» Э. Т. А. Гофмана, рассказам А. П. Чехова стали классикой книжной графики. Среди работ художника выделяется цикл иллюстраций к «Фаусту» И. В. Гёте, изданный в 2005 году.

В 1982 году художник впервые создает серию иллюстраций по мотивам произведений Чехова. Небольшие по размерам графические работы выполнены на бумаге в смешанной технике. Для серии характерны декоративность, лубочность, деликатное использование цвета. Такой

выбор техники связан с доступностью рассказов Чехова как взрослым, так и детям. Для всех работ автор использует одинаковый вертикальный прямоугольный формат. Но, применяя различные композиционные приемы, он добивается точной передачи атмосферы определенного рассказа. Каждый графический лист композиционно целостный, законченный, несмотря на связь иллюстрации с текстом, шрифтом и другими специфическими особенностями книги, и поэтому может выставляться в пространстве музея как самостоятельно, так и в серии.

Отличается от цикла произведений работа 1985 г., выполненная по мотивам повести «Мужики» в технике гуаши. Сложная цветовая гамма, диагональная композиция помогают автору выразить особое состояние безысходности, тоскливости русских крестьян, прозябающих жизнь в нужде и пьянстве.

В канун 150-летнего юбилея писателя, в 2009–2010 гг., Яхнин возвращается к «чеховской теме», пробуя в себя в новой технике – иллюстративной монохромной живописи. Иллюстрации насыщены динамикой, эмоциями, переданными с помощью мимики, жестов, поз. Здесь автор смело использует стилизацию. Композиции более сложные, насыщенные деталями.

Рассмотрим более подробно две иллюстрации, созданные в разные периоды, к рассказу «Унтер Пришибеев» (Приложения 1, 4). В рассказе описан суд над унтер-офицером, который обвиняется в оскорблении нескольких людей. Пришибеев оправдывается перед судьей, отвечает, что делает все по законам, по правилам, командует, чтобы навести порядок. Но его «порядок» доходит до крайности, запрещает песни петь, свечи жечь по вечерам, хотя следить за порядком не входит в его обязанности. Свидетели из простолюдинов рассказывают о сложившейся ситуации, и унтер-офицера приговаривают к месяцу ареста. Но, несмотря на это, рассказ заканчивается тем, что Пришибеев из камеры вновь командует расходиться.

В поздней работе художник более точно передает атмосферу ситуации в рассказе.

У офицера мы видим ту же внешность: крупные черты лица, усы, лысина, морщины, широко раскрытые глаза, взъерошенные волосы, круглые очки. Та же застегнутая военная форма с множеством складок. Точка зрения такова, что зритель смотрит на обвиняемого с места судьи.

Но здесь автор добивается более глубокой характеристики героя. Стилизация фигуры: книзу она сужается. Художник теперь показывает кисти рук и через жесты передает состояние героя: сдержанность, но в то же время сильную напряженность, нервозность, негодование, потаkanie перед судьей. Руки по швам, поднятые плечи говорят о закрытости и напряженности.

Совсем другой композиционный строй картины. В ранней работе прослеживается противостояние унтер-офицера и народа, отделение их

друг от друга. В работе 2000-х гг. герои активно взаимодействуют друг с другом и создают единое целое, толпу, неразбериху. Диагональ фигуры офицера через весь лист создает движение и занимает большую часть листа. Из-за его фигуры виднеются свидетели: теперь это не просто-душный, скромный народ (как в ранней работе), а обвинители в полном смысле этого слова. Они, с неприятными лицами, вызывающими жестами, создают ритмы и динамику. В работе почти не остается пустых мест: художник наполняет пространство деталями, что подчеркивает хаос, создает шум. Героям как бы тесно в пространстве картины. В ранней работе есть конкретная свето-теневая проработка, в другой же работе свет и пространство условны.

В своем творчестве Яхнин обращается к области познания человека и его характера. С этой темой связаны все виды искусства, которыми занимается художник: живопись, станковая и книжная графика. Не становятся исключением и иллюстрации к рассказам Чехова. Глубокий психологический анализ, внимание к духовному миру человека, его социальной принадлежности – такие характеристики прочитываются в образах многих героев, созданных Яхниным. Портреты художника подталкивают зрителя на размышления о судьбе и переживаниях героя, его выборе. «Портрет является той формой, которая позволяет художнику остро и откровенно выразить свои мысли о жизни, времени и людях»¹.

Произведения Чехова заставляют внимательно всматриваться в действительность, в них наиболее полно и откровенно проявляется человеческая личность. Художник почувствовал тонкую сатиру писателя, атмосферу и нравы времени, специфику чеховских рассказов.

Иллюстрации к рассказу «Дама с собачкой» созданы к различным ситуациям и имеют свои отличительные черты. В первом случае (Приложение 2) автор рисует одну из многих тайных встреч влюбленных. Здесь художник с помощью выразительных средств передает безысходность ситуации, муку любви, ее тяготу. Гуров и Анна в его иллюстрации одиноки даже тогда, когда они вместе. Главные герои отвернуты друг от друга, их лица почти упираются в края листа, как бы в «тупик» сложившихся обстоятельств. Здесь снова Яхнин предстает перед зрителем как прекрасный психолог: Анна Сергеевна на переднем плане стоит в закрытой позе, словно обнимает и жалеет саму себя.

Дмитрий Дмитриевич сидит за столом недалеко от женщины. Закрытые глаза, сложенные «в замок» руки, поднятые плечи, он будто склонился под тяжестью ответственности за их порочную связь.

В структуре работы преобладает вертикаль, что придает статичность композиции. Все детали, контрасты подчинены главному – центру композиции, которым является лицо Анны Сергеевны. Структура,

¹ Козырева, Н. М. Олег Юрьевич Яхнин. Выставка произведений : каталог / Н. М. Козырева. – Л. : Художник РСФСР, 1988. – С. 5.

характер, взаимосвязь всех элементов создают единую композицию, которая образует, на мой взгляд, глубокое и оригинальное произведение.

В более поздней работе (Приложение 5) художник иллюстрирует неожиданную для Анны Сергеевны встречу в театре. Здесь, наоборот, композиция динамичная, множество диагоналей и ритмов лестниц создают движение. Внешность героев ничем не примечательна – это типичные люди, живущие двойной жизнью, каких много в обществе. Автор не случайно помещает между главными героями двух мужчин на заднем плане. Они символизируют общество, осуждение которого препятствует счастью героев.

Героиня более ранней работы, изящная, стройная, как и герой, вызывает сочувствие и симпатию у зрителя. В другой же работе они менее привлекательные, немного неуклюжие, непропорциональные и остаются без личностной окраски художника. Они не вызывают у зрителя ни симпатию, ни антипатию. В эссе «Перечитывая Чехова» Илья Григорьевич Эрнбург заметил: «В произведениях Чехова нельзя найти в чистом виде черную и белую краски; это порой объясняли особенности эпохи – тусклой и серой».

Рассмотрим работы, созданные по мотивам сатирической зарисовки «Толстый и тонкий». На графическом листе 1980-х гг. (Приложение 3) художник рисует тонкого со своей семьей. Порфирий стоит, слегка приклонившись, руки держит за спиной. На вытянутом лице играет улыбка. Позади тонкого стоят Луиза – его жена и сын Нафанаил. Луиза, несмотря на свой пышный наряд, выглядит просто, лицо ее невыразительно, взгляд испуганный. Неуклюжий подросток Нафанаил старается держаться, как подобает воспитанникам гимназии.

Характерной особенностью работы является преобладание вертикалей как основного направления движения масс изображаемых объектов. На вытянутом вертикальном формате герои изображены в полный рост, с трехчетвертного ракурса. Все члены семьи Порфирия высокие и худые, сын Нафанаил упирается головой в край листа, тем самым художник еще больше увеличивает его рост. Низкий горизонт преимущественно вытягивает без того худые фигуры. Диагонали в композиции почти отсутствуют, из-за чего композиция остается статичной.

На работе более позднего периода (Приложение 6) изображены все герои рассказа. Они словно позируют перед художником. Если в ранней работе композиция построена как случайная естественная зарисовка, взгляд со стороны, то в поздней работе мы видим анфасное изображение героев, наигранные позы, искусственные жесты. Композиция более динамичная благодаря диагональным наклонам фигур, загораживанию героев друг друга. Толстый поражает своей нелепой «изящностью». Поза Порфирия остается в наклоненном пресмыкающемся положении, но теперь левая рука расположена у лица, а правая внизу, неестествен-

ное положение пальцев говорит о нервозности и напряженности. Луиза стоит позади мужа, лица ее почти не видно, но, судя по некоторым заметным чертам, она похожа на Порфирия. Над этой группой возвышается Нафанаил с высоко вздернутой головой и плотно застегнутым воротником. Задний план остается почти неизменным: выложенная брусчаткой площадь с невысокими зданиями.

Лица и одежда героев детально проработаны. Центром композиции является лицо толстого. Акценты сделаны на лицах и руках героев, они выделяются контрастом светлой кожи на более темном фоне одежд и окружающего пространства. Ритмы светлых и темных пятен организуются в единое целое. Большая фигура Миши справа уравнивается темным пятном платья Луизы. Несмотря на некоторую обрывочность, композиция цельная и лаконичная. Расставленные акценты, паузы и ритмы соединяют воедино все элементы.

Книжная иллюстрация как составная часть книги представляет собой особый вид искусства, поскольку в какой-то степени является дополнением текста. Талантливый художник-иллюстратор помогает читателю сформировать зрительные образы героев и событий, уяснить содержание, а часто и выявить не всегда заметную информацию. Для создания выразительной, оригинальной иллюстрации необходимо решить задачи композиционной организации, декоративности, эмоциональной выразительности, стилистического соответствия духу литературного произведения, изображаемой эпохе. О. Ю. Яхнину удалось успешно это сделать.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Яхнин О. Ю. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Унтер Пришибеев» 1982 г. Бумага, смешанная техника 25,5 x 17,5; 16,6 x 10 мм.
КП-8935

2. Яхнин О. Ю. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Дама с собачкой» 1982 г. Бумага, смешанная техника 25,7 x 17,6; 16,5 x 10 мм.
КП-8939

3. Яхнин О. Ю. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Толстый и Тонкий» 1982 г. Бумага, смешанная техника 26,8 x 19,4; 16,5 x 10,2 мм.
КП-8936

4. Яхнин О. Ю. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Унтер Пришибеев» 2009 г.
Картон, масло

5. Яхнин О. Ю. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Дама с собачкой» 2009 г. Картон, масло 49,2 x 34,7 мм. КП-8919

6. Яхнин О. Ю. Иллюстрация к рассказу А. П. Чехова «Толстый и Тонкий» 2009 г. Картон, масло 50,9 x 35 мм. КП-8921

МОЙ ДЕД, А. П. ЧЕХОВ И Я (ПОСВЯЩАЕТСЯ МОЕМУ ДЕДУ СИДОРИНУ ВАСИЛИЮ НИКАНДРОВИЧУ)

Моего Деда, Сидорина Василия Никандровича, расстреляли по приговору тройки УНКВД 16 апреля 1938 года в Тымовском районе Сахалинской области, ему было 33 года...

Деда вместе с младшим братом Александром обвинили в антисоветской и пораженческой агитации и намерении «уйти» в Японию. Василий Никандрович виновным себя не признал. Моей маме, Быковой Тамаре Васильевне, в девичестве Сидориной, тогда было три года.

В пятидесятые годы прошлого века уголовное дело в отношении моего Деда и его брата было прекращено за отсутствием состава преступления. Следователя, сфабриковавшего дела, приговорили к расстрелу, позже высшую меру заменили на восемь лет исправительно-трудового лагеря.

О том, что мой Дед реабилитирован, я узнал от мамы в 2003 году. Его имя было записано в Книгу Памяти благодаря работе Подпечникова Владимира Леонидовича. От него мама также узнала, что в областном Сахалинском архиве есть уголовное дело, с которым можно ознакомиться.

Эта информация послужила причиной того, что я начал свое семейное изучение событий того времени.

Тогда, в 2003 году, впервые в областном архиве мне попались на глаза карточки переписи населения Сахалина, заполненные рукой Антона Павловича Чехова. Из них я узнал, что в 1881 году на момент переписи в селе Рыковское, ныне Кировское, в 50-м дворе проживали мой пятидесятилетний Прапрадед Сидорин Никон Нестерович с женой Наталей Сидоровной, двумя сыновьями и невесткой.

Благодаря той деятельности Антона Павловича, у меня появилась возможность составить генеалогию своего рода.

Мой Прапрадед и его семья – выходцы из Рязанской губернии. Дружные и трудолюбивые, они zaloжили на Сахалине крепкое крестьянское хозяйство. На протяжении нескольких поколений оно кормило не только мою семью, но давало возможность односельчанам, работая в нем, получать деньги и еду во время сезона. В начале становления советской власти такое умение вести крестьянское хозяйство называли кулачеством, а трудолюбивого крестьянина – кулаком, врагом советского государства. Семью раскулачили, имущество передали в собственность колхоза.

После расстрела моего Деда в 1938 году его жена, моя бабушка Сидорина Ефросинья Гордеевна, в девичестве Курышева, имела статус «жена врага народа», а моя трехгодовалая мама со своими сестрами и братом – «дети

врага народа». Чтоб избежать детского дома для шестерых своих детей, бабушка была вынуждена создать в семье специфическую атмосферу выживания и конспирации. Моя мама вспоминала, что к ним в дом никого не приглашали и сами по возможности никуда не ходили, «держали язык за зубами», так как любой разговор люди со стороны могли трактовать двусмысленно и последствия этого могли стать трагическими.

Я вспоминаю свое детство в Александровске-Сахалинском. «Можно я пойду в гости? – обращался я к маме». – «Нет, – следовал ответ». «А можно ко мне придут ребята?» И опять «нет!» Тогда мне было очень обидно, а еще и непонятно, почему «нет», тем более когда дети соседей, мои приятели, беспрепятственно ходили друг к другу в гости. И только совсем недавно я стал понимать это «нет». Чтобы выжить и оградить детей от беды, моя бабушка перестроила свой социальный быт. Так в моей семье были сформированы модель поведения, менталитет, который позволял остаться вместе и выжить.

Это поведение сформировалось у моей мамы и уже через нее передавалось нам, ее детям. Я замечал, как в своей семье подсознательно ограничивал приход к нам домой подруг и друзей дочери. Другой пример проявления моего менталитета выживания – это нежелание брать на себя ответственности в полной мере и непроявление искренней, открытой инициативы на рабочем месте. Хотя если я что-то делаю, то делаю качественно и мне нет необходимости стыдиться своего труда.

В настоящее время я предприниматель и тружусь на себя. В некоторые моменты своей деятельности я ощущал, что действую как будто не я, что есть какая-то причина этого не моего поведения. И не так давно я понял эту причину. Ей является менталитет моей мамы и бабушки. Для них предпринимательский труд, труд на самого себя означает одно – конфискация имущества, боль, связанная с социальным ярлыком «враг народа» и смерть отца и мужа. Я пронес это в себе через два поколения, и это не помогало мне в жизни. Мне стоило немалых усилий понять все это и начать избавляться от этого менталитета, который в нынешнее время является барьером, неким якорем, сдерживающим позитивную динамику моей жизни.

Об этом я говорю неспроста. Есть один отличный библейский пример. Когда Моисей забрал из египетского плена свой народ, то на протяжении сорока лет они не могли найти землю обетованную и начать оседлый образ жизни. И лишь после смерти последнего человека, рожденного в египетском рабстве, по сути, раба, пред ними предстало то место, которое они искали – земля обетованная. Я хорошо понимаю, что раскулачивание и расстрелы были не только в моем роду. И искренне хочу, чтоб те люди, кто имеет схожую историю своей семьи с моей, увидели себя со стороны и начали искоренять пагубный стиль мышления из своего сознания, «хоронить раба» советской эпохи.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Борисова Вера Григорьевна – библиограф Сахалинской областной универсальной научной библиотеки (далее – СОУНБ).

Быков Олег Петрович – индивидуальный исследователь.

Габриков Ярослав Евгеньевич – аспирант первого года обучения Сахалинского государственного университета, архивист I категории отдела информатизации архивных технологий Государственного исторического архива Сахалинской области.

Гринько Людмила Николаевна – начальник отдела науки и педагогических инноваций ГОУ ДПО «Институт развития образования Сахалинской области», кандидат филологических наук.

Дорофеева Лариса Владимировна – доцент кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Иконникова Елена Александровна – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук.

Кайгородова Алена Андреевна – старший научный сотрудник научно-экспозиционного отдела Сахалинского областного художественного музея.

Карпов Владислав Алексеевич – аспирант первого года обучения Сахалинского государственного университета, младший научный сотрудник отдела информации и научного использования документов Государственного исторического архива Сахалинской области.

Ким Чан Ок (Тамара Гильевна) – научный сотрудник Государственного исторического архива Сахалинской области.

Кокорина Ирина Андреевна – главный библиотекарь отдела городского абонементов СОУНБ.

Кудрявцев Игорь Геннадьевич – доцент кафедры общегуманитарных дисциплин Южно-Сахалинского филиала ГОУ ВПО «Российский государственный торгово-экономический университет», кандидат исторических наук.

Лисицына Елена Николаевна – доцент, профессор кафедры русской и всеобщей истории Сахалинского государственного университета, кандидат исторических наук.

Павлова Татьяна Константиновна – специалист по методической работе отдела очно-заочного и заочного отделений Сахалинского государственного университета.

Рублева Лариса Ивановна – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, доктор филологических наук.

Степаненко Анастасия Александровна – заведующая кафедрой журналистики Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Фирсова Евгения Павловна – заведующая экспозиционно-исследовательским отделом Сахалинского областного краеведческого музея.

Чудинова Виктория Ивановна – доцент, заведующая кафедрой русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Шайхудинова Юлия Романовна – старший преподаватель Сахалинского государственного университета.

Шумилова Татьяна Евгеньевна – профессор кафедры русской и зарубежной литературы Сахалинского государственного университета, кандидат филологических наук.

Щеглов Виктор Владиславович – советник отдела охраны объектов культурного наследия Министерства культуры Сахалинской области, кандидат исторических наук, доцент.

Научное издание

XV–XVI ЧЕХОВСКИЕ ЧТЕНИЯ

Сборник научных статей

Составители:

ЖУК Анна Александровна,
СУШКЕВИЧ Татьяна Алексеевна

Корректор В. А. Яковлева

Верстка О. А. Надточий

Подписано в печать 30.08.2013. Бумага «Inasoria».

Гарнитура «Minion Pro». Формат 60х84¹/₁₆.

Тираж 500 экз. (1-й завод 1–140 экз.). Объем 9,5 усл. п. л. Заказ № 56-13.

Издательство Сахалинского государственного университета.

693008, г. Южно-Сахалинск, ул. Ленина, 290, каб. 32.

Тел. (4242) 45-23-16. Тел./факс (4242) 45-23-17.

E-mail: izdatelstvo@sakhgu.ru, polygraph@sakhgu.ru